

Ион Колфер

КОСМО ХИИЛ

СУПЕРНАТУРАЛИСТ

Атака биовампиров

ЭКСМО

WILLIAM O. WOOD

1900

1900

1900

Йон Колфер

КОСМО ХИМ

СУПЕРНАТУРАЛИСТ

 , Москва
«Домино», Санкт-Петербург

2005

УДК 82(1-87)
ББК 84(4 Вел)
К 60

Eoin Colfer

THE SUPERNATURALIST

Copyright © 2004 by Eoin Colfer

Руководитель проекта *А. Жикаренцев*

Оформление художников
А. Старикова и А. Васильевой

Рисунки *А. Васильевой*

К 60 **Колфер Й.** Космо Хилл. Супернатуралист: Фантастический роман / Пер. с англ. Н. Берденникова. — М.: Изд-во Эксмо, СПб.: Изд-во Домино, 2005. — 384 с.

ISBN 5-699-09015-0

В городе будущего, полностью управляемом огромным слутником, вдруг начинают происходить странные вещи. Сверхъестественные существа, невидимые для большинства людей, преследуют больных и умирающих. И так уж сложилось, что судьба свела Космо Хилла с теми немногими, кто пытается противостоять тварям-невидимкам. Эти ребята, его ровесники, называют себя супернатуралистами...

УДК 82(1-87)
ББК 84(4 Вел)

ISBN 5-699-09015-0

© Перевод. Н. Берденников, 2005
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2005

Посвящается Софи,
другу и агенту.

СПАСИБО ЗА ПОСЛЕДНИЕ ЧЕТЫРЕ ГОДА
И ЗАРАНЕЕ — ЗА МНОГИЕ ГОДЫ
В БУДУЩЕМ.

ГЛАВА 1

КОСМОНАВТ ХИЛЛ

*Маичи-Сити, Северное полушарие.
В скором будущем*

Маичи-Сити — город будущего, так утверждает реклама. Мегapolis, полностью управляемый спутником «Маичи-9», который парит в небе над ним подобно военному кораблю. Типичный человеческий муравейник третьего тысячелетия. Все, что угодно, для тела и ровным счетом ничего для души. Триста квадратных миль серой стали и автомобилей.

Маичи-Сити. Мегapolis на двадцать пять миллионов душ, одна другой злосчастнее. Хотите доброе напутствие? Получите: да не доведется вам побывать в городе будущего!

Возьмем, к примеру, Космо Хилла. Хороший, в общем, мальчик. За свою короткую жизнь он еще не успел натворить ничего особенно дурного. К сожалению, сам по себе этот факт не принес ему счастья, потому что у Космо Хилла

не было поручителя. А по правилам, действующим в Маичи-Сити, если у тебя нет поручителя и твоих биологических родителей невозможно определить по открытым для широкой общественности спискам ДНК, тебя отправляют в сиротский приют. До достижения совершеннолетия. Если же тебе каким-то чудом удастся дожить до совершеннолетия, то приют сфабрикует поддельное досье правонарушений, чтобы продать тебя в одну из частных трудовых колоний.

За четырнадцать лет до интересующих нас событий младенца Космо нашли в герметичном пакете из-под «Веселой пищи» на площади Космонавта Хилла в Москва-тауне. Городская полиция взяла пробу ДНК, ввела ее в универсальную компьютерную систему Маичи-Сити и получила нулевой результат. Обычное дело, в Маичи-Сити каждый день находят сирот-подкидышей. Итак, окрещенного Космо Хиллом младенца опустили в чан с вакциной и отправили по трубе в Институт для мальчиков с неустановленными родителями Клариссы Фрейн. По грузовому тарифу.

Системы социального обеспечения, а следовательно, и государственные пособия на Маичи-Сити не распространялись, поэтому все его учреждения добывали деньги, как могли. Институт Клариссы Фрейн специализировался на

испытании новых товаров. Когда разрабатывался модифицированный продукт питания или непроверенное лекарственное средство, сиротский приют с радостью предлагал своих лишенных поручителей обитателей в качестве подопытных свинок. Это прекрасно окупалось. Сироты были умыты и накормлены, а институт Фрейн получал деньги за исполнение своего почетного долга перед обществом.

Космо получал общее образование при помощи стандартных обучающих программ, его зубы были белее белого, волосы — блестящими и без перхоти, но внутри он чувствовал себя так, словно по нему прошлись радиоактивной проволочной щеткой. Со временем Космо понимал, что приют медленно убивает его. Пора было покинуть данную обитель.

Существовало только три способа покинуть стены института Клариссы Фрейн: усыновление, смерть или побег. На усыновление рассчитывать не приходилось — возраст не тот. Бездетные представители среднего класса не горят желанием принять в семью трудного подростка. На протяжении многих лет Космо лелеял мечту, что он кому-то понадобится, но теперь настало время посмотреть правде в лицо. Смерть была самым легким выходом. Нужно только выполнять то, что говорят, и через несколько лет организм откажет. Средний срок жизни

сироты в приюте — пятнадцать лет. Космо было четырнадцать. Значит, статистика оставляла ему менее двенадцати месяцев. Двенадцать месяцев для разработки беспроектного плана. Был только один способ выбраться из института Клариссы Фрейн — *побег*.

В Институте для мальчиков с неустановленными родителями Клариссы Фрейн дни протекали одинаково. Тяжелый труд днем, беспокойный сон ночью. Выходных не было, как не было и поблажек для несовершеннолетних. Каждый день был рабочим. Воспитатели заставляли сирот работать так, что к восьми часам вечера мальчики засыпали на ходу и мечтали только о том, чтобы рухнуть в постель.

Космо Хилл был исключением. Каждую минуту бодрствования он напряженно высматривал свой шанс — ту заветную долю секунды, когда свобода поманит его из-за незапертой двери или неохраняемой ограды. Это могло случиться когда угодно, и Космо не хотел, чтобы счастливая возможность застала его врасплох.

Тот конкретный день ничем не обещал долгожданной удачи. А даже если бы она и выпала, Космо сомневался, что сумеет ею воспользоваться.

Лишенные поручителей сироты весь день проверяли на себе действие новой серии средств

от пота. Их ноги были побриты и оклеены кольцами липкой ленты. На кожу между лентами наносились пять разных средств, затем мальчикам приказывали бежать на тренажере. Закрепленные на ногах датчики регистрировали потоотделение, что позволяло определить, какое из средств наиболее эффективно. К концу дня Космо пробежал десять миль, и поры кожи на его ногах горели огнем. Он был почти рад, когда его приковали наручниками к товарищу по несчастью и погнали в долгое путешествие к спальне.

В спальню мальчиков сопровождал воспитатель Редвуд. Он здорово напоминал густо набриолиненную гориллу, только щегольской кок его был рыжим. Воспитатель имел привычку постоянно накручивать свой кок на палец.

— Итак, ребята, — сказал Редвуд, по очереди снимая с мальчиков наручники. — Сегодня вечером будут показывать игру, которую я хочу посмотреть. Я даже поставил на результат несколько динаров. Поэтому, если не хотите неприятностей...

Редвуду не было необходимости договаривать угрозу. Мальчики и так знали, что у воспитателя есть сотни законных способов сделать жизнь сироты невыносимой и еще тысячи — незаконных.

— Спите спокойно, юные принцы, — с ухмылкой произнес воспитатель, вводя код в за-

мок двери общежития. — Завтра, как всегда, будет трудный день, до краев полный забав.

Как только Редвуд ушел, сироты расслабились и предписанная распорядком тишина сменилась стонами боли. Космо рискнул дотронуться до голени в том месте, где особенно едкий аэрозоль оставил на коже настоящий ожог.

— Пять минут до отключения света, — раздался из динамиков голос Редвуда. — Хватайтесь за лестницы, ребята.

Триста сирот мгновенно повернулись к десятку вертикальных стальных лестниц и принялись судорожно карабкаться наверх. Никому не хотелось остаться на полу после того, как уберут лестницы. Сироту, который не успеет занять свое спальное место до выключения света, ждало такое наказание, по сравнению с которым десятимильная пробежка могла показаться приятной прогулкой.

Каждому мальчику было выделено место, в котором он ел, спал и проводил свободное время, если таковое бывало. Эти «жилые помещения» представляли собой шестифутовые секции картонной трубы. Трубы были подвешены в несколько рядов на высоте пятидесяти футов над полом. Когда сироты залезали в свои «комнаты», все система раскачивалась как океанский лайнер.

Космо карабкался быстро, невзирая на боль в мышцах ног. Его труба находилась на са-

мом верху. Если свет выключат, прежде чем он успеет добраться до нее, дело плохо. Каждое движение сопровождалось новым приступом боли, но он упрямо поднимался наверх, едва не бодая головой пятки мальчика, который лез выше, и ощущая, как другой товарищ по несчастью подпирает его снизу.

Через несколько минут отчаянного карабканья Космо достиг своего «этажа». В трубы попадали по узким, не больше ладони в ширину, балкам. Космо стал осторожно пробираться по ней, придерживаясь за поручень, закрепленный под балкой уровнем выше. Его спальное место было пятым в ряду. Космо прыгнул в свой картонный пенал и упал на матрас из пенорезины. Десять секунд спустя свет погас.

Тусклый желтый свет освещал интерьер каждой трубы. Свечение испускал обед, который заранее раскидал по картонным жилым пеналам воспитатель. Несколько лет назад паек был испытан на сиротах и одобрен для питания солдат в зоне военных действий. Подносы и бутылки с водой светились и были съедобными, то есть сироты могли питаться после отключения света, что позволяло администрации института экономить на электроэнергии несколько динаров. Поднос был сделан из грубого пресного хлеба, а бутылка с водой — из полужесткой жевательной смолы. Армия от-

казалась от использования этих походных рационов, после того как несколько солдат подали в суд: светящаяся упаковка вызывала внутреннее кровотечение. Приют скупил с армейских складов остатки пайков и кормил ими сирот ежедневно.

Космо ел медленно, не задумываясь о том, из чего состояла пища. Мысли об этом лишь добавили бы лишние пункты и в без того обширный список поводов для головной боли. Оставалось лишь надеяться, что он сумеет сбежать из института Клариссы Фрейн, прежде чем еда нанесет непоправимый ущерб его здоровью.

Воду Космо использовал в последнюю очередь, чтобы запить хлебный поднос. Затем он вывернул бутылку наизнанку и положил ее на лицо как салфетку. А ведь где-то есть совсем другая жизнь, куда лучше, уныло думал он. В этот самый миг кто-то разговаривает, ничего не боясь. А кто-то наверняка даже смеется. Настоящим смехом, а не тем злобным гоготом, который часто разносится по залам приюта.

Космо лег на спину. Жидкость из бутылки холодила лоб. Сегодня ему не хотелось думать. Не хотелось мечтать о родителях, но заслуженный сон упрямо не шел к нему. Родители. Кто они? Почему они бросили его на площади Космонавта Хилла? Может быть, он русский? По лицу не поймешь. Темные выющиеся волосы,

карие глаза, светлая кожа в веснушках. Он мог родиться где угодно. Почему его бросили?

Космо переложил бутылку на покрасневшую полоску кожи на ноге. «Заткнись, — приказал он своему мозгу. — Только не сегодня. В прошлом нет жизни. Думай о будущем».

Кто-то тихонько постучал по трубе сверху. Это был Зиплок Мерфи. Заработала связь. Космо ответил на стук, потом поднял матрас, чтобы подать сигнал Фенсу, который жил ниже. Лишенные поручителей сироты разработали свою систему связи, позволявшую общаться незаметно от бдительного ока воспитателей. Кларисса Фрейн не одобряла прямого общения мальчиков из опасения, что оно может развиться в дружбу. Где дружба — там и единство, а где единство — там, того и гляди, бунт.

Космо сунул пальцы в шов картонной трубы и вытащил спрятанные там две небольшие трубочки. Он вылепил их из жевательных бутылок и хрустящего хлеба, а затем запек на подоконнике. Космо вставил одну трубочку в отверстие в нижней части трубы, а вторую — в такую же дырку у себя над головой.

— Эй, Космо, как твои ноги? — раздался сверху голос Зиплока.

— Болят, — ответил Космо. — Приложил к ожогу бутылку, но не помогает.

— Я тоже пробовал, — произнес снизу Фенс. — Средства от пота. Помню, как на нас испытывали отравленные дротик. Я тогда блевал целую неделю.

Замечания и предложения раздавались по всей сети через отверстия в трубах. Трубы касались друг друга, кроме того, акустика зала обеспечивала передачу звуков на поразительные расстояния. Космо слышал, как перешептываются узники института, находившиеся в нескольких сотнях ярдов от него.

— А что говорит Химик? — спросил он. — Я имею в виду, о наших ногах.

Химиком прозвали в приюте мальчика, жившего через две трубы от Космо. Он любил смотреть по телевизору медицинские программы и был своего рода консультантом всех сирот.

Ответ пришел буквально через минуту.

— Химик советует поплевать на руки и втереть слюну в кожу. Слюна содержит что-то такое, что успокаивает жжение. Но нельзя облизывать пальцы, иначе будет хуже, чем после слизи.

Тут же стало слышно, как мальчики плюют себе на руки. От их усилий задрожала вся конструкция. Космо тоже последовал совету Химика, потом лег на спину и стал слушать сотню разговоров одновременно. Иногда он и сам что-нибудь говорил, но по большей части слушал

речи Зиплока. Сегодня Космо мог думать только о заветном миге, когда свобода поманит его. И о том, что следует быть готовым, когда этот миг наступит.

Шанс обрести свободу выпал Космо буквально на следующий день на обратной дороге в приют. Сорок лишенных поручителей сирот, среди них и Космо, провели день в звукозаписывающей компании. Требовалось просмотреть рекламные ролики сгенерированных компьютером поп-групп, после чего ответить на вопросы анкеты размером шестьдесят килобайт. Какой смоделированный певец понравился вам больше других? Какой смоделированный исполнитель показался вам крутым? «Крутым, подумать только!» — фыркнул про себя Космо. Даже компьютеры этой компании отстали от времени. Кто же в наше время говорит «крутой»? Космо отмечал ответы на экране сенсорной ручкой, почти не читая вопросов. Компьютерной попсе он предпочитал музыку, сочиненную живыми людьми. Впрочем, никто не жаловался. Провести день за просмотром роликов было все же куда лучше, чем испытывать на себе всякую химию.

После сеанса воспитатели института Фрейн загрузили сирот в фургон. Судя по тому, что на нем были установлены настоящие резино-

вые шины, а не пластмассовые гусеницы, фургону было лет сто, не меньше. К Космо приковали наручниками Зиплока Мерфи. Зиплок был неплохим парнем, только слишком много болтал. Именно из-за этого он получил свою кличку в приюте*. Однажды этот ирландец сказал много лишнего не тому, кому нужно, и ему суперклеем приклеили к губам застежку-молнию от пакета для продуктов. Волдыри прошли только через несколько недель. Мальчик хорошо усвоил урок, но зато у него появилась новая тема для разговоров.

— Этот клей не зря называют суперклеем, — тараторил Зиплок, когда один из воспитателей защелкивал наручники на вставленное в сиденье кольцо. — Его используют для лечения раненых на поле боя. Заливают прямо в раны.

Космо равнодушно кивнул. Зиплок, похоже, забыл, что рассказывал эту историю уже миллион раз. Может быть, Космо был сам виноват — он единственный хотя бы делал вид, что слушает.

— Пришлось полить пакет кипятком, чтобы он отклеился от меня, — продолжал Зиплок. — Если хочешь знать, я почти ничего не

* Ziplock (англ.) — застежка-молния. (Здесь и далее примеч. ред.)

чувствовал. Один из воспитателей накачал меня обезболивающим. Даже если б они вколачивали мне в череп шестидюймовые гвозди, я все равно бы ничегошеньки не почувствовал.

Космо потерял кожу, натертую наручниками. У всех его товарищей по несчастью от оков были красные полосы на запястьях, которые никогда не заживали. Клеймо узников.

— Ты когда-нибудь пробовал весь день дышать через нос? — не унимался Зиплок. — Я вот пробовал. Несколько раз. Жуть, честно говоря.

Водитель в кабине подключал фургон к навигационному каналу связи со спутником. В последнее время со связью были проблемы. Как говорили по телевизору, виной всему было то, что спутник постоянно надстраивался. Из-за этих работ нарушалась и без того низкая орбита «Маичи-9». Говорили даже, что антенны некоторых компаний ломались или сгорали в верхних слоях атмосферы Земли.

— Почему стоим? — заорал воспитатель Редвуд. У рыжего верзилы в тот день оглушительно воняло изо рта, а настроение было совсем скверным. Видимо, вчера он выпил слишком много пива. Судя по отвислому животу, слишком много пива он выпивал каждый божий день. — Агнес поклялась, что переедет к сестре, если сегодня я приду домой поздно.

— Это все чертов спутник! — крикнул водитель. — Никак не могу установить связь.

— Устанавливай, или мой сапог установит прямую связь с твоей задницей.

Зиплок хмыкнул так громко, что его услышал Редвуд.

— Думаешь, я шучу, Франциск? — заорал воспитатель, треснув Зиплока по уху. — Считаешь, что я не сделаю, что сказал?

— Конечно сделаете, сэр. У вас такой взгляд... Нельзя шутить с человеком, который так смотрит.

Редвуд взял Зиплока за подбородок и заставил посмотреть себе в глаза.

— Знаешь, Франциск, впервые я услышал от тебя умную мысль. Со мной нельзя шутить, потому что я делаю то, что хочу. Таких уродов, как ты, я б отправлял на мыло по дюжине в день, если бы не надо было писать столько бумаг. Ненавижу писанину.

Зиплоку бы отмолчаться, да он не мог. Вернее, его слишком болтливый рот никак не мог закрыться.

— Я слышал об этом, сэр, — сказал мальчик.

Редвуд еще сильнее вздернул его подбородок.

— Что, Франциск? Что ты слышал?

Космо дернул цепь наручников, предостерегая товарища. Такого человека, как Редвуд,

не стоит выводить из себя. Его боялись даже полные отморозки. О нем ходило немало жутких слухов. Некоторые сироты из института Фрейн исчезли без следа.

Но Зиплок не мог остановиться. Слова вылетали из его рта как растревоженные пчелы из улья.

— Я слышал, что вы ненавидите писанину, потому что в некоторых словах больше трех букв. — И он гнусно хихикнул. Не столько потому, что ему было смешно, сколько потому, что он пребывал на грани истерики. Космо понял, что Зиплок неминуемо окажется в отделении для душевнобольных. Если выживет, конечно.

Редвуд переместил пальцы на горло Зиплока и слегка сжал их.

— Таких идиотов, как ты, жизнь ничему не учит. Запомни, в этом городе за острое словцо приходится платить болью, и это еще в лучшем случае.

Жизнь Зиплоку спас спутник — прежде чем пальцы Редвуда успели сжаться на горле сироты, система загрузила маршрут в навигатор фургона. Фургон, накренившись на повороте, выехал со стоянки и влился в поток транспорта на шоссе. Из-под брюха машины выдвинулся направляющий стержень и углубился в направляющий желоб магистрали.

— Мы зафиксировались! — крикнул водитель. — Через десять минут будем на месте.

Редвуд отпустил горло Зиплока.

— Тебе везет, как ирландцу, Франциск. Сейчас у меня слишком хорошее настроение, чтобы причинять тебе боль. Но потом, когда я буду не в духе, ты так легко не отделаешься, помани мое слово.

Зиплок жадно втянул в легкие воздух. По горькому опыту он знал, что скоро поврежденное дыхательное горло опухнет, сузится до размера соломинки, и он будет говорить с присвистом.

— Заткнись, Зиплок, — прошипел Космо, провожая взглядом удалявшегося по проходу воспитателя. — Редвуд — псих, он нас за людей не считает.

Зиплок кивнул, потирая горло.

— Не могу удержаться, — прохрипел он. Глаза у него были на мокром месте. — Всякая чушь сама вылетает изо рта. Я от такой жизни скоро свихнусь.

Космо хорошо его понимал. Ему и самому нередко казалось, что он медленно сходит с ума. Особенно ночами, когда он лежал в своей трубе, а вокруг раздавались плач и жалобы таких же несчастливцев.

— Ты ведь тоже это чувствуешь, да, Космо? Думаешь, кто-нибудь усыновит парня на гра-

ни сумасшествия или «трудного подростка» вроде тебя?

Космо отвел взгляд. Он-то хорошо понимал, что ни один из них не похож на подходящего для усыновления милого мальчика. Но Зиплок упорно цеплялся за иллюзию, что шанс есть, и каждый день надеялся, что именно сегодня за ним явятся приемные родители и усыновят его. И то, что сегодня ирландец посмотрел правде в лицо, означало, что Зиплок уже «дошел до ручки».

Космо прижался лбом к стеклу и стал смотреть на город. Они ехали по району новостроек, мимо проносились серые жилые дома, похожие на чугунные чушки. Именно из-за этих особенностей архитектурного стиля местные жители часто называли Маичи-Сити Большой Чушкой. На самом деле дома, конечно, были построены не из чугуна, а из сверхпрочного полимера на основе стали, который должен был оставаться прохладным летом и теплым — зимой, но поступал совсем наоборот.

Внезапно фургон содрогнулся от удара. Кто-то врезался в него сзади. Редвуд не удержался на ногах и упал на пластиковый пол.

— Эй, что происходит? — удивленно воскликнул он.

Космо встал и, насколько позволяли цепи, попытался рассмотреть, что именно случилось.

Водитель судорожно вводил код в устройство спутниковой связи.

— Спутник. Мы потеряли канал!

Потеряли канал! Это означало, что они застряли на оживленной магистрали без маршрута движения. Пескари в море акул. Фургон снова содрогнулся от удара, на этот раз сбоку. Космо успел заметить отскочивший от них небольшой грузовик с помятым бампером.

Редвуд с трудом поднялся на ноги.

— Переходи на ручное управление, кретин! Садись за руль!

Водитель побледнел. Скорее всего, он не управлял машиной вручную ни разу в жизни. Рулем пользовались только за городом или на незаконных гонках в районе под названием Бушка. Но долго мучиться сомнениями и колебаниями горе-шоферу не пришлось: беспилотный рекламный модуль-самоходка врезался в фургон, и кабина сложилась гармошкой. Водитель исчез в туче осколков стекла и паутине проводов.

Сила удара была страшной, фургон вылетел из своего желоба и упал набок. Космо и Зиплок повисли на цепях. Воспитателей, и Редвуда в том числе, раскидало как осенние листья в бурю.

Космо не мог сказать, сколько столкновений выдержал фургон. Через некоторое время звуки ударов слились в неистовую барабанную

дробь. И с каждым громовым ударом в стенах появлялись огромные дыры. Стекла разбились вдребезги и пролились радужным дождем мелких осколков.

Космо держался изо всех сил. А что еще ему оставалось делать? Визгливый хохот Зиплока, болтавшегося на одной с ним цепи, резал ухо не хуже, чем стеклянные брызги — кожу.

— Ну дела! — кричал юный ирландец. — Вот это попали!

Фургон развернуло поперек дороги. В облаке искр его снесло с магистрали. Асфальт не выдержал такой нагрузки, и за машиной появилась рытвина метров тридцать длиной. Наконец фургон влетел в витрину китайского ресторана «Борода дракона», да там и замер. Пряные ароматы имбиря и сои смешались с резкими запахами крови и машинного масла.

Космо по-прежнему болтался на цепи наручников. Чтобы хоть немного облегчить нагрузку на запястье, он уперся ногой в раму окна.

— Зиплок? Эй, Фрэнк, ты в порядке?

— Да вроде живой... — несколько разочарованно, как показалось Космо, отозвался тот.

Отовсюду доносились крики о помощи и стоны. Многих серьезно ранило, несколько мальчиков и вовсе отмучились. От воспитателей помощи ждать не приходилось. Они либо лежали без чувств, либо тупо смотрели на соб-

ственные неестественно вывернутые конечности. Редвуд осторожно коснулся своего быстро распухающего носа.

— Никак сломан! — простонал он. — Агнес будет просто в восторге.

— Круто! — воскликнул болтавшийся над Редвудом Зиплок. — Нет худа без добра.

Редвуд, как был на четвереньках, замер и оскалился. В этот момент он здорово смахивал на питбуля. Крупная капля крови вытекла из его ноздри и упала в выбитое окно.

— Чё ты сказал? — медленно, потому что выговаривать слова ему было трудно, прогундел воспитатель.

Космо извернулся на своей цепи и ухитрился пнуть Зиплока под ребра.

— Заткнись, а то сейчас оба получим!

— Хорошо-хорошо, я ничего не сказал, воспитатель. Ровным счетом ничегошеньки.

Но было слишком поздно. Зиплок уже пересек невидимую грань. Несмотря на царивший вокруг хаос, Редвуд быстро пришел в себя. А потом *вышел* из себя и стал даже более опасным типом, чем обычно.

Он поднялся на ноги и провел расческой по драгоценным рыжим кудрям.

— Лично мне кажется, — сказал он, сверля беспомощно болтающихся на цепях мальчи-

ков недобрым взглядом, — что ваши наручники расстегнулись и вы попытались сбежать.

За словом Зиплок в карман не лез, а вот соображал медленно.

— О чем вы говорите, мистер Редвуд? Наши наручники в полном порядке. Посмотрите сами! — Он подергал за цепь, чтобы показать воспитателю, что она цела и невредима.

— Я приказал тебе молчать, но ты меня не послушал. — Редвуд изобразил горестный вздох. Поскольку нос у него был разбит, получилось скорее горестное бульканье. — Придется вас упаковать, ничего не поделаешь.

«Упаковкой» воспитатели называли между собой патроны с целлофановым вирусом, которыми заряжались их пневматические «пушки». Когда такой патрон попадает в твердый предмет, вирус вырывается на свободу и цель в мгновение ока оказывается плотно обтянута прочной пленкой наподобие целлофановой. Поры в целлофане пропускали воздух, которого с трудом хватало для дыхания, но пленка пеленала жертву так туго, что ломала ребра. Космо как-то раз упаковали. После этого он неделю ходил в гипсе.

Космо отпихнул Зиплока локтем.

— Воспитатель Редвуд, сэр... Франциск не хотел сказать ничего плохого. Он глуп как пробка, что с него взять. Я его проучу, сэр.

Позвольте мне заняться этим. А вы пока займитесь своим носом.

Редвуд похлопал Космо по щеке.

— Жаль, что так вышло, Хилл. Ты всегда мне нравился. Конечно, нынче тебе придется пострадать за другого, но что делать: лес рубят — щепки летят.

Воспитатель вставил карточку в паз электронного замка наручников. Мальчики упали с высоты двух метров на толстый слой битого стекла.

Редвуд достал свое оружие и проверил заряд.

— Я благоразумный человек. Даю вам двадцать секунд.

Космо отряхнул с колен осколки стекла и поднял Зиплока на ноги. Вот он, долгожданный шанс. Пан или пропал.

— Может быть, дадите нам тридцать секунд?

Редвуд расхохотался.

— С чего бы это?

Космо схватил воспитателя за нос и свернул многострадальный Редвудов шнобель набок.

— А вот с чего!

Глаза Редвуда наполнились слезами, он упал прямо на битое стекло и скрючился от боли.

— Бежим! — крикнул Космо, схватив Зиплока за локоть. — У нас всего тридцать секунд.

Ирландец не тронулся с места.

— Я хочу провести эти полминуты, наблюдая за тем, как корчится Редвуд.

Космо побежал к заднему окну, волоча за собой Зиплока.

— Нечего, ты уже налюбовался, остальное дофантазируешь. По мне, так шанс остаться в живых лучше любого зрелища.

Через разбитое окно мальчики вылезли в ресторан. Посетители жались к стенам — на тот случай, если фургону вздумается сдвинуться еще на несколько футов. С минуты на минуту появится городская полиция и перекроет все пути к бегству. Разбитую витрину уже озирали прожекторы — первыми на место происшествия подоспели вертолеты телевизионщиков.

На бегу Зиплок ухитрился ухватить несколько блинов с утятинной с тарелки ошеломленного посетителя. Жертвы института Фрейн слышали о свежеприготовленной пище, но пробовать ее им не доводилось.

Один блин Зиплок тут же запихал себе в рот, а второй предложил прикованному к нему цепью товарищу. Космо был не настолько глуп, чтобы отказываться от еды, даже в нынешнем отчаянном положении. Кто знает, когда еще удастся поесть? Если вообще удастся. Они с Зиплоком были вне закона, и блины вполне

могли оказаться последним, что им доведется съесть в этой жизни.

Он жадно впился зубами в лакомство и ощутил на языке вкуспряного соуса. Космо испытал почти религиозный экстаз — ведь он в жизни не пробовал ничего, кроме экспериментальных сухих пайков. Но времени, чтобы толком насладиться вкуснятиной, не было. Сквозь шипение остывавшего двигателя фургона уже слышался вой сирен.

Космо побежал вглубь ресторана, волоча за собой Зиплока. Путь им преградил официант. Он был одет в полосатый комбинезон, а волосы его были слишком блестящими, даже с точки зрения испытывших на себе бесчисленное количество косметических средств мальчиков.

— Эй!.. — произнес он, однако уверенности в его голосе не было: официант явно сомневался, стоит ли ему ввязываться в эту историю.

Пока он колебался, Космо и Зиплок благополучно прошмыгнули мимо.

Задняя дверь ресторана выходила на узкую лестницу. Ступеньки уходили далеко наверх, и невозможно было разглядеть, что там ждет беглецов. Возможно, лестница вела к свободе, возможно, в тупик. Но раздумывать было некогда. Редвуд, возможно, уже опомнился и бросился в погоню. Плечом к плечу мальчики побежали по узким ступеням.

— Ничего у нас не получится, — пропыхтел на бегу Зиплок, обливаясь сливовым соусом. — Надеюсь, я успею доестъ это, прежде чем Редвуд нас догонит.

Космо прибавил ходу. Зиплок еле поспевал за ним, и браслет наручников больно впился в запястье, но Космо упрямо продолжал рваться к свободе.

— Мы выберемся. Выберемся, вот увидишь.

Мальчики выскочили из-за угла и оказались в роскошно обставленной однокомнатной квартире. Из-под огромной двуспальной кровати высунулась перепуганная физиономия.

— Землетрясение уже закончилось? — пропихнул ее обладатель.

— Еще нет, — ответил Зиплок. — Самый сильный толчок еще впереди.

— Храни нас Господь! — воскликнул мужчина и вновь нырнул под кровать. Украшенное бахромой покрывало скрыло его от глаз беглецов.

Зиплок хихикнул.

— Пора убираться, пока он не понял, что разговаривал со сбежавшими сиротами.

Квартира изобиловала китайским антиквариатом. В каждом углу маячили старинные доспехи, полки ломились от нефритовых дракончиков. В комнате было несколько окон, но почти все они были декоративными плазмен-

ными панелями, и только одно выходило на улицу. Космо отщелкнул запор и открыл раму с трехслойным поляризационным стеклом.

Зиплок высунул голову на улицу.

— То, что надо! — воскликнул он. — Пожарная лестница. По ней можно спуститься.

Космо вышел через окно на металлическую решетку.

— Редвуд будет ждать нас внизу. Идем наверх.

Зиплок заколебался.

— Наверх?

Космо вытащил его наружу.

— Воспитателей забавы ради дразнишь, а высоты боишься? В жизни не поверю!

— Высоты я не боюсь, — ответил Зиплок, и его изможденное лицо побледнело. — Я боюсь с нее упасть.

Воспитатель Редвуд не лишился чувств. Судьба не была столь благосклонна к нему. Боль навалилась на него неподъемной тяжестью, вдавила в землю, словно зловредный ледник. Но Редвуд вспомнил, чему его учили в армии: «Определи центр невыносимой боли и сконцентрируйся на нем». К его удивлению, оказалось, что очаг боли находится не в районе носа, а в центре лба. Редвуд сконцентрировал внимание на этом месте и попытался по-

давить ее. Его усилия увенчались успехом, хотя и кратковременным. За время передышки он успел достать из аптечки болеутоляющую таблетку. Буквально через минуту боль превратилась в тупую пульсацию за ухом. Ее удалось взять под контроль. По крайней мере, на время.

Пора было заняться делом. Эти сироты посмели усомниться в его, воспитателя Редвуда, власти над ними. Их надо немедленно упаковать. Тем не менее следовало, по крайней мере, сделать вид, что соблюдаешь правила. Он снял с ремня портативную радиостанцию.

— Редвуд вызывает базу.

— Редвуд? А мы думали, что ты покойник.

Воспитатель нахмурился. На базе дежурил Фред Аллесканти. По сравнению с ним даже аквариумная рыбка показалась бы толковой и сообразительной.

— Нет, я жив. Но двое подопечных сбежали. Собираюсь отправиться в погоню за ними.

— Не знаю, воспитатель Редвуд. Вы не должны отходить от транспортного средства. Так гласят правила. К вам уже послали фургон. Будет у вас минут через пять максимум.

Редвуд снял «пушку» с одного из своих бесчувственных коллег.

— Ответ отрицательный. Беглецы вооружены и уже применили целлофановые патроны.

Ты представляешь, какой иск грозит Клариссе Фрейн, если они упакуют добропорядочного горожанина?

Фред не отвечал в течение нескольких секунд — несомненно, проверял соответствующие пункты правил в руководстве по безопасности.

— Ладно, Редвуд. Отлупи их хорошенько, чтобы мы смогли испытать новые лекарства.

Это было типично для института — в любой ситуации искать выгоду. Только что поступила партия синтетической кожи, и нужны были раненые, чтобы испытать ее.

Он спрятал взятую у другого воспитателя «пушку» под курткой.

— Сделаю, что смогу.

Посетители ресторана воровато спешили покинуть заведение через боковую дверь. Не то чтобы они чувствовали за собой какую-то вину, просто никому не хотелось остаток вечера отвечать на вопросы частных охранников, полицейских, страховых агентов и адвокатов.

Когда Редвуд перебрался через то, что осталось от аварийного выхода фургона, люди расступились перед ним: очевидно, никому не показалась умной мысль встать на пути громилы с безумно горящими глазами и расквашенным всмятку носом.

Редвуд не проявлял особенного нетерпения или беспокойства, которого можно было бы

ожидать от человека, преследующего беглых преступников. У него не было причин для волнения. Побег был обречен на провал, хотя сами сироты об этом и не подозревали. Редвуд мог следить за каждым их шагом. Причем обмануть систему слежения было невозможно. Подающие сигналы датчики находились в каждой поре их кожи. Когда приютские сироты принимали душ, их кожа покрывалась мельчайшими капельками отрицательно заряженного галоидного раствора. Сканеры института Клариссы Фрейн засекали это вещество на любом расстоянии. Даже если сирота переставал принимать душ, раствор переставал действовать лишь через несколько месяцев.

Редвуд нажал кнопку передачи на своем коммуникаторе.

— Фред, передай мне маршрут передвижения К. Хилла и Ф. Мэрфи.

Фред откашлялся в микрофон.

— Гм... маршрут передвижения?

Редвуд заскрипел зубами.

— Черт тебя возьми, Фред. Брюс рядом? Позови его.

— Брюс разбирается с мелкими беспорядками в блоке «Д». Я здесь совсем один.

— Так, Фред. Слушай меня внимательно. Набери имена Космо и Зиплока в файле слежения, затем передай мне маршрут их передви-

жения по электронной почте. Используй иконку электронной почты. Мой номер указан в графе «персонал». Тебе нужно только перетащить и оставить папки. Понял?

Фред вытер ладонью потный лоб. По радио это прозвучало так, словно он провел наждачной бумагой по дереву.

— Понял. Перетащить и оставить. Нет проблем. Сейчас сделаю.

— Если не сделаешь, я уделаю тебя.

У Редвуда была стойкая привычка разговаривать угрозами. Он был знаменит тем, что говорил в синтокофейнях: «Если не будет горячим, горячо станет тебе». Сам Редвуд считал эту свою привычку проявлением недюжинного ума.

Секунд через пять на крошечном экране коммуникатора Редвуда появилась картинка, говорившая о том, что беглецы находятся на пожарной лестнице. К тому же эти идиоты карабкались по ней вверх. Что они задумали? Броситься с крыши?

Редвуд усмехнулся, и тут же ему на глаза навернулись слезы от нового приступа боли. Броситься с крыши. Черт, а ведь это идея!

В Маичи-Сити капли дождя могут выбить глаз незадачливому простаку, которому вздумается посмотреть на небо во время ливня.

Реакция с определенными токсичными парами вызывала возникновение более прочных связей между молекулами воды, и капли обрушивались на прохожих как крошечные бомбочки. Традиционные зонтики от таких капель не защищали, и все большую популярность в Большой Чушке приобретали модели из жесткого пластика.

У Зиплока и Космо зонтов не было, и они вынуждены были втягивать головы в плечи и сутулиться. Капли дождя молотили по их спинам и шеем, но мальчики так замерзли, что почти не ощущали боли.

Ливень отбросил Зиплока к поручням пожарной лестницы.

— Я вижу город, — сказал он. — Всегда мечтал увидеть город, чтоб при этом на руках не было цепей. Космо, может быть, мы сможем это сделать, причем скоро. Просто побродить без наручников.

Космо решил не тратить силы на разговоры. До крыши оставался всего один этаж. После этого их могла спасти только удача. Возможно, им удастся перепрыгнуть на соседнее здание, возможно, нет.

Они прижимались к стене, спасаясь от дождя. Далеко внизу завывали сигнализации машин, разбуженные каплями-мутантами. Службы безопасности никогда не откликались на

ГЛАВА 1

такие сигналы во время ливня. Сигнализация срабатывала либо из-за плохой погоды, либо из-за неумелости угонщиков.

Космо преодолел последний отрезок лестницы и поднялся на крышу — плоскую гладкую поверхность просмоленного кровельного картона, в центре которой возвышалась похожая на мостик подводной лодки будка шахты лифта. Покрытая рифлеными листами крыша будки прогибалась под напором ливня. И вдруг ливень прекратился, словно кто-то в небесах повернул кран и выключил воду. Еще одна характерная черта весьма своеобразного климата Маичи-Сити.

— Кто-то там, наверху смилостивился над нами, — заметил Зиплок.

— Ага, только поздновато, — сказал Космо, стряхивая воду с волос. — Пошли.

Они зашлепали по пропитанной водой кровле. С каждым шагом крыша угрожающе прогибалась, в некоторых местах сквозь волокна истрепанного дождем картона проглядывали балки перекрытия. Соседнее здание было всего на один этаж ниже. Его крыша выглядела не слишком привлекательной посадочной площадкой — она была загромождена остатками лагеря бездомных. Блоки из шлакобетона были разбросаны как костяшки домино, из расколото-го корпуса электрогенератора сыпались искры.

Космо встал на край крыши, стараясь не думать о прыжке.

— Как по-твоему, у нас получится?

В ответ Зиплок посоветовал отойти от края крыши подальше.

Космо был полон решимости.

— Думаю, получится. Практически уверен, что получится.

— Это вряд ли, — произнес кто-то гнусавым голосом. Так мог говорить либо сильно простуженный человек, либо тот, кому недавно сломали нос.

Космо и Зиплок медленно обернулись. Воспитатель Редвуд стоял у дверей будки и широко улыбался. По его щекам текли крупные слезы.

— Я поднялся на лифте, — сообщил он. — А у вас двоих мозгов не больше, чем у кучи вторсырья. Думали обмануть меня, да?

Космо не ответил, потому что не услышал вопроса. Вода стекала по его волосам, противным ручейком холодила кожу между лопаток. Может быть, поэтому его стала бить дрожь.

— Мы сдаемся, мистер Редвуд. Правда, Зиплок?

Зиплок онемел от страха.

— Сдаваться поздно. Теперь вы превратились в вооруженных беглых преступников. Вас

следует упаковать. — Редвуд достал взятую у другого воспитателя «пушку» и бросил ее к ногам беглецов.

Космо тяжело задышал.

— Прошу вас, воспитатель, не надо. Мы — на крыше. В ванне сможем оказаться только через несколько часов.

Единственный способ растворить целлофан — погрузить жертву в ванну с кислотным раствором.

— Я знаю, — сказал Редвуд, глядя на них безумными, слезящимися глазами.

Он подошел к Зиплоку, схватил его за воротник и подтащил его к самому краю крыши, так что обезумевший от ужаса беглец повис над бездной.

— Последний урок, Франциск. Тебе следует усвоить его с первого раза.

Зиплок начал хихикать, потом истерически захохотал, но смех его не имел ничего общего с весельем.

Редвуд приставил пушку к его лбу.

— Советую закрыть пасть, Франциск, если не хочешь, чтоб я заткнул ее тебе целлофаном.

— Делай, что хочешь, Редвуд, — кричал Зиплок, глядя на воспитателя вытаращенными от ужаса глазами. — Сильнее меня уже не напугать!

Редвуд рассмеялся, и по его щекам снова потекли слезы.

— Не знаю, как ты отнесешься...

И тут комбинезон Зиплока лопнул. Несчетное число раз побывавшая в химчистке ткань была не прочнее бумаги. В кулаке Редвуда остался клочок материи, а Зиплок завис над пропастью и уже не смог восстановить равновесие.

Его последние слова были адресованы Космо:

— Извини. — И Зиплок упал.

Падать было невысоко. Школьники, которые лазают по деревьям, прыгают с гораздо большей высоты и отделяются вывихнутыми лодыжками. Но Зиплок повалился спиной вперед и увлек за собой Космо.

Времени на молитвы или крики не было. Вся жизнь не пронеслась перед глазами Космо. Только что он молил воспитателя Редвуда о пощаде — и вот уже земля и небо поменялись местами, и он рухнул на крышу соседнего здания. Вернее, на генератор, что остался от лагеря бездомных.

Но остался жив. В этом не было никаких сомнений. Ему было очень больно, а боль могут чувствовать только живые. Перед глазами Космо пестрели разноцветные провода и древние трансформаторы, танцевали искры, а хло-

пья ржавчины, словно кровавые снежинки, медленно опускались ему на лицо. Больше ничего видно не было.

Его рука дернулась. Значит, Зиплок пошевелился.

— Нет, — просипел Космо — на крик не хватало дыхания. — Замри!

Но Зиплок снова пошевелился. Космо так никогда и не узнал, услышал ли ирландец его предупреждение или нет. Металлический наручник замкнул два оголенных провода под напряжением в десять тысяч вольт.

Разряд подбросил мальчиков в воздух, и их тела запрыгали по покрытой лужами крыше, как ловко брошенные камешки по поверхности пруда. Остановились они у ограждения. На спинах. Лицами вверх.

Редвуд осторожно посмотрел вниз. Изображения обоих беглецов исчезли с экрана его коммуникатора. Возможно, из-за удара тока капельки галогена в порах их кожи потеряли заряд. Но скорее всего, Космо и Зиплок были мертвы.

Для воспитателя картина происшествия была совершенно ясна. Беглецов смыло ливнем на соседнюю крышу, где с ними произошел несчастный случай. Все просто, как блин, и вполне правдоподобно, если, конечно, не торчать на

крыше, пока тебя не сфотографирует какой-нибудь спутник-шпион. Редвуд поспешил к лестнице. Путь кто-нибудь другой обнаружит тела. И когда это случится, сам он будет помогать раненым в ресторане.

Космо не мог выдавить из себя ни слова. Электрошок будто высосал всю энергию из его тела. Он мог слышать только биение собственного сердца, которое замедлялось с каждым вздохом. Сбивалось с ритма. Замирало.

Сначала отказало зрение. Наверное, начались галлюцинации. Станные, непохожие на людей существа появились на стенах соседних зданий. Передвигались они с поразительной скоростью и ловкостью. На закон тяготения им, похоже, было наплевать.

Они перелезли через кромку и устремились к месту трагедии. Две твари отделились от основной группы и направились к едва живым мальчикам. Одна из них расположилась на груди Космо. Она была невесомой. Смотрела на него огромными лишенными выражениями глазами. Размерами тварь напоминала младенца. Гладкая синяя кожа просвечивала. У твари были четыре щуплые конечности и вытянутый череп. Черты лица ее были тонкими и бесстрастными. Ни растительности, ни резких углов. Вместо крови по жилам пробегали искры.

Краем глаза Космо видел вторую тварь, она расположилась рядом с Зиплоком и обхватила верхними конечностями его дымящуюся голову. Космо почувствовал, как его сердце пропустило еще один удар, может быть два. Что это за твари? Ужас пронзил его не хуже электрического разряда.

В панике, в попытке сбросить чудовище Космо выгнулся дугой. Но тварь удержалась у него на груди без видимых усилий. И приложила к нему руку, обтянутую голубой кожей. «Четыре пальца, — пронеслось в голове Космо. — Только четыре». Рука лежала у него на сердце, она словно присосалась к телу. Каким-то образом она вытягивала из тела боль, и та стихала, становилась все менее мучительной, пока не исчезла совсем. Тварь все плотнее присасывалась к телу Космо и становилась все ярче, пока не превратилась из синей в золотисто-оранжевую, как солнце на закате.

Космо, собрав последние силы, опустил глаза и посмотрел на четырехпалую руку. Что-то уходило из его тела, искрящимся потоком струилось по жилам твари. Он знал, что именно. Жизнь. Космо чувствовал: дни и месяцы вытекают из его тела, как вода через прохудившуюся плотину. Тварь убивала его. Космо вновь охватила паника. Он попытался сопро-

тивляться, схватить чудовище, но его мышцы превратились в желе.

А потом события начали происходить очень быстро. На крыше появились три фигуры. Двое юношей и девушка. Они не были врачами, это было ясно по их одежде и возрасту, но, по крайней мере, они были людьми.

— Здесь двое, — сказал старший из них — парень, с ног до головы одетый в черное. — Я займусь ими, а вы проверьте внизу.

Его товарищи поспешили к краю крыши и стали наблюдать за происходящим на улице.

— Смотрят, но соваться к месту катастрофы не спешат, — сказала девушка — латиноамериканка лет пятнадцати с татуировкой уличной банды над бровью. — Слишком много воды. Пожарная команда тушит фургон.

Юноша достал из наплечной кобуры нечто напоминающее карманный фонарик и повернул кольцо на его корпусе. На другом конце «фонарика» мгновенно замерцали белые искры. Выстрелил он уже на бегу — из странного оружия один за другим вырвались два разряда энергии. Эффект был впечатляющим. Белые молнии проникли под кожу тварей и разветвились миллионами отростков, пробежали по искрящимся жилам. Твари забились в конвульсиях, кожа на их телах натянулась, грозя по-

рваться. Так и произошло. Обе твари превратились в дюжину идеально круглых шариков, которые унесло ветром, словно мыльные пузыри.

— Ух ты... — прохрипел из последних сил Космо.

— Живой! — воскликнул третий член группы, которому на вид было лет шесть от роду. Светловолосый мальчишка с непропорционально большой головой опустил на колени рядом с Космо, проверил его пульс, посветил фонариком в глаза.

— Зрачки не реагируют, пульс прерывистый. Стефан, дефибриллятор. Его сердце придется пришпорить.

Галлюцинация, решил Космо. Иначе и быть не может. Угасающим взглядом он увидел склонившегося над ним высокого парня. Должно быть, это и был Стефан.

— А что с другим, Повторюшка? — спросил парень.

Мальчик, которого он назвал Повторюшкой, положил ладонь на грудь Зиплока. Космо на секунду показалось, что спасительные жизненные потоки заиграли между его пальцев. Затем...

— С другим... Все. Он ушел. Ни малейшего писка.

Стефан повозился со своим оружием — наверное, что-то там регулировал или настраивал.

— У меня нет дефибриллятора.

Повторюшка поспешно отступил.

— Ты уверен? Крыша-то мокрая.

Стефан направил «фонарик» в грудь Космо.

— Не уверен, — сказал он и выстрелил.

Космо словно ударили кувалдой по ребрам. Он не сомневался, что в его груди не осталось ни одной целой косточки. Он почувствовал, как волосы на голове встали дыбом, словно норовили вырваться с корнем. Его комбинезон загорелся, потом начал отваливаться дымящимися лоскутами с тела. Повторюшка облил его из пожарного ведра, но Космо не почувствовал холода. Его внимание было приковано к другому.

Тук-тук.

Его сердце. Оно начало биться.

Тук-тук. Тук-тук.

— Получилось! — закричал Повторюшка. — У этого парня тяга к жизни как у голодного пса. Но ему нужен медицинский уход. С таким раскоканным, будто яйцо, черепом он сам не поправится.

Стефан вздохнул, удовлетворенный тем, что его фокус удался, и убрал в кобуру свою извергающую молнии игрушку.

ГЛАВА 1

— Адвокаты его подберут. Уходим. Не стоит, чтобы они и нас заодно подобрали.

Космо, впервые за последнюю минуту, сделал глубокий вдох.

— Пожалуйста...

Неужели они бросят его здесь, после того, что случилось?

— Возьмите меня с собой.

Стефан даже не взглянул на него.

— Извини, у нас своих забот хватает.

Космо знал: живым до приюта ему не добраться. Редвуд этого не допустит.

— Пожалуйста...

Над ним склонилась девушка.

— Знаешь, Стефан, — сказала она, — может, он сгодится, чтобы заваривать синтокофе или еще что-нибудь в этом роде.

Стефан вздохнул. Он уже стоял на пороге будки и придерживал дверь открытой.

— Мона, мне надоело каждый день выслушивать одно и то же.

Девушка вздохнула.

— Извини, парень, не судьба, — сказала она, обращаясь к Космо.

Его сердце билось ровно, снабжая кровью мозг.

— Они вернутся, — прохрипел он, — если вы оставите меня здесь.

Эти слова неожиданно заинтересовали Стефана. Впрочем, большого любопытства он не выказал — просто подошел ближе и спросил:

— Кто вернется?

Космо изо всех сил старался не потерять сознание.

— Твари.

Повторюшка хлопнул в ладоши.

— Ты слышал? Твари, Стефан. Он их видит. Будь я проклят, если это не так.

Стефан только пожал плечами.

— Не обязательно. Может быть, кто-нибудь из нас упомянул тварей. Может, у него были галлюцинации.

Космо закашлялся, пытаясь прочистить легкие от дыма.

— Синие твари, с электричеством в жилах. Они высасывали из меня жизнь.

— Удивительно точные галлюцинации, — заметила Мона.

— Ладно. — Стефан кивнул Повторюшке. — Мы возьмем его. Он их и вправду видит.

Девушка тем временем осматривала наручники.

— Хорошо, Стефан. Дай мне минуту.

— Секунду, Мона. Больше у нас нет.

Мона вытащила шпильку из своей прически и уверенным движением вставила ее в за-

ГЛАВА 1

мок наручников. Через мгновение запястье Зиплока было свободно. Впрочем, сам он уже не мог этому порадоваться.

Стефан забросил Космо себе на плечо.

— Пошли. Второй браслет можно снять и на месте.

Космо висел на его плече как тряпка. Он мог заговорить, задать вопросы, но не стал этого делать — боялся, что эти ребята не возьмут его с собой, если он будет докучать Стефану расспросами. И хотя он понятия не имел, куда его несут, ему было все равно. Лишь бы не возвращаться в институт Клариссы Фрейн.

Мозг Космо решил, что не стоит тратить драгоценные силы на переживания по поводу долгожданной свободы, вывесил табличку «Закрыто на ремонт» и отключился.

ГЛАВА 2

— ♦ —

НАВОДЧИК

Разбудил Космо запах. Горький и резкий запах синтокофе. Мальчик наморщил нос. Запах был не противным, но для его обостренного восприятия казался оглушительным. Любая мелочь вызывала головную боль. Шорох материи, свет в глаза, а теперь — запах.

Но сильнее боли его мучила жажда.

Космо попытался открыть рот, но губы спеклись от сухости и он смог только бессильно застонать от досады. И почти сразу же услышал стук каблучков.

— Очнулся, амиго? — произнес женский голос с легким испанским акцентом. — Добро пожаловать на Абракадабра-стрит.

Влажная ткань легла на губы Космо, и он смог разлепить их. Тогда он открыл рот и жадно втянул в себя ткань. Вода смочила горло. Она была прекрасна, как сама жизнь.

— Эй, не так быстро. Пока тебе много нельзя.

Космо чуть приоткрыл глаза, прищурившись от яркого солнечного света. Девушка была окружена ослепительным ореолом. На секунду ему показалось... Нет, это была девушка с крыши. С крыши?

— С возвращением в мир живых, парень. Хотя первые дня два ты будешь жалеть, что не умер.

И тут Космо вспомнил все. Аварию, судорожное карабканье по лестнице, падение.

— Зиплок? — прохрипел он.

Собственный голос показался ему чужим и донесся будто бы издалека.

Девочка потеряла лоб. Изображение ДНК, вытатуированное у нее над бровью, на миг искажилось. Космо знал, что такие татуировки наносят себе члены уличных банд Маичи-Сити. Вероятно, в туши содержится изотоп, который можно обнаружить штриховым сканером. Защита от проникновения в банду тайных агентов полиции.

— Зиплок? — переспросила она. — У тебя хватило сил выдать одно-единственное слово, и ты решил спросить о застёжке?

Космо почувствовал, как по его щеке прокатилась одинокая слеза. Зиплок был единствен-

ным существом в мире, которое он мог назвать своим другом.

Девушка увидела слезу и все поняла. Она смущенно поморщилась.

— Извини. Так звали твоего друга?

— Он?..

— Прости, парень. Он умер до нашего прихода. Мы оставили его на крыше, не помнишь?

Космо поднял руку. На запястье ничего не было, кроме повязки.

— Через наручники и твое тело прошел электрический ток огромной силы. Повторюшке удалось снять с тебя браслет только вместе с полоской кожи. Тебе повезло, что не лопнула вена. Ты вообще, похоже, из везучих.

Космо не считал себя везунчиком, и не только потеря кожи на запястье была тому причиной.

— Повторюшка вообще неплохо над тобой поработал. До больницы ты не доехал бы живым, поэтому пришлось обойтись подручными средствами. Срок годности капельницы с болеутоляющим недавно истек, но она же тебя не убила.

Девушка (Мона, вот как ее зовут, вспомнил Космо) посмотрела на настенный монитор над постелью больного.

— Повторюшка склеил ахиллесово сухожилие на твоей левой ноге и заменил правую коленную чашечку имплантатом.

Космо был так потрясен, что смог только кивнуть.

— И еще нам пришлось залезть в твою грудную клетку и зафиксировать несколько сломанных ребер пластиковыми лубками. Я их сняла сегодня утром. Ну и конечно, голову мы тебе подлатали.

— Что?

Мона пожала плечами.

— Другого выхода не было. Иначе твои мозги вывалились бы на пол. К счастью, у Повторюшки заваялось в хозяйстве несколько пластин «роботикс». Одну он вставил в твой расколотый череп в качестве заплатки. Из таких пластин состоит танковая броня. Повторюшка говорит, что, когда кожа заживет, ты сможешь лбом кирпичные стены пробивать.

Космо начинал кое-что вспоминать.

— Повторюшка? Тот малыш?

Мона оглянулась по сторонам с отчасти наигранным испугом.

— Тсс! Не называй его так. Он очень обидчивый. — Она подошла ближе и понизила голос: — Повторюшка — результат экспериментов Бартоли. Этому *малышу* двадцать восемь лет.

Космо все понял. Генетические эксперименты доктора Фердинанда Бартоли были одной из позорных глав в новейшей истории. Док-

тор экспериментировал с генной инженерией — хотел создать сверхчеловека. Но из подопытных младенцев получились дети-мутанты. Одним из побочных результатов вмешательства доктора Бартоли было экстрасенсорное восприятие, но чаще возникала заторможенность физического развития. Вышел большой скандал, и на эксперименты с генами на десять с лишним лет был наложен запрет.

Космо осторожно погладил покрытый колючей щетиной череп. Часть лба показалась ему слишком твердой и какой-то ребристой.

— В пластине предусмотрены поры для сброса давления, так что иголки в лоб лучше не втыкай.

Пластина «роботикс» в черепе и дети Бартоли. Бред!

— Что-нибудь еще?

— Пока все. Я не упомянула порядка ста швов на других ранах и ссадинах, впрочем, я замаскировала их кожным аэрозолем. Честно говоря, ты внутри гораздо хуже, чем выглядишь.

«Но не хуже, чем чувствую», — подумал Космо.

Мона сняла фольгу с пластыря и прижала его к предплечью Космо.

— Самое главное для тебя — отдохнуть и набраться сил. Этот пластырь вырубит тебя на

ГЛАВА 2

какое-то время. Может быть, когда очнешься, сможешь встать.

— Не надо, — попытался возразить Космо, но слишком поздно. Успокоительное уже проникло в его кровь.

— Спокойной ночи, — ласково произнесла Мона.

Космо показалось, что его руки и ноги стали невесомым, будто накачанные водородом. Голова куда-то поплыла...

— Спокойной ночи, — ответил он.

Или, может быть, только подумал, что ответил, потому что окружающий мир заструился у него перед глазами как акварель по мокрой бумаге.

Космо очнулся секунд через пять. По крайней мере, ему так показалось. Он быстро понял, что первое впечатление было обманчивым: в комнате теперь горели галогенные лампы, и сквозь нависший над городом смог и старомодные шторы сочился тусклый свет звезд. Шторы давно стали редкостью, большинство жителей Маичи-Сити вполне устраивают поляризационные стекла, устанавливаемые при постройке зданий.

Он просмотрел свои воспоминания, как файлы на экране компьютера. Кто он? Космо Хилл, четырнадцать лет от роду. Сирота, сбежавший

из приюта. Где он? Вероятно, на каком-то складе и его спасли охотники за тварями. Высокий юноша, латиноамериканка и жертва Бартоли. Неужели это произошло с ним на самом деле? Верилось с трудом. Может ли он стать членом этой странной группы? Хочет ли он этого?

Когда Космо добрался до последнего вопроса, его мозг наотрез отказался помогать своему хозяину. Космо был не в состоянии понять, чего он хочет, а чего — нет. Его никогда и никто об этом не спрашивал. Даже он сам нечасто задавал себе такой вопрос. Он всегда хотел убежать из института Клариссы, а сейчас, когда ему это удалось, не имел понятия, что делать дальше. Космо не сомневался только в одном: он никогда не вернется в заведение Клариссы Фрейн. Никогда.

Он прислушался к своим ощущениям. Боль не прошла до конца, но притупилась. Она словно затаилась в ожидании, когда он сделает резкое движение. Повязка с запястья исчезла, но вся рука была покрыта кожным аэрозолем.

Когда глаза Космо привыкли к свету, он решил проверить свое тело в действии. Медленно, очень осторожно он перевел себя в сидячее положение. Действие снотворного еще чувствовалось — голова слегка закружилась. Космо сорвал пластырь. Поверхность его была белая.

Все лекарство впиталось в кровь. Потому он и проснулся.

Колено с новой чашечкой было покрыто гибким полупрозрачным лубком, заполненным противовоспалительным составом для скорейшего заживления. На лубке горел зеленый светодиодный индикатор — значит, ходить можно.

Космо опустил на пол ногу — с превеликой опаской, словно погружал ее в арктические воды. Колено заболело, но не слишком сильно. Скорее всего, он пробыл в отключке сорок восемь часов, примерно столько времени требовалось лубку, чтобы сделать свое дело. Со лбом дело обстояло хуже. При малейшем движении в череп будто вгоняли гвозди, новая кожа над пластиной мучительно зудела.

Мальчик заскрипел зубами и двинулся в путь. Для начала он решил дойти до кувшина с водой, стоявшего на столе всего в пяти ярдах. Марафонской такую дистанцию назвать трудно, но после всех передрыг для него и это расстояние было немаленьким.

Космо почти дошел до стола... и замер как вкопанный. На стене висело стальное зеркало. В первый момент, увидев в нем себя, он подумал, что в комнате есть кто-то еще. Потом разлепил пересохшие губы и выдохнул:

— Ох...

Отражение в зеркале напомнило ему жертву войны из исторических видеофильмов. Потрепанную и изможденную, испуганную и жалкую. Он был похож на чудовище Франкенштейна в миниатюре. Собранное из запчастей, причем все они были не соответствующих друг другу размеров, а некоторые даже не предназначены для людей. Особенно нелепо выглядела голова: гладковыбритая, расчерченная множеством зашитых скобками шрамов. На лбу выпирала пластина «роботикс», сквозь розовую воспаленную кожу просвечивали поры для сброса давления. Единственное, что показалось Космо знакомым в собственном лице, — это широко открытые от удивления карие глаза.

На подгибающихся ногах мальчик завершил свой путь, обеими руками схватил кувшин и поднес его к губам. Большая часть воды потекла по подбородку на грудь, но смочить горло ему все же удалось. «Самое страшное уже позади, — успокаивал он себя. — Скоро все наладится».

Но не для Зиплока. Ему уже ничем не помочь.

Зиплок. Он должен был стоять рядом, здесь. А где это *здесь*? Космо впервые осмотрелся. Он находился в помещении огромного склада, построенного из обычного для Маичи-Сити полимера, внешне похожего на чугун. Высокие

и узкие, как в церквях, окна были завешены непроницаемыми для света шторами. На голом бетонном полу повсюду стояло электронное оборудование, к которому от настенных розеток тянулись силовые кабели, смахивающие на разноцветных змей. Среди этого нагромождения Космо заметил пару верстаков с инструментами. Еще тут было несколько сборных кабинок-закутков — там гудели компьютеры. И — никого. Кроме него, в огромном складе не было ни одной живой души.

Космо ходил медленно, привыкая к новому колену. В одном углу он обнаружил кухню. Ничего лишнего: двухконфорочная плитка, пластмассовая садовая мебель, кофейник с синтокофе. Букет лилий в целлофановой упаковке с пузырьком воды на дне. Настоящие цветы. Очень дорогие. Между двух цветков он увидел карточку. «*Мама*, — было написано на ней. — *Я так по тебе скучаю*».

На скамейке рядом с тренажером лежали наручники. Космо почувствовал комок в горле. Последнее доказательство того, что Франциск Мерфи на самом деле существовал на этом свете. И никто здесь, кроме Космо, не знал его настоящего имени.

— Пойдем, Франциск, — сказал Космо. — Тебе пора посмотреть город.

Одно из окон склада выходило на реку, за которой на фоне неба отчетливо прорисовывались знаменитые на весь мир очертания делового центра Маичи-Сити с доминирующей цилиндрической башней «Маичи». На другом берегу залива искрилось здание «Каззи-кола», по стенам которого поднимались созданные компьютером мультяшные пузырьки. Красный маяк мигал в правой руке Статуи Стремления — восьмисотфутового колосса, указывающего на парящий в небе города спутник.

Космо вылез через окно на балкон и попытался определить, где находится. Судя по положению Путеводной реки, он был где-то в Вест-Сайде. Пронзительный вой сирен и рокот полицейских вертолетов подтвердил его догадку.

Космо свесил наручники над краем балкона. Нужно было что-то сказать. Что-то особенное, соответствующее кончине Зиплока. Космо задумался на несколько минут, но так и не смог найти слов, чтобы выразить свое одиночество. Впрочем, может быть, это и не нужно. Как можно описать словами подобное чувство? Главное, он сам знал, что чувствует.

Космо подбросил наручники в воздух Маичи-Сити, и они сверкнули в неоновом свете, как падающие звезды.

Жизнь приютивших Космо ребят, похоже, состояла из сплошных неприятностей. Он едва успел закрыть окно, как они вылетели из лифта, толкая перед собой магазинную проволочную тележку. В тележке, скорчившись, лежала Мо-на. Кожа девушки была нездорового зелено-ватого оттенка, все тело била крупная дрожь.

Космо захромал вслед за ними.

— Что случилось?

Стефан не ответил. Одним взмахом руки он освободил столешницу от всего, что на ней лежало, и крикнул:

— Задерни шторы!

Космо указал на пульт поляризации стекол рядом с окном.

— Но стекла! Почему бы мне просто...

— Потому что полицейские вертолеты могут смотреть сквозь них. Поэтому такие стекла устанавливают на все здания. Дошло?

Космо задернул плотные шторы из мешковины. Буквально через несколько секунд над домом пронесся вертолет. Космо услышал характерный электронный треск, когда стекла деполяризовались, подчиняясь дистанционному сигналу. В этом не было ничего страшного, если, конечно, ты не скрылся с места преступления. А именно это, как оказалось, и произошло с Моной и остальными.

Стефан склонился над пострадавшей. Ее стройное тело корчилося от боли, каждый мускул, каждое сухожилие содрогались в судорогах. С бескровных губ девушки срывались длинные фразы на испанском. Черные, пропитанные потом волосы неровной кляксой разметались по столу, будто стебли водорослей.

Повторюшка рванул с пояса отвертку, вскочил на стол и вставил рукоятку инструмента между зубов Моны. «Это чтобы она не откусила себе язык», — понял Космо.

— Не знаю, что с ней происходит, — признался Повторюшка. — Никогда ничего подобного не видел. — Сняв защитную полосу с пластыря-термометра, он приложил его ко лбу девушки. — У нее жар, — сообщил он, считав показания. — Состояние критическое.

— Принеси лед, — приказал Стефан Космо. — Тащи, сколько сможешь донести.

Космо проковылял к холодильнику, на ходу подхватив пожарное ведро со щита и высыпав на пол песок, которым он было заполнено. Он прижал ведро к дозатору льда, и из морозильника раздражающе медленно посыпались прозрачные кубики.

— Быстрее, быстрее!

Почти минута потребовалась для того, чтобы ведро наполнилось наполовину. Этого хватит.

Не обращая внимания на боль в колене, Космо поспешил к столу.

Стефан выхватил у него ведро и стал запикивать ледяные кубики под одежду Моны. Повторюшка не спускал глаз с пластыря.

— Не помогает. Сто двенадцать* и продолжает повышаться.

— Нет! — закричал Стефан. — Мы должны отвезти ее в больницу.

— В какую больницу? — Повторюшка презрительно фыркнул. — Я работал во всех больницах города, забыл? В Вест-Сайде есть только больница общего типа, и можешь мне поверить: если я не знаю, как это вылечить, они и подавно не знают.

Космо выглянул из-за плеча Стефана. Судороги Моны становились все сильнее. Жилки на белках глаз приобретали зеленоватый оттенок.

— Может быть, ввести ей антибиотик? — вслух раздумывал Стефан. — Вдруг поможет.

— Нет! — выпалил Космо. Слово само сорвалось с его губ.

Повторюшка соскочил со стола.

— Нет? А что ты в этом понимаешь, мальчик?

* 112 градусов по Фаренгейту — приблизительно 44,5 градуса по шкале Цельсия. Вероятно, Повторюшка ошибся — человеческий организм не может выдержать такой высокой температуры.

Боль как назло выбрала именно этот момент, чтобы вернуться и с новой силой взяться за Космо.

— Ничего. Но я кое-что знаю. Видел такое в институте. Что с ней произошло?

— Времени нет! — гаркнул Стефан. — Нужно отвезти ее в больницу. Придется рискнуть.

Повторюшка упрямо загородил высокому юноше дорогу: ни дать ни взять, бесстрашная муха перед слоном.

— Придется рискнуть? Она умрет, прежде там успеют все оформить, ты знаешь это не хуже меня. Давай послушаем мальчика. Итак, что ты хочешь узнать?

Космо старался не смотреть на Стефана.

— Что именно произошло? Почему она стала такой?

Стефан задумчиво почесал лоб.

— На химическом заводе «Композит» был взрыв. Мы отправились на поиски паразитов. Нас заметили местные охранники, и один из них успел выстрелить в Мону. Ей становится хуже с каждой минутой.

Космо напряг память. По закону частные охранники не имели права носить оружие. Закон они обходили, вооружаясь «громобоями», заряженными целлофановыми патронами или различными отравленными дротиками.

ми. В этом и заключалась вся подлость: официально, согласно букве закона, дротики не считались смертельным оружием. И в самом деле, заключенные в них яды не убивали человека. Но только если быстро ввести противоядие.

— Какого цвета был корпус дротика?

Повторюшка нахмурился.

— Корпус? Не помню, кажется, зеленого.

— С белой полосой?

— Может быть. Не уверен.

— Да, — вдруг вмешался Стефан. — С белой полосой. Я выдергивал дротик из ноги Васкез, потому и запомнил. Зеленый корпус с белой полосой.

Космо закрыл глаза, вспоминая институт.

— Эти дротики «Композит» испытывались в институте Клариссы Фрейн. Я точно помню. Зелено-белые были самыми плохими. Мы называли их «гадинами». Ребят рвало по несколько часов, даже после ввода противоядия. Доходило до того, что канализация института не справлялась. Хотя одному парню повезло случайно найти от них средство. Он съел заплесневелый бутерброд и сразу же почувствовал себя лучше. Не из-за хлеба, конечно, а из-за...

— Плесени, — закончил за него Повторюшка. — Конечно. Растительный яд. Растительные

волокна останавливают его действие. Нам нужны растения.

Космо проковылял к букету.

— У нас они есть. Прямо здесь.

Он достал из букета один цветок и, разорвав стебель и листья лилии на мелкие кусочки, не теряя времени засунул часть из них в рот. Остальные передал Повторюшке, который последовал его примеру. Стефан схватил еще один цветок и тоже стал жевать стебель.

Они яростно работали челюстями, не обращая внимания на резкий, неприятный вкус. Стебли были жесткими, они расщеплялись на волокна, которые было трудно разжевать. Но Космо и его товарищи не сдавались, перетирая волокна между коренными зубами. Зеленый сок стекал по их подбородкам. Наконец они выплюнули комки зеленой пасты на ладони.

— Обработайте рану, — сказал Космо.

Дитя Бартоли распорол брюки Моны и сплюнул жвачку на след укола на бедре девушки. Стефан добавил свою часть пасты и попытался пальцами втереть ее в воспаленную кожу вокруг ранки.

Космо вынул рукоятку отвертки изо рта Моны и стал проталкивать пасту между стучащих зубов. Мона поперхнулась, ее тело инстинктивно отказывалось принимать растение, но Космо стал массировать ее горло и не отсту-

ГЛАВА 2

пал, пока она не сделала глоток. Постепенно все больше и больше зеленой пасты попадало в желудок девушки. Она чуть не до крови кусала пальцы Космо. Казалось, прошла вечность, прежде чем в состоянии Моны стали заметны изменения. Наконец...

— Сто одиннадцать, — сообщил Повторюшка. — Пик миновал.

Глаза Моны продолжали бешено вращаться, но пульсирующие зеленые прожилки на белках начали бледнеть и скоро исчезли.

Повторюшка проверил температуру.

— Сто. Девяносто девять.

Худенькое тело девушки обмякло на столе. Постепенно ее мышцы начали расслабляться.

— Девяносто восемь. Норма. Все, Мона вне опасности.

Девушка повернулась на бок, и ее вырвало на плитки пола зеленой массой.

Детское личико Повторюшки озарилось ангельской улыбкой.

— Вот что бывает, если есть то, что предназначено для коров.

Они вытерли лицо Моны и перенесли девушку на койку.

— Сейчас ей нужен только сон, — сказал Повторюшка. — Сон — лучшее лекарство.

Космо и сам не отказался бы поспать несколько часов. Слишком много событий произошло за несколько минут, прошедших с тех пор, как он очнулся. Но сначала необходимо было кое-что выяснить.

— Кто вы такие? — спросил он. — Что здесь происходит?

Стефан аккуратно завязывал лентой то, что осталось от букета.

— Мы здесь живем. По-моему, это я должен спросить, кто ты такой, а?

Что ж, достаточно честно.

— Космо Хилл. Когда вы меня нашли, я пытался сбежать из сиротского приюта Клариссы Фрейн.

Повторюшка рассмеялся.

— Космо Хилл. Тебя нашли на площади Космонавта Хилла, верно?

— Да. Правильно.

— Сиротские приюты используют этот старый, всем опостылевший трюк уже несколько веков. У меня был знакомый из Сан-Франциско, которого звали Золотые Ворота. Догадываешься, где его нашли?

— Воспитатель Редвуд будет искать меня и Зиплока.

Повторюшка покачал головой.

— Нет. Официально ты — такой же покойник, как твой друг. Я пару месяцев прорабо-

тал в лазарете сиротского приюта и хорошо знаю тамошние порядки. Во всех приютах и других подобных заведениях для слежки за подопечным используют заряженные микрочастицы в порах кожи. А в твоей коже все эти частицы разрядились — скажи спасибо генератору, который ударил тебя током. Ты свободен как ветер, тебя просто не существует.

У Космо словно гора с плеч свалилась.

— Теперь моя очередь. Кто вы такие?

— Кто мы такие? — Повторюшка театральным жестом указал на Стефана. — Это — Стефан Башкир. Коренной житель Маичи-Сити во втором поколении. Родители его были русскими. Я — Люсьен Бонн, известный так же как Повторюшка, из-за дурацкой привычки повторять слова других людей. С Моной Васкез, как я полагаю, ты уже знаком.

— Ладно, теперь мы знаем, как кого зовут. Но чем вы занимаетесь?

Повторюшка широко расставил руки.

— Мы — единственные в мире супернатуралисты, Космо.

Космо слабо усмехнулся.

— Что? Вы не любите носить одежду?

Стефан не смог сдержать улыбки.

— Не путай с натурастами, Космо. Они в наше время уже все повывелись — озоновый слой-то стал не толще целлофана. Мы называ-

ем себя супернатуралистами, потому что охотимся на сверхъестественных существ. Пони-
маешь? Натуральный — то же самое, что есте-
ственный, а «супер» значит «сверх».

— Только вот ко мне его слова насчет охоты
не относятся, — вмешался в разговор Повто-
рюшка. — Я — врач. Пытаюсь лечить людей,
больше ничего. А стрельбу оставляю на долю
Стефана. Его этому учили в полицейской ака-
демии.

Космо посмотрел на спящую девушку.

— А Мона? Она явно не из полиции. Судя
по татуировке.

— Конечно, — согласился Стефан. — Мона
у нас отвечает за транспорт. Она прошла...
курс обучения в этой области.

Космо кивнул. Пока все было достаточно
понятно, но он чувствовал, что его следующий
вопрос откроет для него абсолютно новый мир.

— Эти сверхъестественные существа... Кто
они? Вы имеете в виду тех синих тварей на
крыше, да?

На лбу Стефана появилась глубокая мор-
щина.

— Именно. Один бог знает, как давно
паразиты преследуют людей. Высасывают са-
му жизнь из наших тел. Ты знаешь. Сам ви-
дел. А видеть их дано далеко не каждому.

— Ты поэтому назвал меня наводчиком?

Стефан сел за стол напротив Космо. Яркая была личность, этот Стефан Башкир был. На вид ему можно было дать лет восемнадцать. Черные как уголь непослушные волосы торчали во все стороны. По щеке от уголка рта тянулся бледный шрам, и казалось, что Стефан все время хитро улыбается, что совершенно не соответствовало затаенной боли в его взгляде. Глаза, вероятно, были синими, но Космо они показались чернее космоса — такая одержимость горела в них.

Стефан, несомненно, был здесь лидером. Это было совершенно ясно по тому, как он сидел на стуле, по тому, как Повторюшка машинально поглядывал на него, принимая решение, хотя сам был намного старше.

— Таких, как мы, — очень мало, — сказал Стефан, глядя Космо прямо в глаза. — По крайней мере, не достаточно много для того, чтобы нам поверили. К сожалению, большая часть наводчиков — дети. Может быть, потому, что мы больше открыты миру. Повторюшка — единственный взрослый наводчик, с которым мне довелось встретиться. Если, конечно, его можно считать взрослым.

— О? Стефан пошутил или мне почудилось? — воскликнул Повторюшка и потянулся, чтобы шутливо толкнуть Стефана кулачком в бок. — Шутка так себе, но для первой попытки неплохо.

Стефан притворно схватился за бок, словно ему было жутко больно.

— Космо, а до того случая на крыше ты никогда раньше тварей не видел? — спросил он, отсмеявшись.

Космо покачал головой. Он бы запомнил.

— Такие способности обычно появляются после того, как человек переживает клиническую смерть. Сдается мне, ты был к тому близок, — сказал Стефан.

— Да уж, ближе подойти мало кому удавалось, — подтвердил Повторюшка, постучав по пластине на лбу Космо.

— Обычно способности видеть в недоступном для большинства людей спектре исчезают так же быстро, как появляются, — продолжил Стефан. — Но иногда бывает так, что они сохраняются. Иногда на неделю, иногда навсегда. Ты можешь лишиться своей способности завтра, или через десять лет, или никогда. У тебя чудесный дар, Космо. Тебе выбирать: использовать его вместе с нами ради благого дела или вернуться к Клариссе Фрейн.

Выбирать? Космо предпочел бы сразиться с тысячей паразитов, лишь бы не возвращаться в сиротский приют. Он уже достаточно пробыл подопытным кроликом, больше ему просто не выдержать.

— Я хотел бы остаться.

— Отлично, — сказал Стефан. — Чтобы стать членом нашей маленькой семьи, тебе понадобится храбрость и решительность.

«Семьи, — подумал Космо. — У меня появилась семья». Стефан, произнося это слово, не понимал, какое огромное значение оно имело для приютского мальчишки.

— Мы — семья?

Стефан поднял Повторюшку с пола.

— Да, этот старый ворчун — наш дед. Мона — сестра. Конечно, нас мало, но выбирать не приходится. Мы — единственные, кто может защитить людей от паразитов. Иногда кажется, что победа невозможна, но можно спасти хоть кого-нибудь. Например, мы спасли тебя. Если бы не мы, паразит высосал бы тебя досуха и никто об этом никогда не узнал бы.

— Они высасывают нас?

— Конечно, тем и живут.

Космо заерзал на стуле.

— Значит, и здесь они могут появиться в любую минуту.

Хорошее настроение Стефана мгновенно исчезло.

— Нет, здесь ты в полной безопасности. Мы заизолировали стены гидрогелем. Паразиты терпеть не могут воду. Гелем заполнено даже пространство между стеклами.

— Но как только мы выйдем на улицу?..

Стефан пожал плечами:

— Все просто: кто кого. В этом мы ничем не отличаемся от остального населения земли.

— За последние несколько лет все усложнилось, — объяснил Повторюшка, открывая бутылку пива. Он сделал большой глоток и довольно рыгнул. Смотреть, как белокурый малыш лихо хлещет пиво, было с непривычки жутковато.

— Повторюшка прав, — кивнул Стефан. — Раньше паразиты появлялись только ночью. На месте происшествия, где были пострадавшие, или в больницах. Твари находили человека на пороге смерти и высасывали из него последние жизненные силы. Врачи, конечно, ничего не подозревали. Именно поэтому паразитам так долго удавалось оставаться невидимыми. То чудовище, которое сидело у тебя на груди, лишило тебя лет пяти жизни, прежде чем мы его уничтожили.

Космо машинально положил ладонь на грудь.

— А сейчас?

— А сейчас в опасности находятся буквально все, — с горечью произнес Стефан. — По какой-то причине с каждым днем тварей становится все больше. Правила изменились. Паразиты могут нанести удар когда угодно, где угодно и по кому угодно. Они мгновенно появляются даже в том случае, если рана совсем легкая.

Космо проглотил комок в горле.

— Но как можно сражаться с подобными тварями? Разве можно убить привидение?

Стефан достал свой из-под пальто «фонарик» и покрутил его в руках как дубинку.

— Можно, при помощи вот этого. Паразиты нуждаются в энергии, и мы даем ее им.

Повторюшка выхватил у него оружие.

— Хорош выпендриваться, — сказал он. — Все просто. Это «громобой». Он может стрелять как патронами, так и энергетическими импульсами различной мощности. Мы называем их «шокерами», и они изначально были разработаны оружейными компаниями в качестве альтернативы тазеру. Если поставить регулятор на малую мощность, импульсы вызывают у паразитов перегрузку — ты сам это видел, — но не нанесут ни малейшего вреда даже ребенку. А вот разряд, который засадил в тебя Стефан, мог бы зажарить кабана.

Космо вспомнил, как сидевшая на его груди тварь разлетелась тучей маленьких пузырьков.

— Из «громобоя» можно стрелять и резиновыми пулями, и целлофаном, и другими снарядами, которые не могут убить человека, — продолжал Повторюшка. — Мы никому не хотим причинять вреда. Но иногда нам нужно выиграть время, и тогда без стрельбы по людям не обойтись.

Космо заморгал.

— Ну, где-то две трети из того, что ты сказал, я понял...

Стефан встал и застегнул плащ.

— Другие понимают и того меньше, — сказал он. — Повторюшка, покажи Космо дом, а мне придется вас оставить на время.

Он положил букет за пазуху и направился к лифту.

— Один вопрос, — крикнул ему вслед Космо. Стефан даже не обернулся.

— Только быстро.

— Я узнал, *чем* вы занимаетесь, но не понял *почему*.

— Потому что, кроме нас, некому, — сказал Стефан, отодвигая решетку лифта.

«Я попал в комикс, — думал Космо. — В рисованный роман. Кто-то переворачивает страницы и говорит: *“Все слишком нелепо. Кто может в это поверить?”*».

— Три года назад Стефан был курсантом полицейской академии, — сказал Повторюшка, бросив пивную бутылку в утилизатор. — Его мать работала в больнице. Была одним из лучших в городе травматологов. После ее смерти он целый год провел в приюте для вдов и сирот. Когда вышел оттуда, купил этот дом. Всю страховку до последнего динара выложил.

Космо огляделся. Обстановку нельзя было назвать роскошной даже по приютским стандартам. Койки армейские, краска на стенах потрескалась от сырости, стекла несколько лет не знали тряпки.

— Не очень похоже на пещеру Бэтмана.

— Чью пещеру?

— Ерунда, это я так...

Светловолосый мальчик показал на разнообразные компьютеры, которыми был заставлен верстак. Новейшие кристаллические экраны мирно соседствовали с допотопными электронно-лучевыми мониторами.

— Большая часть куплена на черном рынке. Мы отслеживаем информационные каналы спутника, ждем несчастных случаев.

— Что? Вы взломали сеть муниципальной полиции?

Повторюшка хихикнул.

— Сеть муниципальной полиции? Нет уж, спасибо. Мы слишком спешим, чтобы ждать, пока полиция изволит почесаться. Мы взломали сети юридических компаний.

В этом был здравый смысл. Иски обходились так дорого, что корпорации предпочитали нанимать команды быстрого реагирования, состоящие из адвокатов-боевиков или так называемых параюристов. Обычно на месте происшествия первыми появлялись именно адвокаты, а не полиция.

Повторюшка снова привлек внимание Космо к обстановке штаб-квартиры.

— У каждого из нас есть своя койка. Ничего особенного, но есть где отдохнуть.

— У вас найдется лишняя койка для меня?

Повторюшка тяжело вздохнул.

— Лишняя? Нет. Она принадлежала Обломку. Он был одним из нас, но лишился способности видеть и покинул город шесть месяцев назад. Сейчас живет за городом. Носит очки с синими линзами и никогда их не снимает.

— Ты тоже — наводчик?

— Наводчик? Да, я вижу их, этих существ. Но у меня это — побочный эффект опытов Бартоли. Мона рассказала тебе обо мне, верно?

— Да. А как ты нашел Стефана?

Повторюшка нахмурился.

— Несколько лет назад Стефан попал... в аварию. Я был на «скорой помощи», которая его подобрала. «Самый маленький в мире фельдшер». Я тогда работал в больнице, меня взяли туда, потому что думали, что это сделает им бесплатную рекламу. Может быть, ты читал обо мне в сети?

Космо покачал головой.

— Ну и ладно. Так вот, когда мы подобрали Стефана, он нес бред о том, что какие-то твари высасывают из него жизнь. То есть это все решили, что у него бред, а я был просто в шоке —

ГЛАВА 2

раньше-то мне казалось, что я один такой псих, которому мерещатся непонятные синие создания. Потом я навестил его в больнице, с этого все и началось. Когда Стефан решил организовать свою группу, я без раздумий бросил работу. С тех пор мы спасаем мир вместе.

— Еще один вопрос.

Повторюшка покачал детской головой.

— Еще один вопрос. С вами, детьми, всегда так. Одни вопросы.

— Зачем Стефану понадобились настоящие цветы?

— Цветы? Стефан сам скажет тебе, когда сочтет нужным.

Космо тут же пал духом. Он был почти членом группы. Почти, но не совсем.

Вдруг на его лубке загорелся красный индикатор, и раздался звуковой сигнал.

— Все, на сегодня ты свое отходил, — заявил Повторюшка. — Лубку требуется еще восемь часов, чтобы завершить работу. Колено болит?

Космо кивнул.

Повторюшка достал из кармана болеутоляющий пластырь. Скомканная полоска выглядела так, словно срок ее использования истек лет десять назад.

— Вот, там еще осталось немного.

Он снял защитную пленку и прилепил пластырь на лоб Космо.

— Как пульс? Твоему моторчику здорово досталось. — Повторюшка положил ладонь на грудь Космо, и боль вдруг стихла.

— Она исчезла. В смысле, боль. Как тебе это удалось?

— Не мне. Пластырю. Одно из моих собственных изобретений. У меня было много возможностей применить медицинское образование на этой работе.

— А Стефан учился в полицейской академии?

Повторюшка усмехнулся. Циничная ухмылка на детском личике смотрелась дико.

— Да, его обучали на сапера.

— Завтра мне придется быть наводчиком?

Повторюшка кивнул на тихонько похрапывающую, спящую глубоким спокойным сном Мону.

— Никто не может научить тебя быть наводчиком. Ты им и так являешься. Но эта маленькая, на первый взгляд такая наивная, девочка научит тебя, как следует поступать, когда придет время использовать твой природный дар.

Стефан Башкир вышел из склада на Абра-кадобра-стрит через неприметную боковую дверь. На первый взгляд казалось, что этим

выходом давно не пользуются. На самом деле петли были хорошо смазаны, а сама дверь — оборудована сигнализацией, но случайный прохожий, поглядев на ржавчину и горы мусора, решил бы, что дверь не открывалась много лет. Посторонним не положено было знать, что ржавчина кропотливо культивировалась, а горы мусора были установлены на ролики. Достаточно было простого нажатия кнопки, чтобы куча отъехала в сторону и освободила проход, в который свободно мог въехать грузовик. Не слишком современная технология, но вполне эффективная. Конечно, только до тех пор, пока кому-нибудь не взбредет в голову отвезти мусор на переработку.

Стефан осторожно приоткрыл дверь и выскользнул в предрассветные сумерки Маичи-Сити. Когда-то восходы были оранжевыми. Теперь же они случались самых разных цветов, в зависимости от того, какие химические вещества преобладали в смоге. Сегодня смог был темно-лиловым, что свидетельствовало о высоком содержании пестицидов. К полудню воздух станет зловонным. И все же это лучше, чем красный восход. Когда смог красный, на улицу без противогаса лучше не выходить.

Несмотря на ранний час, уличные торговцы уже разжигали передвижные жаровни в ожидании наплыва покупателей, жаждущих завт-

рака. А вот члены уличных банд еще спали — хулиганы предпочитают творить свои дела в часы вампиров. До наступления вечерних сумерек по улицам можно ходить, не слишком опасаясь нападения.

Стефан купил в закусочной Карло паццу и зашагал к крематорию. Пацца была последним криком моды быстрого питания. Она представляла собой пирог с начинкой из макаронных ракушек, сдобренных различными соусами. Идеальная закуска для того, кто предпочитает есть на ходу.

Стефан шагал по Путеводному проспекту, не спуская глаз со своей паццы. В Вест-Сайде могут украсть еду прямо изо рта. Такие уж тут нравы и достаток. «Если это город будущего, — подумал Стефан, — я с радостью поменял бы такое будущее на прошлое. Не глядя».

Стефан был не в духе, и не только из-за смога. Несмотря на все его возражения, в группу снова попал случайный человек. Хорошо, пусть этот парень — наводчик, но ему же не больше четырнадцати лет, и у него нет ни малейшего опыта выживания в городе. Мона тоже молода, но она-то многое повидала и в трусости ее никак не упрекнуть. А этого Космо улица наверняка сожрет живьем в считанные минуты. Стефан уже чувствовал ответственность за мальчика, хотя меньше всего хотел ее на себя

брать. Его возраст едва позволял нести ответственность за самого себя. Одно дело рисковать на охоте за паразитами собственной жизнью и совсем другое — подвергать опасности жизнь других. Особенно такого несмышленища, как этот Космо.

Миновав пять кварталов, Стефан подошел к крематорию «Упокоение». Здание, естественно, было чугунно-серым, но управляющий попытался немного освежить его, спроецировав на фасаде парящих компьютерных ангелов.

Стефан вошел в зал Вечного Покоя через заднюю дверь, проведя магнитной карточкой (такие карточки заменяли жителям Маичи-Сити удостоверения личности) по прорези турникета. При помощи той же карточки он запустил конструкцию, похожую на десятиэтажную карусель маленьких стеклянных ящичков. Код на магнитной полоске запросил доступ к ящичку, хранившемуся на верхнем уровне. Стефан смотрел, как ящичек продвигается по сверкающим рядам своих близнецов к свободной кабинке внизу.

Юноша вошел в кабинку, предварительно выбрав на сенсорном экране у двери вариант без музыки. Ящичек выскользнул из своей ячейки на бархатную подушку.

— Мне это совсем не нравится, мама, — несколько смущенно произнес Стефан. — Бархат

и феи. Пошлость, конечно, но поверь, есть места и похуже.

Квадратный шестидюймовый ящичек был прозрачным, с бронзовой табличкой на передней грани. Надпись была короткой и простой. Всего шесть слов: ЛЮБИМАЯ МАМА. БЕЗВРЕМЕННО ПОКИНУЛА ЭТОТ МИР.

Стефан достал из-за пазухи цветы и положил их на подушку перед урной с прахом матери.

— Лилии, мама. Твои любимые.

Непослушные волосы упали Стефану на глаза, придав ему мальчишеский вид.

— Мы нашли еще одного наводчика, мама. Хороший парень. Толковый. Сегодня он спас Моне жизнь. Очень быстро соображает. Прирожденный супернатуралист. Но он совсем ребенок, сирота, сбежавший из института Клариссы Фрейн.

Стефан опустил голову на ладони.

— Теперь нас четверо, но тварей слишком много. И с каждым днем становится все больше. Знаешь, они стали появляться даже днем. Их приходится бояться, даже если ты просто порезал палец. В опасности буквально все. Каждую ночь мы уничтожаем сотню, а на следующий день ей на смену приходит тысяча.

Лоб Стефана избороздили морщины, глядя на которые можно было подумать, что ему втрое больше лет, чем на самом деле.

ГЛАВА 2

— Мама, я сошел с ума? Мы все сошли с ума? Паразиты действительно существуют? Если так, разве может горстка детей даже надеяться победить их? Наши считают меня главным, вроде как вожаком. Я вижу, как они смотрят на меня, словно у меня есть ответы на все вопросы. Даже новенький, Космо, глядит снизу вверх, хотя очнулся всего несколько часов назад. У меня нет ответов. Паразитов становится все больше, и мы можем спасти лишь несколько людей в день.

Стефан опустил голову на руки. Он знал, что сказала бы мама. «Каждый, кого ты спас, чей-то сын или чья-то мать. Когда ты спасаешь их, ты спасаешь меня».

«Если бы, — подумал Стефан. — Если бы я мог спасти тебя. Тогда все было бы иначе».

ГЛАВА 3

КАК ПУСКАТЬ ПУЗЫРИ

Мона Васкез чувствовала себя так, словно все ее нутро норовило вывернуться наизнанку. Она лежала на койке, и пот струился из каждой поры кожи. Мона помнила все, что произошло прошлой ночью, но образы казались какими-то размытыми, как бывает, если смотреть из-под воды. Частная полиция засадила в нее дротик. Стефан и Повторюшка каким-то чудом умудрились привезти ее на тачке сюда. То есть буквально — на тачке. А что потом?

А потом новичок спас ее. После этого она блевала шесть часов подряд. И, судя по тому, какой гимнастикой занимались сейчас ее внутренности, эти шесть часов не были последними. Мона лежала неподвижно, как статуя. Может быть, спазмы исчезнут, если лежать неподвижно.

Такие неприятности в последнее время случались все чаще и чаще. Если ты носишься по Маичи-Сити и палишь из «громобоя», глупо надеяться, что тебе это сойдет с рук. За последние восемнадцать месяцев у Моны накопилось шестьдесят семь швов, три перелома, смещение межпозвоночного диска, а теперь еще и колотая рана на бедре. Мона понимала, как ей повезло, что она вообще осталась в живых, но в данный момент она не чувствовала себя везучей. Голая правда заключалась в том, что шансы на победу были ничтожно малы и с каждым днем уменьшались.

Но разве есть выбор? Дело Стефана стало и делом Моны. Кто-то должен остановить паразитов. Ее родители умерли молодыми. Может быть, последние несколько лет их жизни украли паразиты. А твари нагнали с каждым днем. Их привлекали малейшее недомогание или незначительная травма, они преследовали своих жертв средь бела дня.

Она не разделяла безумную ненависть Стефана к паразитам. После ночного рейда по уничтожению тварей Мона спокойно леглась спать часиков на восемь. А Стефан никак не мог успокоиться, что-то бесцельно перебирал на верстаке, ремонтировал оружие или подготавливал к следующей вылазке верхолазное

КАК ПУСКАТЬ ПУЗЫРИ

снаряжение. Иногда одержимость лишала его сна на сутки, а то и больше.

Девушка села на постели — осторожно, ведь неизвестно, как поведет себя желудок. Но все обошлось. Вероятно, она действительно шла на поправку. Мона взяла с прикроватного столика зеркальце и внимательно изучила свое лицо. Кожа была зеленой. Нет, скорее, зеленоватой. И на белках осталось несколько зеленоватых прожилок. Каким ядом был смазан дротик? Если бы не Космо, она превратилась бы в увядший куст с парой сухих листьев.

Мона вздохнула и растянула кожу на щеке между большим и указательным пальцами. Было время, когда для нее казалось важным хорошо выглядеть. Мать часто говорила, что она красива, как экзотический цветок. Мона на всю жизнь запомнила ее слова. *Экзотический цветок*. Хотя порой не могла вспомнить лиц родителей. Мама и папа погибли во время голодного бунта в Бушке.

Мона, почесывая затылок, вышла в общую комнату. Стефан, как обычно, трудился у верстака — заливал чистящий раствор в линзы прибора ночного видения. Он с головой ушел в работу, даже не смотрел по сторонам. Мона воспользовалась моментом, чтобы украдкой понаблюдать за ним. Стефан, несомненно, пользовался бы бешеным успехом у девушек, если

ГЛАВА 3

бы он нашел время на свидание хоть с одной из них. Высокий, темноволосый, даже красивый — на вкус тех, кому нравятся эдакие «бывалые» парни. Но Мона знала, что у Стефана не было времени на самого себя, тем более на кого-нибудь другого. У него было время только на паразитов.

Стефан наконец заметил ее, и искренняя улыбка озарила его лицо.

— Эй, Васкез, гляжу, ты уже встала на ноги!

Мона кивнула, и желудок тут же попытался исполнить кувырок.

— Да, почти очухалась. Спасибо новичку.

— Ты готова заняться делом?

— Я всегда готова заняться делом, Стефан, — ответила Мона. Признаться, энтузиазм ее был не вполне искренним. Ей оставалось только надеяться, что Башкир этого не заметит.

Повторюшка бросил ей «громобой».

— Отлично. Покажи Космо, как с ним обращаться. В трех кварталах отсюда кое-что стряслось.

— Думаете, там можно ждать паразитов?

Стефан посмотрел на нее сквозь линзы прибора ночного видения.

— А ты как думаешь?

КАК ПУСКАТЬ ПУЗЫРИ

Когда Мона разбудила его, Космо снился на редкость мерзкий кошмар, действующими лицами в котором были два паразита, Зиплок и фен для волос. Он открыл глаза, ожидая увидеть склонившегося над ним воспитателя института Клариссы Фрейн, а увидел прелестное лицо Моны Васкез. Невероятно, но она выглядела потрясающе, несмотря на зеленоватый цвет лица.

— Ты такая красивая, — пробормотал он спросонья.

Девушка выпятила нижнюю губу.

— Что ты сказал?

Космо застонал. Неужели он произнес эти слова вслух!

— Ты такая... зеленая. Это все вирус. Не волнуйся, скоро пройдет.

Мона улыбнулась.

— Слышала, ты тут проявил себя светилом медицины.

Ее улыбка разбудила Космо быстрее, чем адреналиновый пластырь.

— Совсем нет, мне просто повезло.

— Мне тоже. — Мона выпрямилась. — Ладно, хватит сентиментальничать. Отклеивай свою лысую голову от подушки. Пора работать.

Космо откинул потертое одеяло.

— Я знаю. Обучение.

— Обучение? Размечтался. Сигнал тревоги в трех кварталах от нас.

Она передала Космо «громобой».

— Зеленая кнопка — взвод. Красная кнопка — огонь. Но сперва убедись, что узкий конец направлен на синюю тварь. Все понял?

Космо осторожно взял в руки оружие.

— Зеленая, красная, узкий конец. Понял.

Мона снова улыбнулась.

— Отлично. Можешь считать, что курс обучения окончен.

Супернатуралисты спешно навьючивали на себя снаряжение — причудливую комбинацию полицейского и альпинистского инвентаря. Некоторые инструменты выглядели так, словно держались только на честном слове и липучке. Буквально все оборудование было устаревшим.

— Здание «Стромберг»! — громко инструктировал свой отряд Стефан, продолжая собираться. — В основном жилые помещения. Спутник передает сигналы вращения на отдельные блоки. Очевидно, две квартиры одновременно повернулись на юг. Страшное столкновение.

— Большая Чушка — круглосуточный город, — объяснила Мона, привязывая на спину Космо раздвижной трап. — Поэтому заводы вращают дома в соответствии с рабочими сме-

КАК ПУСКАТЬ ПУЗЫРИ

нами. Каждому обеспечивается восемь часов тишины, и восемь часов окна квартиры смотрят на юг. Оставшиеся восемь часов человек на работе, и ему все равно, куда направлены его окна. Спутник попытался втиснуть две квартиры в одно место. Жуть.

Космо содрогнулся. Спутник снова все испортил. Такие несчастные случаи стали происходить с пугающей регулярностью.

Повторюшка передал ему огромные пластиковые очки ночного видения, закрывающие лоб и большую часть лица.

— Мы все носим эти антиполицейские маски, потому что они отражают рентгеновские лучи. Если охранникам удастся заполучить рентгеновский снимок твоей головы, компьютер сможет восстановить твой портрет. Такие снимки принимаются судом в качестве доказательства.

— Гм... ясно, — пробормотал Космо.

Он чувствовал себя так, словно подходил к краю обрыва с четким намерением прыгнуть. В сиротском приюте все было предсказуемо, как день и ночь. У супернатуралистов каждый миг сулил новые приключения. О такой ли жизни он мечтал? Был ли у него выбор?

— Все готовы? — крикнул Стефан. — Тогда пошли.

Они втиснулись в лифт. В воздухе чувствовалось напряжение и волнение перед боем. Космо не мог поверить, что отправляется стрелять сверхъестественных тварей. Остальные выполняли ставший уже привычным ритуал. Повторюшка покрывал руки камуфляжной краской. Мона хрустела суставами пальцев, а Стефан, похоже, пытался прожечь взглядом дыру в стене шахты.

Космо заметил, что они поднимаются.

— У нас есть вертолет? — с надеждой в голосе спросил он.

— Вертолет? — переспросил Повторюшка. — Да, конечно. Два вертолета и трансформер в придачу.

— Почему тогда мы поднимаемся?

— Потому что на земле — адвокаты, — объяснила Мона. — А паразиты — наверху.

— А-а, — беспомощно протянул Космо. С крышами у него был связан ряд свежих и неприятных воспоминаний.

Склад, где обосновались супернатуралисты, был по международным стандартам не слишком высоким зданием. Всего сто сорок этажей. Они вышли на крышу, и их мгновенно окутал отвратительный зеленый смог.

В Вест-Сайде все дома были приблизительно одной высоты, плюс-минус один или два эта-

КАК ПУСКАТЬ ПУЗЫРИ

жа. Так обеспечивался уверенный прием сигнала спутника установленными на крышах параболическими антеннами. Побочный эффект состоял в том, что перемещаться по крышам было не так уж трудно — если, конечно, ты готов рискнуть здоровьем, а то и жизнью.

Вест-Сайд раскинулся перед ними как коробка установленных вертикально костяшек домино — небоскребы отличались друг от друга только изображениями на стенах и неоновыми вывесками. Над головой стаями носились по своим делам вертолеты полиции и телекомпаний. Воздушному транспорту приходилось сражаться с воздушными потоками, набравшими силу в ущельях между рядами «чушек».

Стефан снял со спины раздвижной трап. Космо внимательно наблюдал за ним, понимая, что учиться придется на ходу. В институте Клариссы Фрейн ему случалось видеть, как мойщики окон с самоубийственной беспечностью перебежали между зданиями по таким устройствам. Глядя на них, Космо всегда думал: «Ни за что на свете». Обстоятельства изменились. Изменилась сама жизнь.

Трап в сложенном состоянии напоминал стальной поднос с двумя рядами полукруглых отверстий. На одном конце «подноса» была закреплена катушка с тросом. Стефан крепко зажал противоположный конец подноса меж-

ду каблуками и схватился за рукоятку катушки. Освободив несколько футов троса, он нажал кнопку пуска на миниатюрном пульте. Под воздействием давления газа в небольшом баллоне трап мгновенно вытянулся и повис над пропастью. Торс не давал ему раздвинуться дальше необходимого. Стефан, мастерски управляясь с катушкой, удерживал трап в воздухе, пока его край не коснулся крыши соседнего здания.

— Пошли! — скомандовал он, отступив в сторону.

Мона и Повторюшка перебежали на соседний дом осторожно, но уверенно.

— Не смотри вниз, — посоветовал Повторюшка Космо, когда будешь по другую сторону пропасти.

Космо сделал глубокий вдох и ступил на трап, не дыша, затаив дыхание, словно находился под водой. Переход по трапу на такой высоте — дело непростое. Ветер норовит столкнуть с узкого мостика, металл скрипит под ногами, а время шутит с тобой злые шутки, превращая секунды в часы. Космо старался смотреть только на улыбку Моны.

Наконец он ступил на твердую... крышу. Стефан перебрался последним и нажал на другую кнопку пульта. Трап послушно, как «раскидайчик», прыгнул к нему в руки.

КАК ПУСКАТЬ ПУЗЫРИ

На южной стороне здания Повторюшка уже раздвинул другой трап. Не было времени на раздумья и колебания. Космо оставалось только следовать за стаей и пытаться побороть страх.

— Не отставай! — крикнул через плечо Стефан. — Каждая секунда на счету. Паразиты наверняка уже на месте.

Паразиты! Космо почти забыл о них. Неужели ему предстоит снова встретиться с ними? Не сдрейфит ли он?

На следующую крышу он перебежал почти бесстрашно. Конечно, вряд ли он когда-нибудь так раззадорится, чтобы получать от беготни над пропастью удовольствие, но, по крайней мере, парализующий ужас больше его не сковывал.

Мона бежала рядом.

— Посмотри, — сказала она, переводя дыхание. — Они вокруг нас. Ты их видишь?

Космо видел. Десятки синих тварей стягивались по крышам к одной точке, словно грязная вода в раковине — к отверстию слива. Их было так много! Рассудок Космо отказался думать на эту тему, словно у него тоже сбилось дыхание. Тысячи тварей! Тысячи... Но Космо упрямо бежал вперед, несмотря на то, что все его инстинкты вопили: «Спасайся!»

В одном квартале к югу две квартиры на верхнем этаже все больше отклонялись от вертикали, пытаясь занять одно и то же место в

жилом доме «Стромберг». Гигантские шестерни скрипели, пламя лизало стены здания — должно быть, из-за аварии замкнуло проводку. Паразиты легко перепрыгивали через разделяющую здания пропасть и скрывались в квартирах.

— Мы пойдем туда? — недоверчиво спросил Космо.

— Нет, побежим, — коротко ответил Стефан. — Вертолеты телевидения приближаются и сирены уже слышны.

Космо тоже слышал сирены. Непрерывные завывания полицейских автомобилей и пронзительные гудки машин адвокатских контор. Гудки явно раздавались ближе, чем сирены. У супернатуралистов было не больше пары минут.

Мона разложила трап и отошла в сторону.

Стефан достал и взвел свое оружие.

— Итак, — сказал он, — входим через будку на крыше. Занимаемся только одной квартирой. Через тридцать секунд нас там не должно быть. Когда на крыше появятся охранники «Стромберга», нам надо быть в нескольких милях отсюда, ясно?

— Так точно! — крикнул Космо. Он видел по телевизору, что нужно отвечать именно так.

Мона и Повторюшка просто кивнули и взвели оружие.

КАК ПУСКАТЬ ПУЗЫРИ

Стефан положил руку ему на плечо.

— Успокойся, Космо. Помни, паразитов нечего бояться, они никогда не сопротивляются, не нападают, если, конечно, ты не ранен. Опасайся адвокатов и частных полицейских. Они играют грязно.

— Ясно.

Мона хлопнула его по плечу.

— Все будет в порядке, Космо. Я присмотрю за тобой.

Они перешли последний мост. Сердце бешено билось в груди, казалось, норовило проломить ребра. Космо поддерживало странное чувство, будто все это понарошку. А на самом деле он, наверное, валяется на больничной койке, накачанный успокаивающим, а над ним склонился воспитатель Редвуд. Что ж, тогда лучше насладиться этим миром грез, пока есть возможность. Представить, что попал в видеоигру. Врываешься, уничтожаешь несколько пришельцев, потом узнаешь счет.

Поверхность крыши была неровной, из нее выпирали кожухи для гигантских зубчатых колес. Из трещин в бетоне вырывался пар и били гейзеры горячего масла. Лестница превратилась в переплетение искореженных ступеней. Стефан обмотал металлические стойки термолентой. Эта лента была разработана в Южной Америке для лесозаготовительных фирм, прежде чем

закон запретил использовать дерево в качестве строительного материала.

— Закройте глаза.

Космо закрыл, но опоздал с этим на долю секунды. Стефан, щелкнув запалом, поджег магниевую ленту, та ослепительно вспыхнула и привела в действие ацетилено-кислородный резак. Она разрежала металлические стойки, как проволока — сыр, а на сетчатке глаз Космо на несколько минут отпечаталось ослепительное пламя. Лестничный пролет рухнул в шахту, заблокировав нижние этажи.

— Трапы, — приказал Стефан.

Члены команды закрепили устройства на перилах и мастерски опустили их в царивший внизу хаос. По очереди все спустились в едва удерживающий равновесие пентхаус. Космо спускался последним по лестнице Моны и часто моргал, чтобы из глаз исчезли звезды.

Он очутился в крошечном аду. Люди в панике бежали к пожарной лестнице, не обращая внимания на прижавшихся к стенам синих тварей. Но не все были такими невнимательными. Стефан достал свой «громобой» и открыл огонь. Паразиты разлетались на голубые пузыри, которые прыгали в замкнутом пространстве и отскакивали от стен, как шарики в пинболе. Они не издавали ни звука, ничем не выдавали своего удивления, просто раздувались и лопались.

КАК ПУСКАТЬ ПУЗЫРИ

Мона тоже начала стрелять с убийственной точностью, сопровождая каждый выстрел фразами на испанском, которым, как подозревал Космо, не учили в детском саду. Она быстро очистила одну стену от тварей и, яростно работая плечами, протолкалась в накренившуюся квартиру.

Космо достал свой «громобой», взвел его, прицелился и вдруг заколебался. Паразиты смотрели на него круглыми глазами снизу вверх. Живые. Он не мог выстрелить. Даже воспоминание о сидевшей на груди и высасывавшей из него жизненные силы синей твари не могло заставить его нажать кнопку.

В конце коридора квартира не смогла дойти до нужного места. Между ней и основной конструкций дома зиял шестифутовый провал. Стефан перекинул через него трап и попытался при помощи его подтянуть квартиру. Паразиты огибали супернатуралиста, стремясь побыстрее добраться до раненых.

Юноша оглянулся.

— Тридцать секунд, не забыли?

Во взгляде его широко открытых глаз застыла одержимость. Сейчас Стефана интересовало только одно.

Он побежал по трапу, стреляя на ходу. Команда последовала за ним в самое пекло. По квартире был нанесен удар сокрушительной

силы. Вся мебель до последнего предмета валялась бесформенной кучей у одной стены. Телевизоры, стулья, домашние роботы превратились в гору обломков, опутанную паутиной проводов.

Людям повезло ничуть не больше. Не менее дюжины мужчин, женщин и детей беспомощной грудой лежали в углу комнаты — не разобрать, где чья рука, где чья нога. Паразиты набросились на них, как мухи на мясо, высасывая последние жизненные силы.

У Космо исчезли последние сомнения. Он направил свой «громобой» на ближайшего паразита и нажал красную кнопку. Отдача была удивительно слабой, словно оружие было игрушечным. Но действие его было совсем не шуточным. Белая молния, рассекая воздух, ударила в среднюю часть туловища паразита. Жажда энергии стала причиной кончины твари. Импульс переполнил ее энергией сверх всяких пределов, и она разлетелась на дюжину искрящихся шаров.

Повторюшка не стрелял. Он был врачом и пытался помочь раненым. Сшивал скобами порезы, заливал открытые раны дезинфицирующим раствором, вливал обезболивающее в рот лежащих в беспамятстве людей. Некоторым помогать было поздно.

КАК ПУСКАТЬ ПУЗЫРИ

Повторюшка положил руку на грудь пожилому мужчине.

— Шок, — сказал он печально. — Просто шок.

Мона, похожая то ли на ниндзя, то ли на гангстера, всаживала в синих паразитов разряд за разрядом. Она не промахнулась ни разу. Через несколько мгновений вся комната была заполнена синими пузырями, похожими на праздничные воздушные шарики. Они поднимались к потолку и с электрическим треском просачивались сквозь бетон.

Космо стрелял снова и снова. Супернатуралисты были правы. Твари высасывали жизнь из этих несчастных людей. А он раньше этого не знал. Никогда не видел. Как можно одолеть подобного врага?

Рядом с ним появилась Мона. Ее подбородок был измазан копотью.

— Выше нос, Космо. Ты только что спас жизнь человеку.

Вот и ответ: продолжать. Спасть жизни, ни на что не отвлекаясь. Космо прицелился в тварь, которая уже серебрилась от поглощенной жизненной силы. Выстрел. Тварь распалась на пузыри.

Вдруг пол под их ногами стал горячим. При каждом шаге за резиновыми подошвами ботинок Космо тянулись липкие нити.

— Пол горит! — крикнул он.

Стефан наклонился и приложил ладонь к коврику.

— Адвокаты, — объявил он. — Пытаются пробиться сквозь перекрытие — лестницу-то мы завалили. Пора уходить.

— Но паразиты! Их так много!

Стефан схватил Космо за отворот куртки.

— Мы сделали все, что могли. Если тебя арестуют, ты не сможешь никому помочь.

Оранжевый луч резака вырвался из пола всего в дюйме от ноги Космо и пошел по кругу, вырезая небольшое отверстие. Потом луч исчез, а на его месте появилась оптоволоконная камера.

Мона схватила кабель обеими руками и стала дергать его, пока не вырвала из коробки.

— Заканчиваем. Пора сматываться!

Луч появился снова, на этот раз он был синим — значит, адвокаты настроили оборудование на быструю резку. Из дыры в полу донесся лязг заряжаемого оружия.

Стефан командовал отступление, стреляя на ходу. Жителям «Стромберга» супернатуралисты, несомненно, казались безумцами: подростки палили в пустоту, в то время как столько людей нуждалось в помощи.

Мона перекинула трап на осевой корпус здания. Космо бросил взгляд вниз. Несколько

КАК ПУСКАТЬ ПУЗЫРИ

ко адвокатов быстрого реагирования в касках с эмблемой весов правосудия стояли на площадке и ждали, когда луч прорежет достаточно большое отверстие. Один из них заметил Космо.

— Эй, ты! — крикнул он. — Не покидай место несчастного случая! Ты должен подписать отказ.

— Не останавливаясь, — подогнал его Повторюшка. — У этих ребят снаряжение гораздо лучше нашего.

Адвокат открыл клапан на липучке на своем боевом жилете, обнажив острый крюк и катушку с тросом.

— Закон запрещает покидать место несчастного случая. Оставайся на месте, или корпорация «Стромберг» не будет нести ответственности за нанесенные тебе увечья.

Адвокат наклонился над ограждением площадки и выстрелил крюком в брешь между искореженными балками. Космо пригнулся, и крюк воткнулся в потолок над его головой. Адвокат ударил ладонью по кнопке, катушка с тросом стала крутиться, поднимая его с поразительной скоростью. Пробив два слоя сухой штукатурки, адвокат приземлился на пол коридора за спиной Повторюшки. .

— Замри, ответчик, — сказал он, поднимая оружие. — У тебя есть право получить серьез-

ГЛАВА 3

ные неприятности, если ты попытаешься сбежать.

Повторюшка смотрел на него широко открытыми глазами, безупречно изображая шестилетнего ребенка.

— Серьезные неприятности? Но, сэр, я — несовершеннолетний.

— Будешь совершеннолетним, когда дело попадет в суд.

— Возражаю, — сказал Повторюшка и ударил противника головой в живот.

Ошеломленный адвокат свалился в дыру в полу. Спас юриста только трос, а то бы он разбился.

Стефан и Мона были уже на крыше.

— Эй, вы, шевелитесь. Вертолеты совсем близко.

Это был безумный, хаотический калейдоскоп. Неразрешимые задачи мелькали перед глазами Космо и исчезали, прежде чем он успевал придумать ответ. Беспощадные адвокаты и воинственный ребенок Бартоли, высасывающие жизнь паразиты, а теперь еще и вертолеты. И все потому, что супернатуралисты пытались помочь людям. Неужели этого никто не понимает?

Космо вскарабкался по трапу на крышу. Ночной воздух дрожал от винтов приближающихся вертолетов. Лучи десятков прожекторов освещали

КАК ПУСКАТЬ ПУЗЫРИ

щали здания. В основном это были вертолеты телевизионных компаний. Катастрофы всегда считались горячими новостями. Даже такая сравнительно незначительная авария, несомненно, займет первые полосы газет и попадет во все выпуски новостей.

Мона и Стефан сидели на корточках у края крыши здания «Стромберг». Стефан снял с ремня ударопрочную портативную рацию и установил регулятор громкости на максимум. Потом он бросил рацию на крышу соседнего дома.

— Нам нужен трап, — сказал он. — Мона?

— Только не я. Я уже перебросила три трапа. Газ почти кончился.

— Повторюшка?

— У меня то же самое.

Стефан почесал лоб.

— Космо. Трап. Немедленно.

— Я?

— Настало твое время. У нас не хватит газа, чтобы перебросить трап через такую широкую брешь. И нет времени обмениваться баллонами.

Супернатуралист-новичок снял сложенный трап со спины. Казалось, все просто — встать на планку, произвести выстрел наконечником и уложить трап в нужном направлении тросом. Сложнее, чем свалиться с крыши, но опреде-

ГЛАВА 3

ленно проще, чем вдеть спагетти в игольное ушко.

Он встал на планку.

— Твои пятки должны находиться позади планки, — посоветовала Мона. — Используй свой вес, чтобы удержать ее на месте.

Он немного сдвинул ноги.

— Поднимай наконечник выше — лучше перелет, чем недолет.

Поднять наконечник. Ясно.

Шум снизу. Резкие команды, топот ног.

— Они уже близко.

Космо сжал пальцами катушку и выстрелил. Трап дернулся под ногами, вызвав дрожь в недавно прижившейся коленной чашечке. Мальчик заставил себя не обращать внимания на боль и сосредоточился на управлении наконечником. Трап оказался тяжелее, чем он думал, и вдобавок вел себя непредсказуемо, сильный на такой высоте ветер заставлял его извиваться. Космо потянул на себя трос — и вдруг все кончилось, конец трапа замер в двух футах над крышей соседнего здания. Космо расслабился, трап с лязгом упал на крышу, и практически мгновенно два крюка выдвинулись из его дальнего конца, надежно зафиксировав временный мостик.

Команда не стала тратить время на поздравления, а бросилась по трапу на относительно

КАК ПУСКАТЬ ПУЗЫРИ

безопасную соседнюю крышу. Космо последовал за ними, потом, нажав на кнопку, сложил трап.

Улыбка Моны была видна даже в темноте.

— Неплохо для первого раза, Космо.

Повторюшка тоже улыбнулся.

— Неплохо? Когда Мона впервые перебрасывала трап, нам пришлось перерезать трос, чтобы он не сбросил ее с крыши.

Мона нахмурилась.

— Да, но у меня, по крайней мере, хватает роста, чтобы перебросить трап через широкую пропасть.

— Тихо! — приказал Стефан. — Они уже здесь.

Команда адвокатов-боевиков выбиралась на крышу пострадавшего соседнего здания через пролом в будке. Наплечные фонари освещали крышу не хуже прожекторов. Некоторые адвокаты вынимали из оружия целлофановые патроны и заменяли их пулями. Пули в отличие от целлофана могли убить, их использование законом запрещалось, но боевиков, похоже, такие мелочи не волновали.

Отряд построился полуколембом, высматривая противника.

— Всем лечь, адвокаты на крыше, — прошептал Стефан в микрофон.

Его голос отчетливо донесся с соседней крыши, многократно усиленный динамиком второй рации, которую юноша заранее там бросил.

— Сюда! — рявкнул командир адвокатов. — Никого не допрашивать, пока не подпишут отказ.

Адвокаты бросились на звук голоса Стефана. Они были полны энтузиазма, но скоро им предстояло понять, что их провели как младенцев.

Повторюшка хихикнул.

— Старый трюк. У нас на складе целый ящик таких раций. Раньше адвокаты были умнее.

Мона осторожно выглянула из-за ограждения.

— Некоторые такими и остались.

Двое боевиков направлялись к супернатуралистам. Из наплечников у них торчали такие же «громобои», как у ребят, только побольше.

— Отличное снаряжение, — заметил Повторюшка. — Руки всегда свободны. И заряды никогда не кончаются. Только электромагнитный импульс может вывести их оружие из строя.

Космо был слишком напуган, чтобы восхищаться снаряжением противника.

— Они приближаются. Что будем делать?

Стефан скинул со спины ранец и положил свой «громобой» на крышу.

— Сдаваться.

КАК ПУСКАТЬ ПУЗЫРИ

Мона улыбнулась.

— Смотри, Космо. Такое редко увидишь.

Космо заметил, что Мона и Повторюшка перезарядили оружие.

Стефан медленно поднялся на ноги, высоко подняв руки над головой.

— Не стреляйте! — крикнул он. — Я не вооружен.

Адвокаты разошлись, целей стало две. Оба направили «громобои» в голову Стефана.

— Ты сбежал с места происшествия! — крикнул один из них. — По закону им имеем право упаковать тебя.

— Знаю, но пощадите меня, ребята. Я просто хотел посмотреть. Ничего не трогал. Кроме того, мой отец — посол. У нас дипломатическая неприкосновенность.

Адвокаты замерли. После заключения Договора Старого Мира на дипломатическую неприкосновенность мало кто обращал внимание, но была одна странная далекая республика, которая настаивала на соблюдении своих прав. Если упаковать настоящего дипломата, можно было провести пять лет в судах, а потом двадцать — в тюрьме.

— Если у вас дипломатическая неприкосновенность, почему вы надели антикоп-маску?

Так называли на сленге маски, которые носили все члены команды Стефана. Эти маски

не только отражали рентгеновские лучи, но испускали собственное слабое излучение, которое могло стирать видеозапись. Если бы кто-нибудь сумел сфотографировать супернатуралистов, на снимках вместо голов отпечатались бы размытые пятна.

— Только для защиты от ультрафиолета. Клянусь. Не хочу, чтобы мои мозги зажарились.

Один из адвокатов взвел оружие.

— Ультрафиолет? Ночью? Так-так, мистер Дипломат. Предъявите ваши дипломатические документы. И лучше, если они не будут фальшивыми, иначе не попадете в ванну до самого утра.

Стефан сунул руку за пазуху и двумя пальцами достал идентификационную карточку.

— Я переброшу ее вам. Готовы? Только не стреляйте. Мой отец знаком с мэром Шайном.

— Одной рукой. Другую держи за головой.

Стефан подчинился и высоко подбросил карточку. Ее подхватил ветер, и пластиковый прямоугольник взлетел еще ярдов на двадцать.

— Идиот, — пробормотал первый адвокат, не спуская глаз с карточки.

— Сейчас поймаю, — сказал второй.

Именно в этот момент, когда внимание обоих адвокатов было приковано к кувыркающейся в воздухе карточке, Повторюшка и Мона рез-

КАК ПУСКАТЬ ПУЗЫРИ

ко встали и выстрелили. Но на этот раз они использовали не энергетические импульсы.

Две зеленые пули полетели к зданию «Стромберг», оставляя за собой зловонный шлейф. Они попали в маски боевиков, залив липкой зеленой массой их головы и плечи. Оба ослепленных адвоката быстрого реагирования от неожиданности повалились на крышу, схватившись руками за облепленные вонючей субстанцией шлемы.

— Пули-липучки, — объяснила Мона с ослепительной улыбкой. — Самое отвратительное вещество на всей планете. О шлемах можно забыть. Однажды в меня попали такой пулей, любимый бронежилет пришлось выбросить. Эти парни — вне игры, пока не подоспеет подмога.

Стефан провожал взглядом падавшую на улицы Маичи-Сити пустую пластиковую карточку. Потом в его кармане мягко завибрировал телефон. Он достал его и посмотрел на экран.

— Сообщение от нашего компьютера. Какая-то женщина нажала тревожную кнопку на углу Путеводного и Восьмой. Пошли. На этот раз воспользуемся улицей.

— Одну секунду, — сказал Повторюшка.

Он быстро перебросил трап и избавил беспомощно извивающихся адвокатов от верхо-

Глава 3

лазного снаряжения и оружия. Супернатуралисты не получали пособий, а снаряжение поверженных юристов было слишком хорошим, чтобы от него отказываться. Через несколько секунд ребенок Бартоли присоединился к остальным.

— Кажется, ты говорил, что у тебя кончился газ, — осуждающим тоном произнес Космо.

Повторюшка пожал плечами.

— Кончился газ? У меня? Я так сказал? Ну, зато ты научился перебрасывать трап, верно? И вообще, никто ведь не пострадал.

Супернатуралисты быстро собрались, бросили сложенные трапы за спины, убрали в чехлы «громобои». Космо машинально повторял действия остальных. Сердце колотилось где-то в районе горла. Зато Стефан, Мона и Повторюшка с виду оставались совершенно спокойными, словно безумие ночной погони было им совершенно нипочем. Может быть, они так долго охотились на паразитов, что такая ночь была для них обычной. Может быть, и это было более вероятно, они были просто безумны.

Космо подтянул ремни ранца и вошел вслед за Повторюшкой в будку на крыше.

А это значило, что он тоже был безумен.

ГЛАВА 4

БОЛЬШАЯ ЧУШКА

Уставшие супернаaturalисты вернулись домой только в пять часов утра. Тревога на Путеводном проспекте оказалась ложной. Какая-то старушка сунула руку во включенную микроволновую печь, и это вызвало срабатывание индивидуальной сигнализации. Многие горожане использовали такие системы, которые в случае угрозы здоровью или жизни вызывали «скорую помощь» или отряд защиты. Такие услуги обходились весьма недешево, но частные команды прибывали в среднем на две минуты раньше полиции. А эти две минуты часто означали разницу между жизнью и смертью.

Когда они возвращались домой с Путеводного проспекта, компьютер сообщил о перестрелке у банка в фешенебельной части проспекта. Супернаaturalисты устроились на крыше поблизости от места происшествия и стали стре-

лгать из засады в спешивших к месту трагедии паразитов.

В итоге дома они оказались, когда солнце уже выглядывало сквозь радужный смог. Даже Повторюшка слишком устал для шуток, глаза его ввалились от усталости, детские штаны были забрызганы кровью тех, кому он пытался помочь.

Они сели за стол перекусить готовыми саморазогревающимися обедами. Космо дернул за петлю своего пакета и подождал десять секунд, пока еда прогреется.

— Мне кажется, — сказал он, — сегодня мы неплохо поработали. — Никто не пострадал, и мы взорвали не меньше сотни этих тварей.

Стефан с отвращением отшвырнул ложку. Ложка, как и многое другое в штабе супернатуралистов, была армейская.

— А завтра на их месте появится двести.

Некоторое время Космо молча пережевывал безвкусную пищу, потом спросил:

— Знаешь, о чем я думаю?

Стефан откинулся на спинку стула, скрестив руки на груди. «Заткнись!» — отчетливо читалось в его позе и взгляде.

— Нет, Космо, не знаю. Так о чем ты думаешь?

Мона бросила на Космо предупреждающий взгляд, но он упрямо продолжил:

— Я думаю, что мы смогли бы нанести им реальный вред, если бы узнали, где они живут.

Стефан резко рассмеялся и потер лицо обеими руками.

— Надо же, три года занимаюсь этим, а такая мысль не пришла мне в голову. Наверное, ты — гений. Узнать, где они живут. Поразительно.

У Космо вдруг зачесалась коленка.

— Я просто подумал...

Стефан резко встал, отбросив стул. Он пытался сдерживаться, но без особого успеха.

— Я знаю, что ты подумал, Космо. Я тоже думал об этом. Найти гнездо и покончить со всеми раз и навсегда. Превосходная идея, за исключением одной мелочи. Мы не можем его найти.

— Что-то мне есть вдруг расхотелось, — закончил он. — Пора спать. — Стефан, с трудом передвигая ноги, скрылся в своей кабинке и задернул за собой штору.

Повторюшка и тут не удержался от хихиканья.

— Умеешь ты подлизаться к боссу, парень.

— Оставь его в покое, — сказала Мона. — Или я поставлю тебя в угол.

Повторюшка рассмеялся и потряс крошечными кулачками.

— Вообще-то я пацифист, Мона, но ради тебя готов разок поступиться принципами.

Мона собрала объедки.

— Ты не виноват, Космо. Стефан посвятил борьбе с тварями всю свою жизнь. Он спит и видит, как бы расправиться с паразитами. Только тем и живет. И каждую ночь, когда мы выходим на охоту, он видит, что толку от его усилий никакого.

— Мне почему-то все время кажется, что вы, ребята, не все рассказали, — сказал Космо. — Есть еще какая-то причина, по которой мы занимаемся этим.

Повторюшка открыл бутылку пива и наполовину осушил ее одним глотком.

— Мы помогаем людям. Разве этого не достаточно?

— Помогаем людям? И только?

Мона и Повторюшка переглянулись, и Космо это заметил.

— Понял. Я пока еще не стал одним из вас.

Мона обняла его за плечи.

— Знаешь что, Космо, ты перенервничал. Тебе не помешает прогуляться, развеяться...

Космо почему-то подумал о Зиплоке.

— Четырнадцать лет не был на прогулке.

— Лучшего времени не придумать, — сказала Мона, надевая крутку. — Если ты не против, я вполне могу пойти с тобой — потом отоплюсь. *Вамос.* В смысле айда.

Космо пошел за ней к лифту.

— Куда мы пойдем?

— Повторюшка, ты идешь?

Крошечный ребенок Бартоли поудобнее устроился в кресле и включил телевизор.

— Я?! Нет уж, спасибо. Однажды я пошел погулять с Моной. Мне повезло, что вернулся с полным комплектом пальцев на руках.

Космо слабо улыбнулся.

— Он шутит, да?

Мона подтолкнула его к двери лифта.

— Нет, Космо, — сказала она, закрывая решетку. — Совсем не шутит. Но, с другой стороны, пальцем больше, пальцем меньше, какая разница?

Мона провела Космо по лабиринту трубопроводов и заброшенных сборочных конвейеров к широкой погрузочной площадке на первом этаже. На пандусе стоял громоздкий, приземистый автофургон.

Мона хлопнула по крылу, подняв в воздух целую тучу ржавых клещей. Ржавые клещи, доселе невиданные букашки, появились в Маичи-Сити не так давно. Умники с телевидения утверждали, что это — принципиально новый вид, супернасекомые, которые переживут даже тараканов.

— Чушкамобиль. Это старое корыто не раз спасало нам жизнь.

Космо пнул одну из шин.

— Мы же не собираемся никуда на нем ехать, правда?

Мона открыла капот.

— Не суди о нем по внешнему виду. По мне, так лучше собранная из запчастей рухлядь, чем краденая машина. Но сегодня мы никуда не поедem. Маслоприемник накрылся. Нужен новый или по крайней мере не слишком изношенный.

— А я-то думал, что мы идем гулять.

— Мы и идем, — пробормотала Мона, снимая трубу маслоприемника с креплений. — Ничего не меняется. Просто по пути мне нужно уладить пару дел.

— А я тебе зачем понадобился? — спросил Космо, хотя на самом деле он был готов сопровождать Мону хоть к черту на рога. В конце концов, он был четырнадцатилетним юношей, а Мона была первой девушкой, с которой он общался без надзора.

Мона завернула маслоприемник в мешковину.

— Космо, ты нужен мне для моральной поддержки.

«Бушка» на жаргоне Маичи-Сити — угон автомобиля. А одноименный район Вест-Сайда прозвали так потому, что сюда стекались ворованные автомобили со всего города.

Несовершеннолетние хулиганы угоняли «BMW», «кромы» и «бенцы» со стоянок в жилых районах и переоборудовали их для гонок по бездорожью. Каждую ночь банды юношей и девушек собирались в заброшенных складах, чтобы участвовать в незаконных гонках за лидером.

Бушка. Родной район Моны.

Им понадобился почти час, чтобы добраться от Абракадабра-стрит до Бушки. На юг, по Путеводному проспекту, затем через мост к старому полицейскому ограждению, за которым громоздился бруствер из сожженных автомобилей. Тот, кто решался зайти за него, делал это исключительно на свой страх и риск. Полиция никогда не выезжала на вызовы из Бушки.

Космо постарался стать невидимым. Этому трюку он научился в институте Клариссы Фрейн. Втянуть голову в плечи, передвигаться мелкими шажками и не смотреть никому в глаза. Однако Мона его невидимость категорически забраковала.

— В этом районе, Космо, нужно идти расправив плечи и высоко подняв голову. Если эти стервятники почувствуют слабость, они расправятся с тобой быстрее, чем подсыпят сахар в бензобак.

Под стервятниками она имела в виду группы подростков, возвращающихся домой после

ночных гонок. Они группками топтались на тротуарах или разъезжали по улицам на автомобилях с усиленной подвеской. В этом районе спутниковое управление не работало, все автомобили управлялись вручную.

Космо показалось, что почти всех стервятников Мона знает лично.

— Эй, *чикита!* — громко окликнул ее мускулистый парень, болтавшийся в одной из наиболее многочисленных пеших компаний. Глаз его был перевязан пестрым платком. — Что-то ты давно не выходила на старт! Нам тебя не хватает.

Мона усмехнулась.

— Хола, Мигель. Может, я и поучаствую, когда у тебя появится машина, с которой не стыдно состязаться. Твою последнюю колымагу можно обогнать даже пешком.

Мигель застонал и прижал руку к груди, словно его сразила пуля.

— Ты меня уела, Васкез, но мой день еще наступит, и тогда — держись!

Мона усмехнулась, но шагу не сбавила.

— Мечтать не вредно, Мигель.

Когда они завернули за угол, Мону охватила дрожь. Ее храбрость была показной, на самом деле девушка была напугана до смерти.

— Я так боялась, что они не отвяжутся. Мигель — Милашка.

Космо непонимающее заморгал.

— Ты так считаешь?

Мона ударила его по плечу.

— Я совсем другое имела в виду, *эстудио*, глупыш. Милашки — самая крутая банда в Бушке. Раньше я водила компанию с ними. Была механиком, ухаживала за их тарантасами. Под платками у них такие же татуировки, как у меня. — Мона показала на цепочку ДНК над бровью.

— Это татуировка банды, верно? Что она означает?

Мона наклонилась, чтобы Космо мог лучше рассмотреть рисунок.

— Цепочка ДНК, составленная из частей автомобиля. Видишь колеса и поршни? Это означает, что в глубине души все Милашки одинаковы. Мы живем ради гонок.

Они прошли еще несколько кварталов, мимо одинаковых домов и забаррикадированных магазинов. Уличные торговцы разжигали жаровни. От посягательств подростков они защищались тем, что выставляли на показ оружие или держали у лотков крупных злых собак. Несколько раз Мону окликали. И не только Милашки. Космо довелось увидеть кельтские, англо-американские, славянские, африканские и азиатские группировки. Мона на ходу пыталась его просвещать.

— Это ирландцы. В основном занимаются угоном грузовиков из порта на другом берегу реки. А вон те высокие парни, — она показала на пару африканцев в черных костюмах, — зулусы. Обычно работают телохранителями, все обучены африканским боевым искусствам. Стоит такому бросить в тебя что-нибудь острое — и можешь попрощаться с жизнью.

Космо постарался стать еще более невидимым.

— Эти ребята с пирсингом — Бульдоги. Могут разобрать мотоцикл буквально за несколько секунд. Садись, завязать шнурок на ботинке, а когда оборачиваешься, видишь, что от мотоцикла осталась только рама.

— Как тебе удалось уйти от Милашек? — спросил Космо. — Я думал, что членство в банде пожизненное.

— Меня спас Стефан. Восемнадцать месяцев назад я попала в страшную аварию. Одно легкое было разорвано, я истекала кровью. Паразиты уже собирались высосать меня досуха, а братья-Милашки разбежались, едва я врезалась в столб. Стефан был в ночном патруле и услышал взрыв. Он подбежал ко мне и расстрелял сидевших на груди тварей. Повторюшка привел легкое в порядок, а потом они отвезли меня в больницу. По пути я что-то лепетала о синих существах, высасывавших из меня

жизнь, поэтому через неделю Стефан навес-тил меня в больницу и предложил начать но-вую жизнь. Я согласилась. В Бушке мне все равно ничего не светило. Мои родители умер-ли, а Стефану уже было восемнадцать, и он стал моим поручителем. Ты просто не пред-ставляешь, как приятно было почувствовать себя полноценным гражданином, знать, что те-перь мне не придется провести остаток жизни в страхе, в постоянном ожидании того, что по-лиция схватит меня и бросит в какой-нибудь приют.

— И Милашки просто позволили тебе уйти? Отпустили лучшего механика?

Мона остановилась у киоска и купила пару свежеиспеченных булочек. Они с Космо устро-ились на перевернутых мусорных баках и при-нялись жадно поедать горячий хлеб.

— Все было не так просто. Однажды вече-ром Мигель появился на Абракадабра-стрит с толпой громил. Стефан позволил им войти на погрузочную площадку, потом включил про-жекторы. Мигелю он сказал, что Милашки поте-ряли права на мои услуги, когда оставили меня умирать.

— И Милашки согласились? — недоверчи-во спросил Космо.

— Нет, — призналась Мона. — Стефан пред-ложил им опытный образец гоночного нитро-

мобилья «Маичи Z-12» за то, чтобы меня отпустили из банды.

— Стефан тебя купил?

Мона снова хлопнула его по плечу.

— Нет, Космо, он купил мне свободу. Именно поэтому мы ездим на чушкамобиле, именно поэтому мы пришли с тобой сюда за древним маслоприемником. — Мона доела булочку и бросила упаковку в уличный мусоросжигатель. — Пошли, нам еще предстоит трудные переговоры.

Космо пошел за Моной по узкому переулку, в котором воняло нечистотами и машинным маслом. Крысы дрались из-за объедков, ржавые клещи вгрызались в торчавшие из стен зданий балки. Мона откинула пропитанную маслом тряпку и подошла к стальной двери, оборудованной камерой наблюдения. Она постучала по защитному экрану.

— Хола, Жан-Пьер, открывай.

Через несколько секунд раздался искаженный помехами голос.

— Мона Васкез, ты еще жива? А что это за парень с тобой?

— Его зовут Космо, я за него ручаюсь.

По команде с дистанционного пульта запоры отодвинулись, и дверь распахнулась.

— Входи, только ничего не трогай.

Помещение, куда они попали, словно выпало из счастливого сна автомеханика. Казалось, сами стены были сделаны из частей автомобилей. Здесь было все, от самых современных плазменных преобразователей до частей допотопных двигателей внутреннего сгорания. Космо и Мона прошли по лабиринту запчастей мимо нескольких автомобилей, находившихся на различных стадиях ремонта.

Высокий худой мужчина копался под капотом шестиколесного «крома». Волосы механика были завязаны в «конский хвост» на затылке, а все открытые участки кожи были черными от масла и выхлопных газов.

— Эй, Жан-Пьер, что происходит?

Мужчина с трудом вылез из-под капота и снял увеличительные очки.

— Васкез, *са ва?* Происходит то, что ты мне заплатишь сто динаров, которые задолжала за выхлопную камеру.

Мона рассмеялась.

— *Вайя ал инферно*, Жан-Пьер. Пошел к черту. Камера была забита шпатлевкой. Развалилась всего через сотню миль. Мне следовало бы погонять по мастерской пинками твою тощую французскую задницу.

Жан-Пьер пожал плечами.

— Что ж, попытаться все равно стоило.

— Ты мне должен, и я пришла получить долг. — Мона бросила маслоприемник на верстак. — Дай мне такой же, и мы квиты.

— Квиты? Мона, ты шутишь. Это — настоящая редкость. Восемьдесят динаров, если мне удастся найти такой маслоприемник.

Мона сложила руки на груди.

— Тридцать динаров, *хомбре*. И ты уже знаешь, есть он у тебя или нет.

Жан-Пьер широко улыбнулся, сверкнул белыми зубами на замасленном лице.

— Мона, я так по тебе скучал. Так и быть, тридцать. Только потому, что тебе удалось поднять мне настроение.

Жан-Пьер скрылся в лабиринте запчастей.

— Он — единственный человек в Бушке, на которого почти можно положиться, — сказала Мона. — Может достать или сделать все что угодно. Банды не трогают его, потому что без него их тарантасы давно рассыпались бы на части.

Жан-Пьер вернулся, помахивая маслоприемником, как полицейской дубинкой. У него на плече сидел паразит. Космо машинально попятился и обрушил сложенную из колесных колпаков башню.

— Мона, смотри!

Француз нахмурился.

— Эй, *мон ами*, поосторожней с товаром. Что с тобой происходит?

— Не обращай на него внимания, Жан-Пьер, — сказала Мона не моргнув и глазом. — Он — чокнутый. Наглотался выхлопных газов на гонках. Иногда видит то, чего нет.

Космо не мог оторвать глаз от притаившейся на плече француза твари.

— Разве можно просто стоять и смотреть? Почему не убить ее?

Мона подбирала колпаки.

— Заткнись, Космо, — сказала она, сверкая глазами. — Там ничего нет. Понял? Ровным счетом ничего!

Космо попытался понять, что выражает взгляд ее карих глаз. Она видела тварь, он был уверен в этом.

— Ничего нет. Понял.

— Вот и хорошо. — Она отсчитала чипы достоинством в динар на верстак. По другую сторону бруствера люди, как правило, пользовались кредитными карточками, но в Бушке правили наличные. — Вот, тридцать динаров.

Жан-Пьер смахнул чипы в ящик.

— Все тридцать? Васкез, ты в меня влюбилась?

Мона взяла маслоприемник, стараясь не смотреть на сидевшего на плече француза глазастого паразита.

— Нет, просто отлично понимаю, когда сделка выгодная. — Она опустила взгляд. — Кстати, как ты себя чувствуешь в последнее время?

Жан-Пьер удивленно посмотрел на нее.

— Странно, что ты об этом спрашиваешь. Что-то давит в груди. Началось совсем недавно, всего несколько недель назад. Нужно бы сходить к врачу в городе, но кто верит врачам, *нес па?*

Мона посмотрела французу прямо в глаза.

— Обязательно займись этим, Жан-Пьер. Мы без тебя пропадем.

— О чем речь, *ма шер*. Клиент всегда прав. — Он выдвинул решетчатый ящик из стены. — Как лучшему клиенту тебе полагается комплект свечей бесплатно.

Мона положила свечи в карман и поцеловала Жар-Пьера в щеку. Паразит неохотно отодвинулся.

— До свидания, Жан-Пьер. Большое тебе спасибо.

Француз потер щеку.

— Поцелуй? От Моны Васкез? Ты не заболела?

Мона с ненавистью посмотрела на паразита.

— Нет, Жан-Пьер. *Я* не заболела.

Мона не произнесла ни слова, пока они не отошли на два квартала от мастерской Жан-Пьера.

— Эти твари... Иногда они знают, когда человеку грозит опасность.

— Почему мы ничего не сделали?

— Что мы могли сделать? Начать палить по воздуху среди бела дня? Жан-Пьер пристрелил бы нас. Здесь мы ничего не могли сделать, как не можем открывать стрельбу в больницах. Может быть, у Жан-Пьера будет сердечный приступ, и паразит лишит его последнего шанса. Естественные причины, понимаешь? Может быть, паразит просто высосет из него несколько лет жизни. И никто ничего не узнает, вот в чем штука. Нет преступления, нет злого умысла, нет подозреваемого, нет жертвы. Знаешь, всего год назад невозможно было увидеть паразита среди бела дня, а сейчас это происходит все чаще и чаще.

Начинался день, и людей на улицах становилось все больше и больше. Космо разглядывал прохожих. Днем паразиты были почти невидимы, но, приглядевшись, можно было заметить, как они сидят на плечах у своих жертв или прячут над ними в воздухе.

Мона заметила его взгляд.

— Вот именно. Они не любят свет, но они здесь. А еще они не любят воду. Она их не

убивает, но хороший душ лишает их энергии. Поэтому я каждый день молюсь о дожде.

— Так все и происходит? Если паразит тебя выбрал, можешь попрощаться с жизнью?

— Не обязательно. Тебя могут спасти врачи, тебе может повезти, или, как мы, ты можешь спрятаться за стенами из гидрогеля. Паразиты обычно появляются уже после несчастного случая или аварии, но иногда запах смерти настолько силен, что они не в силах ему сопротивляться.

Они спешили по Бушке в сторону ограждения. Космо шел, опустив голову, чтобы не привлекать внимания тварей. Боялся, что паразит заметит его взгляд и усядется на плечо.

— Уже уходишь? — раздался чей-то голос.

Милашка Мигель стоял, облокотившись на перила, на балконе третьего этажа.

— Нет времени, — бросила Мона. — Слишком много работы.

— Советую остаться, *чикита*. Сегодня здесь будет очень интересно. Мы торжественно выводим на гонки «Маичи Z-12». Обыграем всех дочиста.

— Правда? Может быть, стоит перенести такое событие. Я слышала, что в последнее время очень плохой смог.

Мигель рассмеялся.

БОЛЬШАЯ ЧУШКА

— Что за чепуха, детка! Милашкам смогнипочем. Сегодня вечером нам есть чем заняться. Гонки — единственное, о чем стоит волноваться.

Космо украдкой покосился на балкон. С полдюжины паразитов сидели на стене над головами Милашек и почти любовно таращились круглыми глазами на своих жертв.

Мона пошла быстрее.

— Похоже, нынче вечером у нас тоже будет чем заняться.

ГЛАВА 5

МИЛАШКИ И БУЛЬДОГИ

Прошло двенадцать часов, и Космо снова оказался в Бушке, на этот раз в кузове чушкамобиля вместе с остальными супернатуралистами. Мона припарковала машину под крытым рифленым железом навесом напротив заброшенного полицейского участка, служившего Милашкам штаб-квартирой. Все лавки были закрыты на ночь, на улицах никого не было, кроме шлепавшихся группами подростков и бездомных.

Стефан был не в восторге.

— Паразиты могли ошибиться. Вдруг мы зря проторчим здесь всю ночь?

— Их было слишком много, Стефан, — возразила Мона. — Один мог ошибиться, но эти твари явно собрались здесь из-за серьезной катастрофы. Мигель сказал, что Милашки впервые выводят на гонки «Маичи Z-12». Они долж-

МИЛАШКИ И БУЛЬДОГИ

ны победить, а другие банды будут вне себя от ярости.

Стефан пожал плечами.

— Банды всегда вне себя от ярости.

Мона сверкнула глазами.

— Стефан, эти ребята долгое время были моей семьей. Я не могу не беспокоиться о своей семье, ты должен меня понять.

— Ладно уж, — неохотно согласился Стефан. — Присмотрим за ними часа два, потом вернемся к работе по компьютеру.

— Спасибо, Стефан.

Повторюшка отвернулся от окна.

— Приготовились, ребята, начинается.

Из подземного гаража показалась вереница «кромов» с форсированными двигателями. Во главе колонны шел тщательно замаскированный «Маичи Z-12», за рулем которого с гордым видом восседал Мигель.

— Вот она, — сказала Мона. — Цена моей свободы.

Космо протер глазок на грязном стекле фургона.

— Выглядит не слишком впечатляюще.

Мона завела двигатель чушкамобиля. Он работал паразитически тихо, несмотря на размеры.

— В этом весь фокус. Если бы Милашки в открытую заявили на «Маичи Z-12», никто

не стал бы делать ставки против них. А так они сорвут огромный куш на тотализаторе.

Она выехала на дорогу, стараясь держаться подальше от колонны Милашек.

— Стефан, ты никогда не рассказывал, откуда у тебя появилась эта машина.

Стефан усмехнулся.

— Я реквизирировал ее у экспериментального отдела «Маичи». Они испытывали два нитромобиля, и один из них не вписался в поворот. Врезался прямо в заправку. Я последовал к месту аварии за тучей паразитов и начал стрелять. Адвокаты подошли слишком близко, и мне пришлось воспользоваться уцелевшей машиной. Это настоящее чудо техники, все прочие модели отстали от этой на многие годы. Там предусмотрены даже пазы для крыльев, на будущее. Жаль было с ней расставаться.

Мона хлопнула его по груди. У нее это был жест одобрения.

— Ладно, Стефан. Спасибо. Сколько раз я должна это повторять?

— Пары тысяч будет вполне достаточно.

Милашки торжественно ехали по улице, непрерывно подавая свои фирменные звуковые сигналы, чтобы разбудить жителей. Скоро толпы людей высыпали на балконы и принялись приветствовать гонщиков. Мигель царственно махал публике ручкой.

МИЛАШКИ И БУЛЬДОГИ

Мона держалась в отдалении, пока колонна не пересекла Красную площадь и не повернула на восток.

— Так, значит, на восток. Там территория Бульдогов. Они устраивают гонки на старом заводе «Кром».

Повторюшка ввел информацию в бортовой компьютер, и буквально через мгновение установленный на складе сервер переслал план завода.

— Идеальное место. Две пятимильные полосы с твердым асфальтовым покрытием — бывшие сборочные линии. Наверняка именно они для гонок и используются.

— Доступ? — коротко спросил Стефан.

— Шесть ворот на уровне земли, которыми, как я полагаю, мы пользоваться не будем.

— Правильно.

— В таком случае я рекомендую ряды солнечных батарей на крыше. Не сомневаюсь, сами батареи давно разворованы местными жителями, поэтому нам удастся проникнуть на какую-нибудь из подвесных эстакад под потолком корпуса.

Космо застонал. Опять крыши. Впрочем, он счел за лучшее промолчать.

Стефан, казалось, прочел его мысли.

— Не волнуйся, Космо. Вчера у тебя все отлично получалось. Ты перебросил последний

трап как настоящий пожарный. И с «громобоем» управлялся неплохо, хотя чаще попадал в стены, а не в паразитов.

— Комплимент от Стефана Башкира? — с деланным удивлением спросила Мона. — Хорошо было бы записать и слушать каждый день — когда еще дождешься такого события...

Космо рассмеялся, но слова Стефана много для него значили. Впервые он ощутил себя почти полноправным членом группы.

Мона повела чушкармобиль по таким узким переулкам, что ей пришлось прижать зеркала к дверям. Впереди возвышался завод «Кром», оранжевые отсветы костров плясали на стеклянных панелях крыши.

— Похоже, мы на месте, — сказала Мона, выключая двигатель, и перебралась на заднее сиденье. — Там будет не меньше пятидесяти Бульдогов. Все вооружены старинным пороховым оружием, может быть, у некоторых есть целлофановые патроны или шокеры. Мне кажется, что будет очень серьезная авария или начнется война между бандами.

Стефан кивнул.

— Ясно. Не вмешиваемся, пока не случится то, что должно случиться. После этого занимаемся нашими бестелесными друзьями.

Моне такой план не понравился.

МИЛАШКИ И БУЛЬДОГИ

— Может быть, стоит сорвать гонки? Предотвратить беду?

Стефан покачал головой.

— Нет, мы не в силах предвидеть будущее. Возможно, беда случится именно в том случае, если мы попытаемся сорвать гонки.

Девушка неохотно смирилась, вняв его логике. Стефан обнял ее за плечи.

— Ты в порядке, Мона? Справишься?

Мона вставила батарею в свой «громобой».

— Обо мне не беспокойся, Стефан. Я знаю, зачем мы сюда пришли.

— Отлично. Поднимаемся по пожарной лестнице на крышу, затем проникаем на эстакаду. Смотрите в оба. У бандитов могло хватить ума выставить часовых на крыше.

Переулок был настолько узким, что им пришлось выбраться из фургона через заднюю дверь и вскарабкаться на крышу чушкармобиля, чтобы оттуда добраться до пожарной лестницы завода. Стены корпуса лишь немного приглушали рев двигателей и восторженные крики. Нижняя ступень пожарной лестницы находилась в метре от поднятой вверх руки Стефана. Вместо того чтобы использовать раздвижной трап, он схватил Повторюшку за ремень.

— Готов?

Повторюшка кивнул.

— К взлету готов.

Стефан подбросил малыша вверх, и тот схватился за перекладину. Его вес заставил лестницу опуститься до уровня земли. Он начали подниматься гуськом, Стефан шел замыкающим: он был самым тяжелым, и ветхие перекладины могли не выдержать его веса.

Но они выдержали, и через несколько минут супернатуралисты уже лежали ничком на пологой крыше эстакады и смотрели вниз сквозь пустые рамы солнечных батарей. Внизу находилось то, что когда-то было мегазаводом, на котором работало больше двадцати тысяч жителей Маичи-Сити.

Приподнятые над землей конвейерные линии опирались на сваренные между собой металлические балки. Со сборочных роботов были сняты все ценные узлы, их остовы беспомощно свисали с люлек. Выше, почти под потолком, сиял прожекторами целый лабиринт висячих переходов, эстакад и монорельсов.

Бульдоги и Милашки стояли в классическом племенном строю. Не менее сотни членов обеих банд выстроились рядом со своими машинами. Каждый старательно выпячивал грудь, задирал подбородок и втягивал живот. Расфуфыренные автомобили с успехом заменяли им павлиньи хвосты: огромные спойлеры, украшенные абстрактными граффити, старомодные резиновые шины, снятые, чтобы были видны

МИЛАШКИ И БУЛЬДОГИ

пульсирующие в нетерпении двигатели, капоты. Только «Маичи Z-12» не был украшен. Было в нем что-то от обманчиво расслабленной пантеры.

Гонки уже начались. На сборочную линию загоняли по две машины, которым предстояло преодолеть пятимильную дистанцию, сжигая бензин или азотное топливо. Правила были очень простыми. Въезд на полосы закрывали решетчатые подъемные ворота, через которые был пропущен ток. Когда они поднимались, водители нажимали на газ. Тронешься с места слишком поздно — гонка проиграна, слишком рано — электрический заряд ворот сбросит машину вместе с водителем с полосы. Тот, кто первым пересечет финишную черту, становится победителем и получает причитающуюся ему сумму.

Не только супернаaturalисты притаились под крышей заводского корпуса. Несколько десятков паразитов прижимались, как пауки, к стальным балкам и иногда падали вниз, чтобы высосать несколько капель жизни из раненых водителей. Как всегда, они не обращали на супернаaturalистов ни малейшего внимания.

Космо достал свой «громобой»

— Не спеши, — сказал Стефан. — Это не то, чего мы ждем. Легкие раны не могли привлечь

так много паразитов. Пока открывать огонь рано.

Пальцы Стефана нервно сжимали оружие. Было ясно, что, позволяя паразитам забирать даже каплю жизни, он испытывал жуткие мучения. «Иногда лидерам приходится принимать трудные решения», — подумал Космо.

Повторюшка посмотрел на альтиметр, вмонтированный в его наручные часы.

— Сейчас мы находимся на высоте двести футов над землей. Если что-нибудь произойдет, я никому не смогу помочь. А пришел я сюда с единственной целью — помогать раненым. Вы знаете, как я отношусь к стрельбе по паразитам. Если не дадите мне возможности лечить, я вернусь на старую работу. И зарплата там выше, и ваши мальчишеские выходки терпеть не придется.

Взгляд Стефана мог сверлить дыры в титане.

— Повторюшка, сейчас не время.

Взгляд ребенка Бартоли был не менее свирепым.

— Не время? Теперь мы спасаем жизни только тогда, когда тебе это будет благоугодно? Так бы сразу и сказал — я б тогда остался в нашем уютном гнездышке пить пиво.

Стефан заскрипел зубами: отчасти от злости, отчасти чтобы скрыть улыбку.

МИЛАШКИ И БУЛЬДОГИ

— Повторюшка, ей-богу, придется записать тебя в детский сад. Ладно уж, бери Мону и спускайтесь поближе к земле. Не рискуйте понапрасну. Обычно мы с такими людьми дел не имеем. Они — вооруженные убийцы. Если сможешь кому-нибудь помочь, помоги, но мой тебе совет: сначала усыпи пациента. И не забудьте про антиполицейские маски. Кто знает, что может случиться.

Повторюшка усмехнулся.

— Стефан, ты просто милашка.

И ребенок Бартоли с ловкостью горного козла направился по балке к лестнице. Мона побежала за ним, тихо ругаясь по-испански. Они спускались по лабиринту труб и балок, пока не оседлали кабельный канал, проходивший прямо над сборочной линией. Если случится несчастье, им достаточно будет просто перебросить трап, чтобы спуститься на землю.

Стефан наблюдал за ними в полевой бинокль.

— Они в безопасности.

Космо лежал рядом с ним на эстакаде.

— А мы не должны спуститься вместе с ней... с ними?

Стефан внимательно наблюдал за происходившим внизу.

— Маленький совет, Космо. Не слишком привязывайся к Моне. Она — лучший навод-

чик из тех, кого мне довелось видеть, но в один прекрасный день она бросит нас, чтобы идти дальше. Что касается твоего вопроса, от нас будет прок и здесь. Если наши ребята попадут в беду, мы можем совершить отвлекающий маневр, вызвать огонь на себя.

Космо вздохнул. Вызвать огонь на себя. Похоже, эта вылазка была самой опасной из всех, в которых ему до сих пор доводилось участвовать.

Стефан неправильно понял его вздох.

— Не бери в голову, парень, — сказал он, шутливо постучав по пластине «роботикс» в голове Космо. — Насколько я знаю, в институте Клариссы Фрейн тактике и стратегии не обучают.

Его жест напомнил Космо, что не все части его тела были настоящими. Какие перемены всего за неделю! Новая коленка, новый лоб, новые друзья, новая жизнь. Космо опустил взгляд на вооруженных бандитов. Новая жизнь? Надолго ли?

Повторюшка непринужденно балансировал на кабельном канале. Хоть и не вышел ростом, он был прирожденным гимнастом. Может быть, если твое тело остается неизменным в течение нескольких десятилетий, за это время можно научиться ловко с ним управляться?

МИЛАШКИ И БУЛЬДОГИ

— Итак, тебе нравится этот парень? — спросил он язвительным тоном, совсем не соответствующим ангельскому выражению лица. — Этот малыш, *чико*?

— Конечно, мне нравится Космо. Хороший парень. Очень сообразительный.

Мона лежала ничком на кабелепроводе и высматривала в толпе Мигеля. Если у нее будет шанс кого-нибудь спасти, в первую очередь она спасет Мигеля. Ведь он же спас ее, когда она шлялась по улицам и однажды попыталась угнать принадлежавшую Милашкам машину. Тогда она попалась, а он, вместо того чтобы наказать ее, дал ей работу.

Повторюшка хихикнул.

— Хороший парень? Перестань, Васкез, вспомни, с кем ты разговариваешь. С тех пор как он появился, у тебя значительно улучшился характер.

— Просто я рада, что на Абракадабра-стрит появился мой ровесник, с которым приятно общаться, понял?

Повторюшка продолжал дразнить ее.

— Не сказал бы, что он красив. О волосах пока и говорить нечего, а лоб выглядит так, словно под кожей спрятался дикобраз.

— По крайней мере, ростом он в отличие от некоторых вышел, — ехидно заметила Мона.

— Ты его уже защищаешь? Я чувствую брешь в твоей непробиваемой броне, Васкез.

Мона ни за что не призналась бы в этом, но ребенок Бартоли в чем-то был прав. Она чувствовала интерес к спасенному сироте. С самой первой минуты, когда он, дымящийся, лежал на крыше. Потом он спас ей жизнь. После всего этого он должен был обладать повадками голодного медведя, чтобы ей не понравиться.

— Он — мой друг. Вот и все. Может быть, тебе трудно понять, что возможны такие отношения.

Повторюшка улыбнулся, явно довольный тем, что ему удалось поколебать ее самообладание.

— О, решила пройтись на мой счет, да? Васкез, пусть я, как ты тут намекала, не вышел ростом, но в моей карликовой голове мозгов больше, чем у всех остальных супернатуралистов, вместе взятых.

Мона направила «громобой» на своего крошечного товарища.

— Повторюшка, перестань меня доставать. Думаешь, я не смогу выстрелить в тебя липучкой? Если так, ты ошибаешься.

Повторюшка поднял руки.

— Угрозы насилия? Я и не догадывался, насколько далеко зашло дело. Да так быстро, кто бы мог подумать? — Он замолчал и ис-

МИЛАШКИ И БУЛЬДОГИ

крenne улыбнулся. — Честно говоря, я рад, что у тебя появился друг. Этот Космо — действительно славный парень.

Мона презрительно хмыкнула.

— Ты говоришь о нем как о щенке.

— Просто пытаюсь быть серьезным. Ты очень молода, Мона. Еще девочка. Тебе нужен ровесник для общения. Я — слишком стар, хотя таким не выгляжу. А Стефан... Он редко расположен к приятному общению.

У Повторюшки в кармане завибрировал телефон.

— Сообщение сверху, — сказал он, глядя на экран. — «Чем вы занимаетесь? Закройте рты и распахните гляделки». — Ребенок Бартоли махнул в сторону Стефана рукой. — Думай о работе, Мона, иначе мне придется воспользоваться преимуществами возраста.

Мона усмехнулась.

— Знаешь, если бы ты не был ростом всего три фута...

— Три фута и два дюйма, — обиженно поправил ее Повторюшка.

Ситуация внизу постепенно начинала накаляться. Второстепенные гонки завершились, и на сборочную линию стали выкатывать достойные главного приза машины. Бульдоги столпились у шестиколесного монстра, принялись орать и палить в воздух. Машина, стояв-

шая на широкопрофильных шинах, была украшена граффити, сзади вибрировали сдвоенные выхлопные трубы. Машина, как и ее владельцы, играла мускулами, а двигатель ее рычал ничуть не тише самого громкого Бульдога. Эта банда обожала работать на публику. Победители этих гонок, скорее всего, истратят призовые деньги на то, чтобы вставить под кожу имитирующие мускулы мешки с физиологическим раствором.

Гоночная машина «Маичи» по сравнению с чудовищем Бульдогов выглядела неброско. Ее кузов отличался плавными изгибами, как у старых автомобилей, из-под заднего бампера торчала только одна выхлопная труба, но самое главное, у нее было всего четыре колеса. Просто смешно. На Бульдогов машина не произвела ни малейшего впечатления. Они принялись выть по-собачьи — так у них было принято высмеивать противника.

Мона закатила глаза.

— Бульдоги. Обьедки природы.

Спокойный тон не соответствовал состоянию Моны. Что-то должно было произойти, причем очень скоро. Смерть витала в воздухе. Паразиты явно почувствовали то же самое и спустились по стенам поближе к полу.

Телефон Повторюшки снова завибрировал.

МИЛАШКИ И БУЛЬДОГИ

— Еще одно сообщение, — простонал он, — Стефан решил, что я к нему секретарем нанялся? — Он достал телефон из кармана и взглянул на экран. — Думаю, тебе стоит это увидеть, — произнес он странно сдавленным голосом.

Мона выхватила у него телефон, не спуская глаз с толпы внизу. На зеленом экране четко выделялись черные буквы.

«Рак на горе свистнул, — гласил текст. — Бульдоги выставили часового. Он подошел к вам сзади».

Мона услышала гудение источника питания над самым ухом.

Космо вскочил на ноги.

— Мы должны им помочь.

Стефан схватил его за отвороты куртки и уложил на пол.

— Ложись, Космо, иначе сам станешь превосходной мишенью.

— Но их убьют! — попытался возразить Космо.

Стефан перекатился на бок и закрыл ему ладонью рот.

— Космо, слушай меня внимательно. Я знаю, что делаю. Я в этом деле уже три года. А ты провел всю жизнь в сиротском приюте. Все, что ты знаешь о боевых операциях, можно

записать на трусах Повторюшки. Ты меня понял?

Космо кивнул.

— Хорошо. Будем наблюдать за развитием событий. Может быть, у Моны с Повторюшкой возникнут хорошие идеи.

Он убрал руку. Космо судорожно втянул в легкие воздух.

— А что, если их подстрелят?

Стефан опустил взгляд. Он быстро моргал, а его пальцы судорожно сжимали поручни подвесного мостика. Несмотря на показную браваду, он тоже нервничал.

— Пусть только попробуют. Они за это поплатятся.

«Возможно, — подумал Космо. — Но Повторюшку с Моной это не спасет».

Из одежды на Бульдоге были только шорты, и его кожа была темной. Неестественно темной. Повторюшка не сразу понял, что виной тому густая татуировка. Рисунки поначалу показались ему бессмысленными каракулями, но узоры почему-то завораживали, притягивали взгляд.

— Нравится? — спросил часовой. — Это ямайские гипноузоры, у меня ими все тело покрыто. Всего триста девяносто девять долларов в салоне «Клякса». Спросить Сашу.

— Ничего себе, — сказал Повторюшка. Все тело Бульдога действительно покрывали гипноузоры. Как он раньше не заметил?

Мона щелкнула пальцами перед его глазами.

— Прекрати пялиться на татуировку, эстипидо, гипноузоры тебя одурманят.

— Верно, — согласился Бульдог. — Один водила такси как-то решил поглазеть на меня в зеркало заднего вида — так заснул прямо за рулем. — Он навел на Мону оружие. — Ладно, теперь к делу. Подымайтесь, живо. У вас осталось время написать завещание.

Повторюшка хотел возразить, но Мона успела закрыть ему рот ладонью.

— Нет проблем, *амиго*. Показывай, куда идти.

Татуированный часовой повел их по крутой лестнице на наземный уровень завода. Вблизи Бульдоги оказались гораздо выше, чем казалось сверху. Они толкали незваных гостей, размахивали оружием и явно жаждали крови.

Вперед вышел главарь банды. Ни у кого не возникло бы сомнений, что это главарь. Потому что на его голой груди красовалась надпись: «ХОЗЯИН». Надпись была сделана вживленными под кожу крошечными лампочками.

— Так-так, кто это тут у нас обнаружился, а, Призрак? — прорычал он, потрясая металлическим гребнем на черепе. То есть буквально

но прорычал. Вероятно, чтобы добиться такого эффекта, Хозяин сделал себе операцию на голосовых связках.

Призрак вытолкнул пленников в круг.

— Два маленьких ржавых клеща шныряли между стропил.

Хозяин взглядом оценил пленников.

— Так-так. Привяжи их к капотам, получится крутое украшение.

— Подождите, — сказал Мигель, перегораживая путь Бульдогам. — Я не дам никого привязывать к капоту моей машины. Это нарушит аэродинамику. Такие навороты снижают скорость. *Компренде?* Врубаешься?

Мона свирепо посмотрела на него сквозь лес рук.

— Ну спасибо, Мигель. А я-то думала, что моя судьба тебе безразлична.

Шестеренки в голове Хозяина со скрипом повернулись.

— Ты знаешь эту девчонку? — сообразил-таки он.

Мигель тяжело вздохнул. Еще один вечер испорчен.

— Да, конечно. Она... моя младшая сестра. Я сказал ей, чтобы сидела дома, но она без ума от гонок. Наверное, это у нее в крови. Сделай мне одолжение, отпусти ее.

МИЛАШКИ И БУЛЬДОГИ

Сердце Хозяина забилося быстрее, в такт ему замерцали лампочки на груди.

— Не знаю, приятель. Правила есть правила.

— Перестань, *хомбре*, — настаивал Мигель. — Я не могу вернуться домой без *нина*.

— Почему, приятель? Эти подростки только зря занимают место и воздух.

— Верно, но эта девочка — один из наших лучших пилотов. Водит почти так же хорошо, как я. Жаль, если все уроки пропадут зря. Через пару лет она сможет выйти на трассу.

Гнусная улыбка появилась на лице Хозяина. Стальной гребень задрожал от хохота.

— Ладно уж, приятель. У меня есть предложение. Девочка будет участвовать в последнем заезде.

— *Kue no!* — с жаром возразил Мигель. — Ни за что! Никого не пущу за руль моей машины!

— Тебе выбирать. Либо в машине, либо на машине.

Мигель сорвал с головы платок и смял его в ладонях.

— Так и быть. Она сядет за руль. — Он погрозил Моне пальцем. — Только попробуй проиграть, Мона. За всю жизнь не рассчитаешься.

На машине или в машине. Как будто у нее был выбор. Десятки чужих рук перенесли де-

вушку по воздуху к «Маичи Z-12» и затолкали в боковое окно машины. Повторюшку швырнули на пассажирское сиденье.

— Можешь подвесить этого пупсика на ветровое стекло в качестве талисмана, — сказал Хозяин Моне, усаживаясь за руль своего мобиля. — Удача тебе понадобится, можешь мне поверить.

— Сам ты пупсик, — прошипел сквозь зубы Повторюшка. — Тупой мешок имплантантов. Отдубасить бы тебя до потери сознания. При том в буквальном смысле до потери. — Он поправил свои светлые волосы, глядя в зеркало заднего вида. — Ты ведь умеешь управлять этой штукой, верно?

— Да. Возможно. Теоретически.

— Думаешь, нам дадут сделать пробный заезд?

Переполненные адреналином бандиты подпрыгивали в предвкушении небывалого зрелища. Толпа татуированных, накачанных тестостероном молодых самцов, поставивших на этот заезд огромные деньги.

— Нет, никаких пробных заездов не будет.

Мона была мотористом, а не гонщиком. Нет, она, конечно, могла заложить крутой вираж, если было очень нужно. Однако теперь ей предстояло ехать на гоночном нитромобиле, а не на знакомом до последнего винтика фургоне. Уча-

МИЛАШКИ И БУЛЬДОГИ

стники гонок, как правило, добавляли в топливо закись азота — это позволяло значительно увеличить мощность. Но «Маичи» ездил на чистой закиси азота. Расход такого топлива был огромным, поэтому машина представляла собой практически топливный бак на колесах. Каждая стойка, каждая панель была заполнена взрывоопасной смесью. Управлять такой машиной толком не умел никто.

Мигель наклонился к окну.

— Передай Стефану, что он у меня в долгу.

— Скажи сам, — ответила Мона. — Через десять секунд от меня останется только пятно сажи на асфальте.

— Просто удерживай ее на трассе, а все стальное сделает азот. Педали стандартные, но тормози заранее. Эту машину ужасно трудно остановить. Васкез, если проиграешь эту гонку, лучше сматывайся из города.

Хозяин нетерпеливо нажал на сигнал.

— Пара вопросов, — сказал Мигель. — Где Стефан, и что вы здесь делаете?

Мона положила ладонь ему на руку.

— Когда случится, поймешь. Просто не высовывайся и будь готов рвать когти.

Мигель повязал голову банданой, как это было принято у гангстеров.

— Мы — Милашки, девочка. Милашки никогда не убегают. — Произнеся эту крутую, по

его мнению, реплику, он присоединился к членам своей банды.

У Повторюшки завибрировал телефон. Он незаметно вытащил его из кармана и увидел на экране только вопросительный знак. Повторюшка быстро набрал ответ: *«Оставайтесь на месте. Все под контролем»*.

Мона, вытянув шею, прочла текст.

— Под контролем? Подскажи, когда попадем в беду, а то я не догадаюсь.

Манипуляторы робота «кром», подключенного к портативному генератору, опустили ворота. Перед каждой машиной появилась решетка, по которой пробегали искры разрядов. Хозяин азартно взвыл. На электронных табло, установленных на крыльях его машины, красовались движущиеся изображения: бегущие, истекающие слюной бульдоги. Члены банды слышали его собачий зов, и скоро по всему заводу разнесся лай чокнутых бандитов.

— Я вот все думаю, что менее вредно для здоровья, — сказал Повторюшка, — выиграть или проиграть?

Мона нажала на кнопку зажигания и дала газ на нейтральной передаче.

— Я не собираюсь оставаться здесь только ради того, чтобы узнать.

Повторюшка испуганно схватился за приборную доску.

МИЛАШКИ И БУЛЬДОГИ

— Мона, только не надо безрассудства!
Я ведь еще ребенок!

— Держись крепче и пристегни ремень.

Ворота начали медленно подниматься, осыпая столпившихся внизу зрителей искрами. Хозяин колотил кулаком по потолку, от его ударов металл корпуса горбился. Казалось, стоит ему возбудиться чуть сильнее — и лампочки на груди непременно перегорят.

Мона включила первую передачу. Ручную коробку передач явно установили Милашки. Времени переключать все передачи до шестой не будет, придется некоторые пропустить. «Z-12» рванулась вперед, как нетерпеливая пантера. Мона удержала ее на месте сцеплением.

Между нижним краем решетки и полом появился трехфутовый зазор. Мона почти ничего не видела из-за водопада ослепительных искр. Бульдоги стреляли в воздух. Паразиты стали подбираться поближе к гонщикам. «Возможно, это я их притягиваю, — подумала Мона. — Что-то должно случиться, и скоро. Нет, все это бред!» Она заставила себя выбросить ненужные мысли из головы.

Ворота дернулись вверх еще на шаг.

— Вперед! — завопили Милашки в один голос. — Пошла!

Мона дала газ, но не тронулась с места.

— Рано.

У Хозяина подобных сомнений не возникло. Он вдавил педаль газа и проскочил под воротами. Слишком рано. Задний спойлер зацепился за нижнюю кромку ворот. Но взрыва не последовало, разряд в несколько тысяч вольт не пробежал по раме машины. Только спойлер расплавился, превратившись в черную кашу, залившую почти все заднее стекло. Для Хозяина гонка началась.

— Резина, — презрительно произнесла Мона. — Экая дешевка.

— Вперед! — чуть не плача завывали Милашки.

Хозяин ушел уже на милю вперед, а ведь он еще даже не включил азотный ускоритель.

— Рано.

Повторюшка замолотил крохотными кулачками ей по плечам.

— Васкез, что ты делаешь? Совсем рехнулась?

— Еще секунду.

Хозяин был уже в двух милях от них. В двух с половиной. Он шел со скоростью не меньше трехсот миль в час, и из-под колес его машины валил черный дым. Милашки уже бежали к машине, доставая из карманов оружие. На лице Мигеля застыл яростный оскал.

— Пора, — прошептала Мона, нажав на акселератор и отпустив сцепление. «Z-12» рва-

нулась вперед, как молот Тора. Ускорение вжало Мону и Повторюшку в спинки сидений. Если бы подголовники не были мягкими, их черепа раскололись бы как яичная скорлупа. Зрение стало подводить, перед глазами поплыла цветная каша. Отчетливо была видна только дорожка.

Мона крепко сжала руль, стараясь удержать его в одном положении. От скорости все, что было по сторонам, превратилось в грязные полосы, только впереди отчетливо была видна твердая черная дорожка и стремительно приближавшаяся, увеличенная лобовым стеклом машина Хозяина. По сравнению с «Z-12» она не то что еле ползла — ехала задним ходом, хотя Хозяин об этом не подозревал. Он уже выпускал победные ракеты из окон.

«Посмотри в зеркало, дурачок, — подумала Мона. — Тогда, может быть, и смекнешь, что происходит».

Похоже, Хозяин именно так и поступил, потому что из сдвоенных выхлопных труб вырвалось синее пламя — он впрыснул в двигатель азотное топливо. Машина Бульдога рванулась вперед, ускорившись еще на пятьдесят миль в час. Слишком поздно. «Z-12» разогнался до скорости пули, он летел по дорожке, словно молния.

— С ума сойти, — пробормотала Мона, стискивая отбивающие дробь зубы. — Эта машина — настоящий зверь.

Повторюшка улыбнулся Хозяину, когда они проносились мимо, раздражающей самодовольной улыбкой, увидев которую любой человек, которому она была адресована, несомненно, захотел бы нанести ему тяжелые увечья. Вполне возможно, Хозяин даже не успел толком разглядеть пронесшуюся мимо него машину, тем более улыбку ребенка Бартоли, но у Повторюшки все равно полегчало на душе.

Они пересекли финишную черту, включив победный фейерверк. Пять миль меньше чем за минуту. На них с угрожающей скоростью неслась стена заводского корпуса.

— Ты забыла затормозить! — попытался перекрычать рев двигателя Повторюшка. — Твой бывший возлюбленный говорил, что тормозить нужно заранее!

Мона еще сильнее вдавила педаль газа, явно пытаясь преодолеть звуковой барьер.

— Во-первых, он не мой бывший возлюбленный, во-вторых, ты действительно хочешь остановиться, чтобы поболтать с Хозяином?

— На самом деле нет. Разве у нас есть выбор?

— Мы можем выехать через эти ворота.

МИЛАШКИ И БУЛЬДОГИ

Повторюшка зажал нос и стал надувать щеки, пока не затрещало в ушах. Вероятно, он подумал, что давление мешает ему слышать.

— Выехать через... Ты совсем рехнулась?

— Подумай сам. Мы сошли с дорожки на скорости около трехсот миль в час. Ворота сделаны из полимера, а машина — из прочного сплава. У нас есть реальный шанс выбраться отсюда.

— Должен быть другой выход.

— Слушаю внимательно, у нас есть секунды три.

— Мона, не вынуждай меня тебя ударить.

— А что, у тебя в кармане завалялась кувалда?

Повторюшка приготовился к аварии — зажал голову между ног.

— Мы покойники, — пробормотал он.

До стены из псевдочугуна оставалось несколько секунд. По цеху неслась целая процессия бандитских автомобилей. Паразиты спускались все ближе к земле. И тут в игру вступила еще одна сторона, вмешательства которой никто не мог предусмотреть, поскольку для Бушки это было небывалым делом: паразиты.

Двигатель «Z-12» отключился.

— Что?.. — пролепетала Мона.

Все четыре колеса одновременно заблокировались, и из заднего спойлера вылетели два миниатюрных тормозных парашюта.

— Вот влипли, — пробормотала Мона, пытаясь повернуть замершее на месте рулевое колесо.

Приборная доска «Z-12» перевернулась, на ее месте появился монитор с подсветкой, а на нем почти мгновенно возникло сообщение: «ДИСТАНЦИОННАЯ БЛОКИРОВКА Z-12. НЕМЕДЛЕННО ПОКИНЬТЕ ТРАНСПОРТНОЕ СРЕДСТВО». Машину занесло, и она остановилась, повиснув одним колесом над краем эстакады.

— Мы уже покойники? — спросил Повторюшка, не поднимая головы.

— Нет, нас заблокировали.

Повторюшка осторожно выпрямился.

— И слава богу.

Мона выбралась из машины и потрясла головой, чтобы исчез звон в ушах. Ситуация быстро становилась критической и хороших перспектив отнюдь не сулила. Бандиты вот-вот будут здесь, и Мигель не сможет их спасти, даже если захочет. Она бросила взгляд на небеса. Их мог спасти только Стефан, наблюдающий сейчас сверху как личный ангел-хранитель. Он придет, она не сомневалась в этом.

МИЛАШКИ И БУЛЬДОГИ

Но там, наверху, появилось еще кое-что. Выше того места, где сидели Стефан и Космо. Вернее, не кое-что, а кое-кто.

Повторюшка наконец выбрался из «Z-12».

— Я тут подумал, Васкез. Если нас заблокировали, то кто?

Мона указала на несколько десятков темных силуэтов, планировавших к пустым рамам солнечных батарей.

— Они.

Стефан и Космо наблюдали за гонками с ужасом и некоторым восхищением. Один раз завибрировал телефон Стефана. Он быстро посмотрел на экран.

— Что там? — спросил Космо.

Стефан быстро стер текст.

— Все в порядке. Скоро увидимся.

— Ясно. Больше вопросов не будет.

За финалом гонок Стефан наблюдал в левой бинокль.

— Странно.

— Странно? — переспросил Космо. — Что странно?

Стефан передал ему бинокль.

— Они остановились. Причем в аварийном режиме. Я был уверен, что Мона попытается прорваться сквозь ворота. Зачем ей понадооби-

лось останавливаться на дорожке у всех на виду. Если только...

По спине Космо пробежали мурашки, кровь отхлынула от лица. Если только — что? Он молча ждал, когда Стефан договорит.

— Если только, кто-то не остановил машину вместо нее.

Космо увидел в бинокль, как Мона указывает на потолок. Он перевернулся на спину и, прищурившись, всмотрелся в ночное небо за огромными панелями. Десятки призрачных фигур планировали по воздуху к дырам в крыше.

— Они настоящие? Или очередные твари, и только мы способны их видеть?

Стефан выхватил у него бинокль и навел его на потолок. Несколько фигур в черном стали видны отчетливо. Они летели на боевых парашютах и контролировали направление полета при помощи закрепленных на ногах миниатюрных реактивных двигателей. Все парашютисты были вооружены короткоствольными штурмовыми винтовками. На касках красовалась эмблема компании. Такую же эмблему передавал спутник.

— Корпорация «Маичи», — сказал Стефан. — Параюристы. Они пришли за «Z-12».

Стефан присел на колени и накрылся пальто.

МИЛАШКИ И БУЛЬДОГИ

— На разработку машины ушли миллиарды динаров. Ее потеря была для «Маичи» даже не щелчком по носу — ударом по зубам. Вероятно, машина впервые ожила на достаточно продолжительное время, чтобы ее смогли отследить.

Стефан поднял полу пальто.

— Быстро, залезай сюда и молись, чтобы нас не заметили.

Космо забрался под кожаное пальто и прижался к Стефану. От пальто пахло трудовым потом и вспышками «громобоя». Сквозь щель он наблюдал, как параюристы изящно планируют сквозь зияющие дыры в крыше. Мастерски используя ножные реактивные двигатели, они огибали торчащие во все стороны балки и спускались все ниже к столпившимся внизу бандитам.

Один из них сорвал закрепленный на «липучке» микродинамик и бросил его на пол цеха. Пластмассовая коробка прокатилась футов десять по полу и остановилась у ног Хозяина. Тот, не понимая, что происходит, поднял ее.

Из сетки прогремел голос параюриста:

— Гоночный нитромобиль «Z-12» является собственностью корпорации «Маичи». Отойдите от машины, иначе понесете наказание по закону. Это последнее предупреждение. На ответ дается десять секунд.

Членам банд не понадобилось и десяти секунд. Почти все резко развернули машины на сто восемьдесят градусов и помчались к воротам. Не проехав и половины пути, они заметили блокировавшие все выходы трехэтажные штурмовые танки. «Маичи» явно решила продемонстрировать свои неограниченные возможности. Бандиты принялись палить из всего, что у них было, по спускавшимся параюристам.

К этому моменту десять секунд уже истекли, и параюристы получили законное право открыть огонь. Они так и поступили, причем огонь был открыт из самого современного в мире оружия. В первую очередь они опустили целлофановую завесу. Пытавшиеся спастись бегством бандиты моментально были упакованы. За ними последовали импульсы-шокеры, заряды которых распространялись по целлофановой пленке и погружали любого оказавшегося под липкой поверхностью в забытие или того хуже.

Похожие на радужных волков паразиты прорывались сквозь целлофановые коконы к телам бандитов. Шокеры не причиняли тварям видимого вреда, напротив, казалось, они только бодрили паразитов.

Параюристы налетали как смертоносные ракеты, сея вокруг себя боль и смерть. Они расположились на лестничных площадках и ниж-

МИЛАШКИ И БУЛЬДОГИ

них эстакадах, поражая цели сверху. У бандитов не было ни малейшего шанса. Многие лишились чувств, не успев достать оружие. Остальных штурмовые танки разогнали по углам и приклеили целлофановыми зарядами к стенам.

Стефан высунул голову из-под пальто.

— Это я во всем виноват, — простонал он. — Паразиты пируют только по моей вине. Это я отдал «Z-12» Мигелю.

Космо бросил взгляд на царивший внизу хаос.

— Ты не мог этого знать. Никто не мог.

Глаза Стефана сверкнули.

— Я должен был знать! Три года я бегал от полиции «Маичи» Я знаю, как она работает. — Он навел свой «громобой» на группу паразитов. — Слишком далеко. Отсюда их не достать. Нужно спуститься ниже.

Космо отыскал в свалке тел друзей.

— Я их вижу. Мону и Повторюшку. Они спрятались под эстакадой. Им оттуда не выбраться.

— Я должен спуститься, — бормотал Стефан. — Отсюда я не смогу им помочь.

Космо ударил по решетке кулаком.

— Почему не идет дождь, когда он так нужен?

Стефан как-то странно посмотрел на него.

— Дождь? Конечно, нужна вода, чтобы прогнать паразитов! Ну, это-то нам по силам!

— Хочешь сказать, что умеешь вызывать дождь?

Стефан быстро вскочил на ноги и побежал к лестнице.

— Я — нет, а они — могут.

— Они? — крикнул Космо, пытаясь догнать супернатуралиста. — Кто они?

— Эти, у ворот. Беги к чушкармобиле, попытайся связаться с Моной и Повторюшкой. Может, им еще удастся выбраться.

Космо по-прежнему ничего не понимал. У ворот никого не было, кроме штурмового танка высотой футов тридцать. Неужели Стефан решил захватить один из танков? Вздор, быть не может! Космо, и не подумав возвращаться к чушкармобиле, побежал за Стефаном по лестнице. Если Стефан решил захватить штурмовой танк, он, Космо, пойдет с ним. Ведь он же полноправный член команды!

— Параюристы, — прошептала Мона. — Худшие из худших.

Параюристы представляли собой нечто среднее между адвокатами, десантниками и питбулями. Они были последней надеждой корпорации и спускали их с цепи только в том случае, если на карту поставлены очень большие деньги.

МИЛАШКИ И БУЛЬДОГИ

Мона мгновенно все поняла.

— Они пришли за машиной.

Она схватила Повторюшку за воротник и потащила к краю дорожки.

— «Маичи» отключила машину. Скорее всего, в проводку был зашит маячок. Нам нужно спрятаться.

— Спрятаться? — прохрипел полузадушенный Повторюшка. — Им ведь нужна только машина.

— И все, кто ее видел или ездил на ней. Они не могут допустить, чтобы другая корпорация украла секреты «Маичи». Всех, кто здесь находится, будут допрашивать. С пристрастием.

— Допрашивать? Несколько вежливых вопросов под чашку синтокофе?

Мона презрительно хмыкнула.

— Конечно, *амиго*. Несколько шок-разрядов и чашка пентотала натрия. Если ты после такой милой беседы не разучишься считать до десяти — можешь считать, что тебе повезло.

Повторюшка кивнул.

— Спрятаться. Хорошая мысль.

Они спрыгнули со сборочного конвейера и стали пробираться сквозь поддерживающие его балки. Асфальт был испещрен пятнами смолы. В нос бил резкий запах многолетних наплавляемых мусора.

Повторюшка похлопал по рукаву курточки, как будто запах можно было выбить.

— Пропала куртка. От этой вони не избавиться.

Мона поползла дальше в тень.

— Радуйся, что у тебя пока есть нос, чтобы ее чувствовать.

Началась стрельба. Огромные шары жидкого целлофана градом посыпались на бандитов и их машины. За ними последовали шок-разряды.

— Их решили вывалить в дегте и искрах, — сказал Повторюшка. — Мне их почти жаль.

Мимо них, яростно мигая лампочками на груди, пролетел Хозяин. Импульс-шокер попал ему в локоть, откуда мгновенно распространился по всему телу. Лампочки вылетели из-под кожи как пули. Буквально через секунду на его груди оказался паразит. Хозяин отчаянно сопротивлялся, кидаясь на всех, кто попадал в поле зрения, и оглашая корпус завода яростными криками. В конце концов проходивший мимо параюрист, практически не целясь, выпустил в него целлофановый заряд. Главарь Бульdogов беспомощно забарахтался в коконе быстротвердеющей липкой массы.

Со стороны выхода донесся низкий гул, словно голодный волк зарычал в тоннеле.

Мона могла распознать на слух рев любого двигателя.

МИЛАШКИ И БУЛЬДОГИ

— Штурмовые танки. Они разделяются с теми, кому посчастливилось сбежать. Пора уносить ноги.

Повторюшка одобрительно закивал.

— Надо же, какая дельная мысль.

Они стали пробираться сквозь груды многолетнего мусора, пытаясь найти брешь в строю «Маичи». Но параюристы работали отлично и знали свое дело. Очевидно, перед атакой они тщательно изучили план здания. Каждый квадратный дюйм находился под прицелом солдата корпорации «Маичи». Они пристегнулись к навесным конструкциям заводского корпуса и вели слаженный огонь. Буквально через несколько минут многие из них спустились и принялись загонять тех бандитов, кто еще был в состоянии держаться на ногах, в предназначенные для задержанных отсеки танков.

Тем временем паразиты с ужасающей жадностью высасывали жизненные силы из раненых. Насытившись энергией, твари испускали золотистый свет. Такое зрелище невозможно было вынести. В глубине души Мону одолевало детское желание забраться под балки и заснуть. Как хорошо было бы спать и видеть сны, наполненные миром и весельем. «Если мне удастся выбраться отсюда, — думала она, — брошу все и навсегда. Может, уеду в Южную Америку и буду зарабатывать на жизнь, ны-

ря за ракушками. Если, конечно, — напомнила она себе, — на планете осталась хоть унция морской воды, от которой не слезает кожа».

— Не понимаю, как мы сможем отсюда выбраться, — тяжело дыша, прошептал Повторюшка.

Мона увидела, как уносят Мигеля. Она с трудом узнала его искаженное лицо под слоем целлофана. К его груди присосался паразит.

— Я тоже. Стефан что-нибудь придумает. Он не оставит нас в беде. Может быть, Космо совершит очередное чудо.

Повторюшка поморщился.

— Мне нравится Космо, но он слишком молод. С «гадиной» ему просто повезло, сам он никого не способен спасти.

Мона провела по лбу костяшкой пальца.

— Зря ты так, Повторюшка, этот парень не так прост, как кажется. У него есть не только храбрость, но и мозги. Космо поможет нам выбраться отсюда.

Космо спускался вслед за Стефаном по металлической лестнице, окруженной трубчатой решеткой. Стефан услышал, как звенят ступени от его шагов, и обернулся.

— Кажется, я сказал тебе вернуться к чуш-камобилю, — прошептал он. В сорока футах ниже по лестнице маячили два параюриста. Ребят они пока не замечали.

МИЛАШКИ И БУЛЬДОГИ

— Мона и Повторюшка попали в капкан, — просто ответил Космо. — Я должен им помочь. Если никто не убегает, почему должен убегать я?

Стефан поднял щиток антиполицейской маски. На лице его отражалось огромное облегчение: он явно был рад тому, что Космо решил пойти с ним.

— Отлично, ты — настоящий супернатуралист. Такой же упрямый, как все мы. Я должен подобраться к танку, который перекрывает угол на северо-востоке. Ты можешь меня прикрыть.

— Прикрыть?

— Мы спустимся еще на этаж и позаимствуем у парней из «Маичи» оружие. Потом я побегу к танку, а ты вырубíš всех, кто попытается мне помешать.

Космо проглотил комок в горле. Настоящая война.

— А ты как?

Стефан опустил щиток на лицо.

— Скорее всего, меня схватят, но тебе удастся выбраться отсюда тем же путем, каким мы сюда попали. Нужно отвлечь их внимание. Это единственный способ спасти Мону и Повторюшку.

Космо вдруг ощутил непонятно откуда взявшийся прилив сил.

— Договорились. Сделаю все, что смогу. Пошли.

Сквозь красные линзы маски ничего было толком не разглядеть, но ему показалось, что Стефан подмигнул ему.

— Отлично. Кстати, я не расстроюсь, если ты уберешь несколько паразитов.

Сердце Космо давно уже колотилось где-то в районе горла и мешало дышать. Он еще раз судорожно сглотнул и последовал за Стефаном. Вот только лидер супернатуралистов бесшумно порхал над ступенями, а шаги Космо разносились колокольным звоном по всему цеху.

Чуть ниже их двое параюристов с явным удовольствием осыпáли целлофановыми зарядами один из углов цеха. Их плечи ритмично вздрагивали в такт выстрелам.

— Легче, чем отнять конфетку у ребенка, — сказал один из них.

— Плевое дело, — согласился второй.

Последние несколько футов Стефан преодолел одним прыжком и приземлился за спинами параюристов. Не тратя драгоценного времени на мудрое изречение, которое полагалось бы изречь в подобной ситуации киногерою, он столкнул их головами, и оба якобы опытных бойца осели на площадку, даже не охнув.

— Адвокаты, — презрительно пробормотал Стефан, снимая с бесчувственных тел винтовки. — Честно говоря, по мне так лучше бы они дрались портфелями. — Он перевернул одно-

го из параюристов на спину, избавил его от верхолазного снаряжения, набросил лямки обвязки себе на плечи и до предела вытянул трос.

— Попытаюсь спуститься побыстрее. Надеюсь, когда до них дойдет, что я не из «Маичи», будет уже поздно.

Космо побежал вниз по лестнице. От страха ему чудилось, что желудок остался где-то этажом выше. Стефан сунул ему в руки увесистый «громобой».

— Установлен на стрельбу целлофаном. Наводи чуть выше цели — пули тяжелые, скорость у них небольшая, поэтому летят они по пологой траектории. Двух футов над головой будет вполне достаточно. В этом «громобое» осталось патронов двадцать, в другом — не меньше тридцати.

Космо внимательно рассматривал хитросплетение клапанов, трубок и кнопок.

— Я не знаю, как этим пользоваться.

Стефан мгновенно развернул «громобой», прижав приклад к плечу Космо.

— Это как с компьютерами. Тебе не нужно знать, как он работает, или даже использовать все его функции. Тебе необходим только прицел, ствол и курок. — Он достал из приклада миниатюрный оптический прибор и прикрепил его на присоске над правым глазом Космо. —

Прицел сообщит тебе расстояние до цели, направление и силу ветра, количество оставшихся зарядов. Лежи в проходе и упаковывай любого, кто бросит недобрый взгляд в мою сторону.

Космо послушно лег.

— А что, если...

— На «если» нет времени, — перебил его Стефан, закрепляя альпинистский крюк на балке. — Сделай все, что в твоих силах. Помни, Мона и Повторюшка рассчитывают на нас.

«Что ж, я ведь сам вызвался», — мрачно подумал Космо.

Стефан перепрыгнул через защитное ограждение и начал спускаться. До земли ему оставалось футов сто. Космо навел на него ствол «громобоя» и следил за спуском при помощи электронно-оптического прицела на правом глазу. Стефан спускался навстречу безумию потасовки. Штурмовые танки грохотали по полу, упаковывая из пушек пытавшихся сбежать Милашек и Бульдогов. Паразиты высасывали жизненные силы из раненых, а уже упакованные бандиты корчились в целлофановых коконах как души грешников на адских сковородах.

Стефан летел почти в свободном падении, но ему не хватило длины троса. Когда до пола оставалось метров двадцать, катушка лопнула под весом супернатуралиста, и юноша полетел к земле. К счастью, его падение смягчила очень

кстати подвернувшаяся группа параюристов. Те еще продолжали стонать, а Стефан уже сбросил с себя обвязку и побежал прочь.

Один из параюристов кое-как поднялся на ноги и, пошатываясь, бросился в погоню. Космо переместил ствол и почувствовал, как послушно сдвинулся закрепленный на брови прицел. Мальчик навел перекрестие на голову параюриста, потом, вспомнив совет Стефана, поднял ствол на пару футов.

— Эй, ты! — крикнул адвокат, и Космо выстрелил.

Заряд вылетел из ствола и попал параюристу между лопаток. Целое море липкой жидкости вырвалось из крошечной пули, приклеив бойца к полу.

Стефан и не думал останавливаться. На бегу он поливал огнем пирующих паразитов. Синие сферы взлетали как воздушные шары на празднике. Он бежал прямо к штурмовому танку. Но зачем? Что он задумал?

Но на вопросы у Космо времени не было, на ответы — тем более. Еще двое параюристов заметили Стефана и, сбросив с плеч лямки парашютов, навели на него оружие.

Космо прицелился и выстрелил. Слишком низко. Заряды залили липкой жидкостью пол. Два фута над головой. Сосредоточься. Сосредоточься.

Он выстрелил еще раз. Два выстрела один за другим. «Громобой» дернулся в его руках, и параюристы оказались спеленатыми липкой пленкой.

Еще один слева и чуть ниже. Параюрист выстрелил, целлофановая пуля попала Стефану прямо между лопаток и подтолкнула на несколько шагов. Космо затаил дыхание. Стефана спас накопленный боевой опыт — юноша быстро сбросил с себя пальто. Через несколько секунд кожаное пальто превратилось в окутанный пленкой шар размером с футбольный мяч.

«Повезло, — подумал Космо. — Надо же, как ему повезло». Он выпустил пять целлофановых пуль. Три попали в цель.

Стефану до танка оставалось всего ярдов двадцать. Этажом выше толпились солдаты. Последнее препятствие, не считая, конечно, самого танка. Стефан выпустил несколько шок-рядов по параюристах. Большинство бойцов было полностью защищено от подобной атаки, но некоторые сняли перчатки и держались за поручни. Они упали в клубах дыма. Космо позаботился об остальных, несколько раз выстрелив из трофейного оружия.

Красный символ появился на экране прицела. Кончились патроны. Космо отбросил «громобой» и подтянул к себе за ремень другой. Он быстро заменил прицел-наглазник и навел его на Стефана.

Очень трудно было не замечать царивший вокруг хаос. Толпы паразитов, отчаянно сражающиеся бандиты, гоночные машины, нарезающие по цеху круги в безуспешных поисках лазейки. Огромные пятна целлофана на полу и стенах.

«Сосредоточься, — приказал себе Космо. — Решай проблемы по очереди».

Наводчик танка заметил супернатуралиста и повернул в его сторону башню. Стефан попытался петлять, но ствол орудия без труда отслеживал все его перемещения. Стефан, казалось, решил сдаться — замер, подняв руки вверх. Космо увидел через прицел указательный палец его правой руки. Он показывал на пушку танка. Приказ. Стреляй прямо в ствол. Один шанс из миллиона, даже с таким прицелом.

Космо встал, чтобы улучшить угол стрельбы, и положил «громобой» на поручень. Два фута над жерлом пушки. Он не мог медлить и выпустил все заряды. По крайней мере один из них попал в цель и ворвался сквозь ствол в танк. Должно быть, стрелок в танке нажал на гашетку мгновением раньше, шок-снаряд двинулся по стволу пушки и застрял в вязкой массе. Заряд «шокера» распространился по самому танку. Все члены экипажа, кто в этот миг касался пульта управления, потеряли сознание по меньшей мере на минуту.

Стефан снова побежал. Он высоко подпрыгнул, схватился за ствол пушки и, перебирая руками, стал двигаться к башне. Под главным орудием из башни торчал еще один ствол, короткий с регулируемым соплом. Водяная пушка для подавления демонстраций. Конечно! Вода!

Стефан раскачивался на стволе и колотил каблуком по запорному крану. За этим краном находились двадцать тысяч литров воды под давлением, и им не терпелось вырваться на свободу. Кран скрипел, дрожал, но в конце концов сдался, и мощная струя воды вырвалась из ствола. Вода быстро растеклась по полу цеха. Бандиты вместе с машинами были сметены волной, но, самое главное, паразиты быстро оставили своих жертв и перебрались по стенам на верхние этажи. Попавшие под струю шипели и плевались искрами, прежде чем, пошатываясь, присоединиться к остальным.

Космо навел прицел на укрытие Моны. Он увидел, как девушка высунулась из-под дорожки. Затем, воспользовавшись вызванным Стефаном замешательством, она схватила Повторюшку под мышку и побежала к вентиляционной шахте. Из солдат «Маичи» ее никто не заметил. Девушка и жертва Бартоли скрылись в темноте. Космо ничем не мог им помочь, по крайней мере сейчас.

Тем временем Стефан разжал руки и упал на пол. Он был не вооружен и беззащитен.

Его выходки привлекли внимание нескольких параюристов, которые окружили его, как голодные шакалы, и взяли на мушку.

Стефан поднял вверх руки с растопыренными пальцами, но после всего, что он натворил, параюристы явно не хотели брать его в плен невредимым. Они выпустили в него не меньше дюжины пуль. Супернатуралиста окутала радужная пленка, он упал, тщетно пытаясь разорвать пальцами удушающий кокон. Сидевшие на стене паразиты почувствовали его мучения и нерешительно двинулись в его сторону. Но на полу было слишком много воды.

Космо замолотил кулаками по поручню. Он ничего не мог сделать, оставалось только смотреть.

— Ты неплохо стрелял, приятель, — раздался голос за его спиной.

Космо обернулся. Параюрист «Маичи» стоял на площадке, и его «громобой» был наведен на грудь Космо. На куртке мальчика дрожало красное перекрестие. С такого расстояния не было необходимости целиться выше.

— Ты хоть представляешь, сколько динаров понадобится на ремонт танка?

Космо покачал головой. Он не произнес ни слова, потому что сделал глубокий вдох, набрав в легкие как можно больше воздуха. Будет легче дышать, когда упакуют.

ГЛАВА 5

Его хитрость была замечена адвокатом.

— Эй, дружище, не волнуйся, я не собираюсь тебя упаковывать. Ты ведь не будешь сопротивляться?

— Нет, — настороженно ответил Космо.

— Отлично, — сказал параюрист, нажимая на курок.

Целлофановый заряд со свистом пролетел по воздуху и попал Космо прямо в грудь. Буквально через несколько секунд мальчик оказался внутри кокона, который сжимал тело так, что скрипели кости.

Сквозь серебристую целлофановую пленку Космо увидел склонившегося над ним параюриста.

— Ой, — услышал он приглушенный пленкой насмешливый голос. — Извини, палец дрогнул.

ГЛАВА 6

— ❖ —

«НУ-ВИД, 4»

Башня «Маичи»

Космо не помнил, как оказался в штаб-квартире корпорации на Путеводном проспекте. Целлофановые заряды содержат легкий транквилизатор, чтобы человек, оказавшийся в коконе, не сломал себе ребра, от волнения пытаясь набрать в легкие побольше воздуха.

Космо вытащили из кузова грузовика и бросили в огромную пластигласовую ванну, наполненную вязким растворителем. Космо уже приходилось бывать в таких ваннах в институте. После этой процедуры его всегда по несколько часов мучила рвота. Чтобы нос и рот «упакованного» не погрузились в едкий раствор, его затылок удерживался на нужной высоте присоской, сильно напоминающей вантуз. Если бы присоска открепилась от его головы, прежде чем растворитель закончит свою работу, на ее месте остался бы ожог и Космо до кон-

ца дней своих щеголял бы аккуратной круглой лысиной. Впрочем, что об этом сейчас волноваться? Он все равно ничего не мог сделать, даже если бы поборол действие транквилизатора и собрался с силами. Оставалось только плавать в растворе и стараться дышать размеренно и неглубоко, чтобы не заработать переломы ребер.

В некотором смысле он даже был рад этому вынужденному бездействию. Никаких безумных операций, никаких смертельных полуночных трюков, никаких сверхъестественных тварей, тарасившихся круглыми глазами.

Впрочем, один из паразитов присосался к наружной стенке ванны и смотрел на него сквозь плексиглас. Но Космо знал, что бояться нечего. Ни одна из тварей не осмелится сунуться в густую жидкость.

В иной ситуации он вряд ли чувствовал бы себя настолько спокойно в присутствии паразита. Искрящиеся подушечки четырехпалых лап плотно прижимались к плексигласу. Сквозь желтизну растворителя на мальчика смотрели огромные черные глаза. «Тебе от меня не уйти» — читалось в этих глазах.

Космо и паразит несколько минут пожирали друг друга полными ненависти взглядами, после чего тварь неохотно покинула прозрачную стенку. Очевидно, почуяла где-то побли-

зости более доступный источник жизненных сил.

Космо погрузился в странное состояние, похожее на транс. События последних дней плясали в голове как пузыри воска в глицериновой лампе. Кто он теперь? Беглый сирота Космо Хилл? Или один из команды супернатуралистов? Кстати, а кем был Космо Хилл? Лишенным индивидуальности продуктом института Клариссы Фрейн? Ему было четырнадцать лет, а он ни разу не целовал девушку.

Мона Васкез. Что в ней такого, что при мысли о ней так щемит сердце? Однажды на сиротах испытывали новую вакцину, и Космо заразили штаммом легкой формы малярии. Мона заставляла его чувствовать примерно то же самое, что и тот вирус. Сознать это было горько. Ведь у него не было и тени надежды на взаимность. Какая девушка в здравом уме обратит внимание на Космо, даже если он будет стоять на испеченном к дню рождения торте с неоновым сердцем в руках?

Тем не менее образ Моны вырисовывался в его воображении все отчетливей, пока не вытеснил все остальные. Ее улыбка, ее черные вьющиеся волосы, падающие на плечи. Ее темные глаза, похожие на две шоколадные конфетки. Ему чудилось, что она парит в воздухе перед

ним и протягивает руку, чтобы погладить его по щеке.

Транквилизатор заставил Космо расслабиться настолько, что мальчик даже заговорил вслух. Почему бы и нет? Все равно это лишь галлюцинации.

— Мона, — прошептал он и вдруг почувствовал, что его лицо уже не покрыто целлофановой пленкой. — Ты мне очень нравишься. Правда.

— Правда? — спросил бородатый мужчина, снимавший с головы Космо присоску. — Ты мне тоже нравишься, милый.

Бородач, посмеиваясь, обмыл Космо из шланга. Потом его, дрожащего от холода, затолкали в обитую войлоком палату. Воспитатель послал ему воздушный поцелуй через плечо.

— Прощай, мой принц, до новой встречи.

Космо был слишком занят, чтобы ответить: блевал в алюминиевое корыто. Впрочем, он не собирался ничего отвечать, даже если бы мог. В институте Клариссы Фрейн он научился держать рот на замке. Все сироты научились этому, за исключением, пожалуй, Зиплока.

Немного придя в себя, Космо вытер лицо бумажным полотенцем, перетащил стальную койку так, чтобы она стояла прямо под током теплого воздуха, и лег.

Полученные в сиротском приюте навыки возвращались, словно он и дня не провел на свободе. В конце концов, что такое несколько дней по сравнению с четырнадцатью годами? Меньше одного процента. Гораздо меньше. Однако он чувствовал, что пережил за последние дни больше, чем за все предшествовавшие им годы.

Всем сиротам, которым «посчастливилось» попасть в институт Клариссы Фрейн, были известны методы выживания в одиночной камере. Первое правило гласит: спи как можно больше. Это отвлекает от мыслей о еде и о твоей печальной участи. Опытный сирота мог спать до шестнадцати часов в день. Второе правило: не думай о свободе. От таких мыслей время тянется нестерпимо долго. И, наконец, постарайся ни о чем не мечтать, особенно о родителях. А то и свихнуться недолго.

Космо лежал на спине и смотрел в потолок. Сон не приходил. Слишком много мыслей крутилось в голове. Супернатуралисты, паразиты, Милашки, Бульдоги, ребенок Бартоли и, конечно, Мона.

«Хорошо еще, — думал Космо, — что я признался в своих чувствах только этому бородачу. Мона, скорее всего, рассмеялась бы мне в лицо. Впрочем, вряд ли я увижу ее снова». Космо не сомневался в том, что после провер-

ки ДНК и выяснения личности его прямым ходом отправят по трубе в институт Клариссы Фрейн, к любимому воспитателю Редвуду.

Через некоторое время вернулся купавший его в ванне бородач. Он по-прежнему широко улыбался. Этот человек явно любил свою работу.

— Итак, мой милый, — сказал он, почесывая щетину между двумя подбородками. — Поднимайся, кое-кто хочет с тобой поговорить.

— Кто? — спросил Космо, опуская ноги в промокших насквозь ботинках на пол.

Бородач поднял подбородок Космо дубинкой.

— Что ты сказал? Осмелился задать мне вопрос?

— Нет, — торопливо ответил Космо. — То есть, конечно, нет, сэр.

— Так-то лучше, — сказал тюремщик, поворачиваясь к нему спиной. — Топай за мной и ни шагу за желтые линии, иначе один из воспитателей точно тебя «упакует».

Бородач повел его по длинному коридору к лифтам. По полу действительно были проведены две сплошные желтые линии, пол между ними был покрыт потертым линолеумом.

Космо остановился перед первым лифтом.

— Нет, мой милый, — сказал бородач. — Ты отправляешься в обсерваторию. — Последнее слово он произнес чрезвычайно почтительно, словно говорил о чем-то очень важном.

Космо последовал за ним к последнему лифту на площадке, у дверей которого не было кнопки вызова, только экран видеосвязи в золотистой рамке.

Бородач остановился перед экраном и пригладил волосы потной ладонью.

— У меня тут парень, который вывел из строя танк.

Ответа не последовало, но дверь бесшумно открылась.

— Входи, мой милый, — сказал надсмотрщик, вталкивая Космо в лифт.

— Я уже скучаю по тебе, — сказал Космо, когда двери лифта начали закрываться. Он ничем не рисковал. Вряд ли он еще раз встретится с этим человеком.

Лифт поднимался так быстро, что создавалось впечатление, будто он не трогался с места. Космо понял, что едет вверх, только тогда, когда одна из стен исчезла, открыв кристально прозрачное стекло. Шахта шла по наружной стене здания, и лифт летел по ней как выпущенный из пушки снаряд. За стеклом проносились смазанные скоростью огни города. Ско-

ро крыши окрестных домов остались далеко внизу, но золотистая кабина продолжала стремительный подъем к небесам. Космо казалось, что, если кабина резко остановится, он пробьет головой ее потолок и улетит по инерции к самому центру Вселенной.

Времени обдумать побег не было, впрочем, бежать все равно было некуда. С таким же успехом можно было размышлять о бегстве во время полета на парашюте. Только Космо успел об этом подумать, лифт замедлил свой бег и остановился где-то на границе атмосферы. Мальчику показалось, что он может протянуть руку и коснуться спутника «Маичи».

Дверь открылась, и очень большая рука схватила Космо за горло. Его выволокли из кабины лифта, и он очутился в богато обставленной комнате. Никогда еще ему не доводилось видеть такой роскоши. Одну из стен украшали головы животных, убивать которых уже давно было запрещено: слонов, медведей и горилл. Здесь же красовались чучела птиц — кажется, их были сотни. В ванне, наполненной синим консервантом, плескалось даже механизированное чучело дельфина, а ведь дельфины давно вымерли. Вдоль стен стояли низкие диваны с шикарными покрывалами. Взгляд привлекали дорогие произведения искусства, среди которых

особенно бросалась в глаза голограмма в подвешенном прозрачном кубе.

— Добро пожаловать в корпорацию «Маичи», — услышал он женский голос.

Космо обернулся и увидел в другом конце огромной комнаты стройную женщину. Она сидела на обитом шкурами диване и водила пальцем по кромке высокого хрустального бокала. В радиусе шести футов от нее маячили не меньше шести телохранителей. Космо почти что кожей чувствовал их взгляды, хотя все телохранители носили черные солнцезащитные очки. Солнцезащитные очки ночью, вот нелепость. Глупее не придумаешь.

Один из телохранителей настроил крошечную шкалу на дужке очков.

— Он чист, — сказал он голосом, которым можно было бы шлифовать дерево. — Оружия нет.

Значит, это были не совсем обычные очки.

Женщина встала. Она была высокой и стройной. Причем она явно добилась этого без хирургического вмешательства. Ее фигура навела на мысль, что эта мадам легко переиграет в жиме лежа пару своих телохранителей. Загорелое лицо с волевыми чертами. Загар, скорее всего, искусственный, ведь никто в здравом уме не станет загорать под солнцем. Светлые волосы она носила коротко остриженными, на вис-

ках можно было заметить седину. Одета женщина была в свободный, похожий на пижаму льняной костюм и сандалии без каблуков, один палец ноги украшало золотое кольцо.

— Итак, это ты вывел из строя наш штурмовой танк, — сказала она музыкальным, завораживающим, почти гипнотизирующим голосом. — А ты знаешь, сколько стоит такой танк?

Космо молча покачал головой.

— Баснословно дорого. Впрочем, не беспокойся об этом, он был застрахован. Все дело в том, что в пушке танка предусмотрено уплотнение, предотвращающее возникновение подобных ситуаций. Оно открывается на сотую долю секунды перед каждым выстрелом. Тебе удалось попасть целлофановой пулей в ствол именно в такой момент. Впечатляет, если ты поступил так умышленно. Мы проверили твою ДНК, сирота Космо Хилл. Ты числишься мертвым.

Космо решил, что настал подходящий момент сменить тему разговора.

— Вы — мисс Маичи?

Женщина рассмеялась так заразительно, что Космо едва не рассмеялся вместе с ней.

— Мисс Маичи? Конечно нет! Уже почти сто лет у руля корпорации не стоял никто из рода Маичи. Мы сохранили название ради общественного признания. Дзайбацу Маичи не была приспособлена к выживанию в современ-

ном деловом мире. Ей мешали восточные моральные принципы. Меня зовут...

Именно в этот момент открылась дверь лифта, и появился Стефан. Его лоб был, как всегда, нахмурен — но только пока вожак супернаaturalистов не увидел светловолосую женщину.

— Профессор Фаустино? — неуверенно произнес юноша. — Что вы здесь делаете? Вас тоже схватили?

Стефана держали двое охранников, но он небрежно вывернулся из их хватки и уверенно прошел по комнате. Фаустино одним взмахом руки приказала охранникам вернуться в лифт. Стефан заметил ее жест.

— Профессор Фаустино, вы работаете здесь? На «Маичи»?

— Теперь я — президент Фаустино, Стефан.

Стефан явно был в замешательстве. Наверное, не мог понять, считать эту женщину старым другом или новым врагом.

— Президент? Я не мог даже представить, что вы будете работать на корпорации, особенно «Маичи».

— Бороться изнутри, Стефан. Атаковать с тыла.

— Да, вы определенно находитесь внутри.

Фаустино положила ладони на плечи Стефана.

— Так-так, маленький Стефан Башкир. Ты повзрослел.

Космо не верил своим глазам. Маленький Стефан Башкир? Кем приходилась Стефану эта женщина? Стефан явно места себе не находил от смущения. Неужели он покраснел?

— Прошло больше двух лет, с тех пор как я покинул приют для сирот и вдов. Когда мы виделись в последний раз, вы работали в городской полиции. А теперь вы перешли на другую сторону.

Эллен Фаустино взяла с кофейного столика очень тонкий пульт дистанционного управления.

— Не стоит верить всему, что ты слышал о «Маичи», Стефан. Мы приносим больше пользы, чем вреда. — Она нажала изящным пальцем на кнопку, и потолок комнаты раздвинулся, открыв звездное небо и, конечно, спутник. — Спутник, который спас...

— Мир, — закончил за нее фразу Стефан. — Мы видели все это по телевидению. Показывают каждые двадцать секунд, не реже.

Фаустино улыбнулась.

— Такого ты еще не видел. Иди сюда, Стефан. Ты тоже, мистер Хилл. Садитесь, зрелище просто бесподобное.

Космо прошел по толстому ковру мимо свирепых охранников. Им явно не удалось никого

избить сегодня, и они только ждали удобного случая. Космо сел между Стефаном и Фаустино на низкий диван. Аромат ее духов окутал его, ему показалось, что он чувствовал его раньше, но не мог вспомнить, когда именно.

— Тебе удобно? — спросила Фаустино.

Космо неуверенно кивнул. Ему впервые задали такой вопрос. Воспитатели в институте Клариссы Фрейн не слишком заботились об удобстве сирот. Напротив, воспитатели как раз и являлись причиной многих неудобств.

Фаустино нажала еще на одну кнопку на пульте, диван наклонился назад, и из подголовников появились динамики. Теперь они смотрели прямо на спутник сквозь прозрачный потолок. Потолок вдруг изогнулся, и изображение увеличилось в тысячи раз. Казалось, что спутник вот-вот упадет на дом.

Космо непроизвольно вздрогнул.

— Успокойся, мой мальчик, — сказала Элен, положив тонкие пальцы на его запястье. — Обсерватория часто пугает новичков.

Видимость была изумительной. Космо смог рассмотреть отдельные солнечные батареи на крыльях спутника. Он видел вспышки топлива в стабилизационных двигателях и операторов, парящих над вогнутой поверхностью огромной «тарелки». От такого зрелища можно было сойти с ума.

На Стефана, впрочем, увиденное не произвело ни малейшего впечатления.

— Что мы здесь делаем, профессор Фаустино? К чему все это?

— Стефан, наберись терпения. Тебе всегда его не хватало. Иногда всю историю не рассказать на одном дыхании.

Фаустино нажала в определенной последовательности на кнопки пульта, и на гигантской линзе появилось несколько экранов. На экранах демонстрировались репортажи, первый из которых относился к началу столетия. Сцены раздираемой войной Европы и Ближнего Востока, голод в Африке, землетрясения в Южной Америке. Превосходный звук из динамиков дополнял изображение.

Фаустино комментировала репортажи.

— Еще несколько лет назад миру грозило самоуничтожение. На планете просто не хватало места для всех людей. Спутник «Маичи» в некотором смысле помог решению данной проблемы.

Стефан сложил руки на груди и громко щелкнул каблуками, что на международном языке жестов означало: «Не морочьте мне голову».

— Я знаю, как ты относишься к «Маичи», Стефан, — сказала Фаустино, — просто дай мне возможность все объяснить, и, надеюсь, ты поймешь, что мы боремся с одним и тем же врагом.

— Сомневаюсь, — пробормотал Стефан.

— Проблема состояла в том, что странами управляли не как коммерческими предприятиями. Решения принимали на основании религиозных убеждений или оправдывали их событиями, произошедшими в прошлом. Такой подход был в корне порочен. Государства распадались из-за фанатизма и многовековых распрей. Тогда за дело взялась корпорация «Маичи», и, как мне кажется, она вполне справляется со своей задачей.

— Как вы можете так говорить? — перебил ее Стефан. — Во многих районах города царит хаос, люди умирают от голода.

— Стефан, я не утверждаю, что все идеально. Многие проблемы остались нерешенными. Но создана новая система. Управляемые спутниками города могут решить проблему перенаселения. Будущее — в использовании космоса, Стефан, и с этим не поспоришь. В каждом доме находится в среднем около десяти управляемых компьютерами устройств. Ты представляешь, какой объем электронной памяти им необходим? Для города такого размера, как этот, потребовалось бы не меньше десяти кварталов памяти, и это только для контроля над бытовыми устройствами. Не следует забывать также об административном управлении, развлечениях, путешествиях, связи. Мы храним все данные

в памяти находящегося на геостационарной орбите спутника, в режиме постоянного обновления и автоматического устранения сбоев.

Космо первым понял, к чему она клонит.

— Раньше сбои и вправду благополучно устранялись, — сказал он. — Но последнее время спутник стало глючить, причем серьезно.

Фаустино отключила репортажи.

— Правильно. Ситуация ухудшается с каждым днем. Как вы видели, наши операторы работают круглые сутки. С некоторыми проблемами мы справляемся, но информация о неполадках стала достоянием общественности. Котировки акций корпорации «Маичи» резко упали.

— Больных и бездомных людей мало интересуют цены акций, — заметил Стефан.

Губы Эллен раздраженно скривились, но буквально на мгновение.

— Стефан, эта проблема не осталась без внимания. У нас в разработке много долгосрочных проектов. В их числе создание приютов, систем занятости, клиник реабилитации. Я прилагаю максимум усилий, чтобы выбить из штаб-квартиры «Маичи Интернейшнл» в Берлине необходимые для осуществления проектов средства. На самом деле центральный офис пообещал выделить городу субсидию в сорок миллиардов динаров для устранения последней проблемы.

— Какой проблемы? — нарочито небрежным тоном спросил Стефан.

— О, я думаю, мы оба это знаем. — Эллен Фаустино встала с дивана и разгладила льняной костюм.

Стефан тут же вскочил и посмотрел прямо в глаза Эллен.

— Я спросил, о какой проблеме идет речь, профессор Фаустино.

В глазах женщины не было ни капли страха.

— Не смей разговаривать со мной таким тоном, Стефан. Твоя мать бы этого не одобрила. Мне нужно получить ответы, поэтому ты и твой мятежный помощник сейчас сидите здесь, а не в камере для допросов.

Эллен Фаустино включила очередную запись на экранах.

— Смотри, Стефан. Сейчас увидишь кое-что знакомое.

Стефан откинулся на спинку дивана. Над головой он увидел знакомую сцену, правда, в цифровом варианте. Супернатуралисты расстреливали паразитов на крыше здания «Стромберг», и изображение было исключительно четким.

Стефан подмигнул Космо.

— Это ничего не доказывает. На нарушителях антиполицейские маски, поэтому узнать их

невозможно. Кроме того, они никому не причиняют вреда.

Эллен окинула взглядом комнату.

— Стефан, мы не в зале суда. Я не вижу адвокатов. Если бы я хотела тебя в чем-нибудь обвинить, то сделала бы это еще два года назад.

Стефан не смог скрыть своего удивления.

— Что вы сказали?

— Ты правильно меня расслышал, юноша. Уже несколько лет я наблюдаю за тобой, используя все электронные средства, находящиеся в моем распоряжении. Отдельный телескоп, установленный на спутнике, следит за тем, что ты делаешь ночью. Тебе нравится носиться по крышам. Можешь мне поверить, я отсняла много метров пленки, на которой зафиксировано твое улыбающееся лицо, причем не закрытое маской. Я уже не говорю о лицах Моны Васкез и Люсьена Бонна, известного как Повторюшка. У меня столько доказательств, что я могу похоронить вашу маленькую группу диверсантов глубже, чем залегает руда.

Стефан сжал кулаки так сильно, что хрустнули костяшки пальцев.

— Что происходит?

— Ты не хочешь узнать, почему я вас не арестовала?

— Не арестовали до сегодняшнего вечера, — поправил ее Стефан.

Фаустино взмахнула руками.

— Сегодня произошла ошибка. Вы оказались втянутыми в операцию другого отдела. Вы даже не представляете, как трудно мне было перевести вас двоих под свою юрисдикцию... Кстати, я уже несколько недель пытаюсь выйти на вашу организацию.

— Кажется, вы сказали, что являетесь президентом. Вы легко могли нас найти при помощи вашего всевидящего спутника.

— Я — всего лишь президент отдела экспериментальных проектов. Всем заправляет мэр Рэй Шайн. Он даже не представляет, что мы работаем вместе.

Стефан явно был поражен.

— Мы работаем вместе?

— Конечно, вы даже не знали об этом. По нашему мнению, вы весьма активно участвуете в программе очистки города от вредоносных элементов.

«Ага, — подумал Космо. — Вот почему нас пока не подвергли пыткам»

— Очистки города? — невинным тоном произнес Стефан.

Фаустино улыбнулась.

— Перестань, Стефан. Не играй со мной. Я их тоже вижу.

— Кого или что?

Элли Фаустино подошла к своему письменному столу и включила установленный на полу трехмерный проектор. Потом она переместила трехмерное, выполненное с высоким разрешением изображение супернатуралистов с потолка на центр комнаты. Снятые сверху супернатуралисты были похожи на героев компьютерной игры. Паразит полз по стене здания. Фаустино остановила пленку и увеличила изображение, пока на экране не остался только паразит.

— Я вижу их, Стефан. Вижу этих «НУ-ВИД 4», пожирателей жизни.

Стефан был потрясен до глубины души. Причем уже в третий раз за последние несколько минут.

— Вы видите их? Как вы их назвали?

Фаустино увеличила изображение паразита.

— «НУ-ВИД 4». Неустановленный вид 4. Три первых являются глубоководными животными. Мы уверены, что они существуют, просто нам пока не удалось их поймать. Вид животного не может быть установлен, если его не удалось поймать и исследовать. Конечно, не каждый способен их увидеть. Для обычного человека экран сейчас пуст, но для избранных, включая вашу группу, истина очевидна.

Фаустино повернулась к телохранителям.

— Выметайтесь. Все.

Командир сделал шаг вперед.

— Президент Фаустино, это противоречит всем инструкциям.

Эллен ничего не сказала, просто пристально посмотрела в очки охранника. Горилле весом больше двухсот фунтов потребовалось не больше пяти секунд, чтобы отступить перед хрупкой женщиной.

— Хорошо, госпожа президент. Мы будем в лифте.

Эллен села на стол и не произнесла ни слова, пока дверь лифта не закрылась.

— Когда, прежде чем стать преподавателем, я работала в полиции, районом моего патрулирования была Бушка. Тогда там сохранялось некоторое подобие порядка. Однажды, когда я пыталась предотвратить домашнюю ссору, мне воткнули нож под ребра. Я чуть не умерла, душа покинула тело, я увидела пресловутый темный тоннель и далекий свет. Фельдшеры «скорой помощи» вернули мне жизнь. Но той ночью я кое-что увидела. И с тех пор вижу постоянно...

Космо резко выпрямился.

— Вы. — наводчик, как и я.

Стефан резко выдохнул через нос.

— Космо, может быть, подпишешь признание?

— Я никому не говорила об этом, — продолжила Эллен. — Эти видения убеждали меня в

том, что я сошла с ума. Но потом я слышала о других людях, говоривших о синих тварях. Например, о тебе, Стефан. Ты стал видеть их после того несчастного случая. В полицейской академии над тобой смеялись. Все говорили, что тебя нужно отправить в восьмой отдел. В качестве частного учителя и друга семьи я пыталась помочь тебе быстрее избавиться от последствий травмы. Я надеялась, что ты расскажешь мне обо всем.

Стефан потрясенно уставился на нее.

— Все эти сеансы терапии... Все эти вопросы о посттравматическом стрессе и галлюцинациях...

Эллен глубоко вздохнула.

— Но ты ничего не рассказал мне. Очевидно, подумал, что никто не захочет тебя выслушать.

— Мы провели в академии столько времени, и нас мучило одно и то же. Почему вы сами ничего не сказали мне?

— Я боялась, что всем станет известно и моя карьера закончится. Наверное, стоило бы все же поделиться с тобой. — Она опустила взгляд. — Извини, я не верила тебе. После того как ты оставил академию и организовал свою маленькую группу мятежников, я написала вторую докторскую диссертацию и устроилась на работу в отдел исследований и разработок корпорации «Маичи». В частности, я занималась

осуществлением низкобюджетных проектов, касающихся незначительных выбросов мощности на антенну спутника с поверхности планеты. Ничего серьезного. Выбросы были действительно незначительными, не способными вызвать помехи. Буквально за десять минут я поняла, откуда они исходят. Их источник — эти твари «НУ-ВИД 4». Естественно, я никому не сказала о том, что узнала. Мне следовало думать о карьере. В конце концов, проблему объяснили неконтролируемыми выбросами промышленных предприятий. Я продолжила работу, стараясь незаметно улучшить ситуацию. Но потом, всего несколько лет назад, сначала медленно, а потом с угрожающей скоростью выбросы начали становиться все более и более мощными. Они даже стали повреждать пластины антенны. В настоящий момент выбросы идут постоянным потоком. Мы теряем связь со спутником. Люди гибнут. Ситуация стала критической для корпорации.

— Люди умирали на протяжении многих лет, и «Маичи» ничего не делала. Сейчас, когда речь идет о серьезных деньгах, корпорация вдруг заинтересовалась.

Эллен Фаустино впервые заговорила жестко.

— Не будь столь наивным, Стефан. Деньги помогают решению проблем. Когда впервые прервалась связь со спутником, все новые про-

екты были заморожены. В планах моего отдела было создание двух больниц и центра восстановления трудоспособности. О них можно забыть, если, конечно, мы не решим проблемы с «НУ-ВИД 4». — Раздражение в голосе Фаустино исчезло так же быстро, как появилось. — Вы уже несколько лет занимаетесь этими созданиями. Причем уничтожаете их очень эффективно. Нет причин формировать новую команду, по крайней мере, мне так кажется.

Стефан резко выпрямился.

— Что это значит?

— Я имею в виду «громобои». Маломощный шок-разряд отлично справляется с этими созданиями.

— Паразитами, — вмешался в разговор Космо. — Мы называем их паразитами.

Эллен кивнула.

— Паразиты. Очень подходящее название. Вы истребляли паразитов с целеустремленностью, которой не было у сотрудников «Маичи», поэтому я наблюдала за вами и позволяла вам выполнять вашу, вернее *нашу*, работу. Но не так давно, когда мощность выбросов снова резко возросла, я создала исследовательскую группу. По моему мнению, сверхъестественные способности у людей могут вызвать два фактора: клиническая смерть и многолетнее воздействие городского смога. Компьютер просмотрел все

личные дела сотрудников корпорации «Маичи», затем я провела собеседование с каждым оказавшимся в списке работником. Мне удалось найти троих наводчиков, причем самому старшему из них нет и двадцати пяти. Я — единственная, кому больше сорока лет. Мы начали фундаментальное исследование паразитов, особенно той части их существования, которая начинается после того, как вы якобы убиваете их. И мы обнаружили то, что, возможно, вас заинтересует...

Фаустино подошла к двери лифта, чтобы убедиться в том, что она закрыта. Потом она проверила стены и телефоны на наличие подслушивающих устройств. Убедившись в том, что обсерватория не подвергается скрытому наблюдению, Эллен достала из бумажника полупроводниковый видеочип и вставила его в трехмерный проектор.

— Технология следующего поколения, — объяснила она. — Возможность сохранить двести часов видеозаписи в одном чипе. В следующем квартале «Маичи» даст хорошего пинка «Фонетиксу».

В комнате возникло изображение паразита в натуральную величину. Стефан машинально потянулся под куртку за «громобоем».

Фаустино рассмеялась.

— Успокойся, Стефан. Качество изображения поразительное, я знаю. Здесь применялось первое поколение оптики, способной зафиксировать изображение «НУ-ВИД 4». Я собираюсь показать вам материалы, полученные в течение нескольких месяцев наблюдений. Можно было бы добавить, что они являются секретными, но кому вы сможете о них рассказать?

Паразит начал свой бег по стене.

— «НУ-ВИД 4», как нам кажется, состоит из чистой энергии, которая расходуется в процессе его жизнедеятельности. Мы заметили, что яркость свечения паразита уменьшается в зависимости от интенсивности его движения. — Фаустино включила лазерную указку. — Это светящееся пятно является эквивалентом сердца «НУ-ВИД 4». По мере истощения энергии его пульсация замедляется. В конце концов, чтобы продолжать биться, сердце начинает пожирать энергию этой твари.

Трехмерный паразит стал пастельно-голубым. Его кожа стала разваливаться на глазах, потом, очевидно, энергии стало недостаточно для работы сердца, и оно исчезло в голубой вспышке.

— Эта вспышка, — сказал Космо, — именно она беспокоит «Маичи»?

Фаустино покачала головой.

— Если бы. Такие вспышки едва регистрируются нашими приборами. «НУ-ВИД 4» испускает энергию только после того, как насытится ею.

Изображение изменилось. Теперь паразит сидел на груди бесчувственного пожарного. Поток бело-золотистой энергии струился через лапы в тело твари. Паразит стал искриться, потом взлетел вдоль стены. Камера проследила его полет до подоконника, у которого тварь на мгновение остановилась. Поглощенная энергия все быстрее и интенсивнее циркулировала по его органам. Через несколько секунд она вырвалась сквозь кожу твари и устремилась в небо.

— Да, такого я еще не видел, — сказал Стефан.

— Мы считаем, что органы паразитов поглощают жизненные силы и излучают невероятно чистую энергию.

Юношеский разум Космо понял все первым.

— Вы хотите сказать, что все неприятности вызваны этими выбросами энергии, которые исходят от паразитов?

Эллен улыбнулась.

— Именно. Ты удивительно точно сформулировал суть проблемы. Весь процесс похож на поглощение деревьями углекислого газа и выделение кислорода. Природные фильтры. На

следующем чипе записана информация, которая действительно вас интересует. Мы получили ее в прошлом месяце. Именно с этого времени я пыталась вас найти.

Новое изображение появилось на экране проектора. Стефан Башкир с выражением одержимости на лице находился в самом центре конфликта. Со всех сторон приближались машины аварийных служб, а паразиты пировали, высасывая из жертв жизненные соки.

— Я помню, — сказал русский. — Голодный бунт у границ Бушки, рядом с ограждением. Было очень скверно.

На экране Стефан вовсю палил из «громо-боя», сбивая паразитов с насестов. Камера зафиксировала одного из паразитов именно в тот момент, когда он взорвался на десятки искрящихся шаров. Камера спутника проследила за одним из шаров, пока он поднимался в атмосферу.

— Вы понимаете, насколько дорого было получить эту запись? Я вынуждена была купить использование камеры на целый день.

Стефан даже не услышал ее сетования, настолько был поглощен зрелищем поднимающегося шара. Шар поднялся примерно на милю, потом ветер унес его в сторону. Камера увеличивала изображение, пока шар не стал разме-

ром с баскетбольный мяч, парящий между землей и космосом.

— Для того чтобы запечатлеть паразитов, мы покрыли линзы камер специальным химическим составом, — сказала Фаустино. — Моя группа несколько месяцев занималась его разработкой. Руководителям корпорации мы сообщили, что работаем над новым антибликовым покрытием.

Стефан по-прежнему не произносил ни слова и не отрывая глаз смотрел на изображение.

По поверхности шара пробежала рябь, потоки скопившейся внутри энергии извивались в нем, скручиваясь в причудливые узлы.

— Что происходит? — спросил Космо.

Стефан вытянул руки, погрузив их в изображение.

— Нет, — прошептал он.

Клубок энергетических нитей стал уплотняться, принимая сложные очертания. В центре появившегося существа засияла серебристая звезда.

— Этого не может быть. После всего того, что мне пришлось пережить...

Появились два круглых глаза. Затем — синие пальцы, ставшие растягивать поверхность шара.

— Что я наделал?

Поверхность шара разорвалась, и появился новый вполне сформировавшийся паразит, готовый высасывать жизненные силы из попавшего в беду человека. Он расставил лапы и начал планировать к земле.

Лицо Стефана исказилось от ужаса.

— Все это время! Все это время я помогал им. Не уничтожал, а помогал размножаться!

Фаустино выключила проектор.

— Стефан, твоей вины в этом нет. Ты не мог даже догадываться об этом. Ты видел только тварей, которые разрушили твою жизнь. Ты боролся с ними способами, которые применила бы и я. — Она как ребенка усадила Стефана на диван. — Теперь мы должны решить, как бороться с ними дальше.

— Никакой борьбы не будет, — мрачным тоном произнес Стефан. — Они уже одержали победу. Я не имею права продолжать. Я натворил таких бед, что и за десять жизней не исправишь.

— Не обязательно, — сказала Фаустино. — «НУ-ВИД 4» нельзя победить, если не понимаешь, как он устроен. Позволь рассказать тебе о том, что удалось выяснить моей группе за несколько месяцев спутникового наблюдения. «НУ-ВИД 4» — паразитическая форма жизни, питающаяся энергией, предпочтительно жизненными силами человека. В качестве жертв

они выбирают больных или раненых, это позволяет паразитам не обнаруживать себя. Они поглощают жизненные силы человека, пропускают их через телесные фильтры, затем выделяют энергию в чистом виде. Обычно паразиты делятся на две особи через несколько лет, когда накопят достаточно энергии, но благодаря вашим усилиям они стали размножаться с катастрофической скоростью. Это усугубило проблему с выбросами. Заколдованный круг.

Искаженные шрамом губы Стефана растянулись в жалком подобии улыбки.

— Вы забыли упомянуть о том, что их невозможно убить.

Фаустино тоже не смогла сдержать улыбки.

— Я этого не говорила.

Она включила проектор в режиме ускоренной перемотки вперед, чтобы найти очередной файл. Луч высветил другого паразита. Он был бесцветным, почти прозрачным, а его обычно искрящееся сердце испускало тусклое янтарное свечение.

— Этот умирает.

Стефан мгновенно воодушевился.

— Почему? Что стало причиной?

— Мы, — ответила Фаустино. — Неумышленно. Изголодавшийся паразит время от времени начинает питаться электрической энергией. Конечно, как вы понимаете, электричество

не является его любимой пищей, но порой бывает так, что страдающих людей нет по близости. Если же паразиту не удастся присосаться к электропроводке, то он может воспользоваться и некоторыми другими видами энергии, в частности тепловой. Этот экземпляр присосался к тепловыделяющему элементу ядерного реактора на одном из наших заводов по демонтажу и переработке устаревшего оборудования. В элементе оставалось слишком много зараженной энергии. Тварь не смогла ее переработать, и ее система жизнеобеспечения вышла из строя. Эти кадры были сняты камерой слежения, и мы получили их случайно. Никто не возражал, в конце концов, никто, кроме нас, не видел на экране ничего, за исключением старого оборудования. К счастью для нас, в процессе планового обновления на камеры были установлены новые линзы.

— Значит, нам следует только... — высказал свою мысль Стефан.

— Накачать их зараженной энергией, — закончил за него Космо.

— Вот именно, — сказала Фаустино, хлопнув в ладоши. Потом она достала алюминиевый чемоданчик из-под дивана и осторожно положила его на кофейный столик.

— Это — предлагаемое решение.

Она открыла чемоданчик, в котором оказался металлический куб в гелеобразном охлаждающем составе. Устройство было подключено к цифровому таймеру.

— Выглядит не слишком убедительно, я знаю. Но мы же не будем пытаться продать его на рынке товаров массового производства.

Стефан внимательно осмотрел устройство.

— Какой-то импульсный прибор. Полиция использует подобные, чтобы отключить энергию в домах, в которых предстоит устроить облаву. Такое устройство может отключить не только сеть, но и местные генераторы.

Фаустино кивнула.

— Энергетический импульс. Эффективно действует на расстоянии до пятисот метров. Аккумулятор заряжен на атомной электростанции. Ничего серьезного. Абсолютно безопасно для людей, но смертельно опасно для «НУ-ВИД 4». Если бы вы установили подобное устройство в том месте, где живут наши невидимые друзья, то нанесли бы им серьезный вред.

— Вам удалось обнаружить их логово? — спросил Стефан.

— К сожалению, нет, — со вздохом ответила Фаустино. — Мы не успеваем их отследить, они исчезают слишком быстро. В данный момент мы работаем над этим.

ГЛАВА 6

— Значит, можно считать, что мы в самом начале пути.

Эллен закрыла чемоданчик и подвинула его к Стефану.

— Нет, Стефан, мы уже проделали значительный путь. Начиная с сегодняшнего вечера у тебя и твоей группы появилась новая миссия. Найдите, где они живут, и передайте им этот скромный подарок от меня.

Стефан взял чемоданчик в руки.

— Я найду их, профессор. Мы на это все силы положим. Но это будет нелегко, и потребуется время.

Эллен Фаустино обошла стол и крепко обняла Стефана.

— Я так по тебе скучала, мой любимый ученик. Мне очень не хватает твоей матери. Когда она была жива, в этом городе было светлее.

Стефан крепко обнял ее в ответ.

— Мне тоже ее не хватает.

ГЛАВА 7

❖

ВНОК

Абракадабра-стрит

Повторюшка не находил себе места. Он был самым взрослым в группе и убежал с завода, предоставив Космо и Стефану самим выбирать-ся из заварушки. Он был уверен, что Стефан никогда не бросил бы его, если бы оказался на его месте. Возможно, человек комплекции Повторюшки и не смог бы ничего сделать против танков «Маичи», но ему было не легче. Скорее хуже, потому что Стефан-то отважно бросился на танк, чтобы спасти друзей.

Были у Повторюшки и другие причины чувствовать вину. Стефану следовало кое-что знать о нем. В частности, о некоторых его способностях. Повторюшка должен был сказать о них своему другу еще несколько лет назад, но так и не нашел удачного момента. Кроме того, он так привык держать это в тайне. В комиксах люди, обладающие подобными способностями,

становились супергероями, но в реальной жизни они были изгоями. А Повторюшке не хотелось чувствовать себя изгоем среди единственных людей, которые заботились о нем.

Повторюшкой Люсьена Бонна прозвала одна острая на язык девчонка в институте Бартоли. Дурацкая кличка. Верно, у него была привычка повторять слова за другими. Так он выгадывал время обдумать ответ. Не то чтобы Повторюшка был тугодумом, скорее наоборот. Он просто хотел, чтобы произнесенные им слова не выдали его особые способности. Ребенку Бартоли и без того в жизни приходилось несладко, а если бы его вдобавок стали считать чокнутым... «Эй, вы слышали? Этому карлику чудится, что он видит призраков!». Нет уж, большое спасибо.

Подозрения Повторюшки о том, что он не такой, как все, подтвердились в его девятый день рождения. До того времени он надеялся, что просто не вышел ростом для своего возраста. Но к девяти годам задержка физического развития среди детей Бартоли стала настолько очевидной, что не могла не повлиять на его жизнь.

Доктор Бартоли сам пригласил Повторюшку в кабинет для ежемесячного обследования. Люсьен стоял у дверей великого человека в своем тонком, как бумага, спортивном костюме и дрожал от холода. Доктору Бартоли нрави-

лось, когда кондиционер воздуха был настроен на сорок пять градусов по Фаренгейту*. Он считал, что холод положительно влияет на умственные способности.

— Итак, Люсьен, — сказал Бартоли, открывая файл Повторюшки на своем персональном компьютере. — Посмотрим, как ты развиваешься. Встань на нужное место.

Повторюшка встал в центр красной окружности на полу. Бартоли стал ходить вокруг него с сантиметром и прибором для измерения черепных костей. Он нервно откашливался и что-то невнятно бормотал, измеряя каждую часть его тела, его туловище, голову.

— Еще одна неудача, — сказал доктор, устало опускаясь на стул. — Все как у остальных. В чем я ошибся?

Повторюшка не мог ответить на этот вопрос. Ответа и не требовалось, потому что врач говорил сам с собой, как часто это делал. Наконец Бартоли обратился к крошечному, дрожащему от холода мальчику.

— Итак, Люсьен, мне очень жаль, но я почти уверен, что ты не станешь выше. Размер твоей головы составляет одну четвертую часть тела, к девяти годам он не должен превышать одну пятую. Ты стал жертвой синдрома Бартоли.

* Примерно 7 градусов по шкале Цельсия.

Повторюшка почувствовал, как у него упало сердце. Он так надеялся на нормальную жизнь вне стен института.

— Не все потеряно. Возможно, у тебя обнаружатся способности, которые позволят тебе стать выше обычных людей. Может быть, доктору Бартоли удастся открыть в тебе особые таланты? Скажи, Люсьен, у тебя есть такие таланты?

Бартоли задал этот вопрос шутливым тоном, но весь напрягся в ожидании ответа мальчика.

Повторюшке было всего девять лет, но дураком он не был. Даже эти несколько лет приема лекарств и занятий, развивающих умственные способности, научили его точно оценивать ситуацию. Он понимал важность вопроса. Он также знал, что случается с детьми Бартоли, признавшимися в наличии у них особых талантов. Их переводили в другое крыло института и наблюдали за ними круглосуточно. Их пичкали таблетками, делали уколы и допрашивали, пока доктору Бартоли не надоедало ими заниматься.

Врач наклонился к нему.

— Ты что-нибудь видишь, Люсьен? Некоторые дети говорят, что видят странных существ. Ты их видишь?

Повторюшка мог тогда сказать правду. «Да, доктор, я вижу их. Синих созданий. Они тоже

могут меня видеть. Иногда они приходят ко мне. Но это еще не все. Я могу помогать людям. Лечить их одним прикосновением».

Он мог сказать это, но промолчал, потому что не хотел провести всю жизнь в качестве подопытного кролика.

Поэтому Повторюшка посмотрел доктору Бартоли прямо в глаза и сказал:

— Вижу ли я что-нибудь? Конечно. Однажды я увидел оборотня у себя под окном, но тогда мне показалось, что он мне приснился.

Доктор тяжело вздохнул.

— Хорошо, Люсьен. В тебе нет ничего особенного. В качестве прощального подарка тебе я позабочусь, чтобы тебя послали в государственную школу, а не в приют Клариссы Фрейн. Можешь идти.

И все. Никаких извинений. Никакой компенсации за то, что он родился мутантом. Всего через шесть месяцев Повторюшку перевели из института в государственную школу-интернат, где он жил, пока ему не исполнилось шестнадцать лет. В течение всего этого времени он никому ничего не говорил о своих способностях. Они оставались секретом, пока в его жизни не появился Стефан. Однако даже Стефан не знал о нем всего. Но скоро он узнает, и тогда Повторюшке не избежать неприятностей.

Эллен Фаустино приказала отвезти Космо и Стефана домой на огромном лимузине корпорации «Маичи». Роскошный десятиколесный автомобиль был чуть меньше половины городского квартала в длину и оборудован холодильником (битком набитым), телевизионным окном, мягким диваном и даже раскладной кроватью. На Стефана вся эта роскошь не произвела ни малейшего впечатления. Он, нахвалившись, сидел на своем сиденье и яростно тер лоб, словно это могло помочь ему соображать быстрее.

— Знаешь, а мисс Фаустино права, — неуверенно произнес Космо. — Ты ни в чем не виноват. Ты делал то, что в твоих силах. Откуда тебе было знать, что разряды помогают им размножаться?

Стефан ничего не ответил. Когда он попрощался со своей старой преподавательницей, чувства вины и беспомощности нанесли ему двойной удар, от которого нелегко было оправиться.

А Космо поступил так, как поступил бы на его месте любой мальчишка. Он обследовал холодильник и набил карманы сладостями. Потом съел то, что не влезло в карманы. Четырнадцать лет, проведенные в институте Клариссы Фрейн, научили его никогда не отказываться от еды, тем более дармовой. Возможно, следу-

ющие пару дней его будет тошнить от комбинированного воздействия кислотной ванны и еды всухомятку, но если бы оставил все эти сласти в машине, он бы еще долго не мог простить себе такой расточительности.

Стефан впервые заговорил, когда до Абракадабра-стрит оставалось шесть кварталов:

— Можете высадить нас здесь.

— Президент Фаустино приказала мне доставить вас до самых дверей, — возразил водитель.

— Может быть, — сказал Стефан, — но я не собираюсь сообщать вам адрес моей штаб-квартиры, по крайней мере пока.

Водитель рассмеялся.

— Дом тысяча четыреста пять по Абракадабра-стрит. Я уже послал координаты на спутник.

Услышав это, Стефан совсем приуныл. Супернатуралисты перестали быть тайной организацией. О них узнали взрослые. Корпорации уже начали использовать их в своих целях. Пройдет немного времени, и их включат в план стоматологического обслуживания и пенсионного обеспечения.

Когда Космо и Стефан вышли из лифта, их встретили Мона и Повторюшка, обрадованные возвращением друзей. Мона сразу же подбе-

жала к ним, а Повторюшка вел себя как-то странно тихо, даже не сказал ничего язвительного, чтобы поприветствовать вернувшуюся пару. Его тайна бурлила внутри него, и ей не терпелось вырваться на свободу.

— Где вы были? — спросила Мона, обнимая одной рукой Стефана, а другой — Космо. — Мы думали, что вас замели.

Стефан сбросил ее руку с плеча.

— Установи параболу на крыше. Я хочу, чтобы она была настроена на двадцать четыре — семь.

Мона отшатнулась, словно получила пощечину.

— Мы волновались за вас, Стефан. Разве мы не заслуживаем объяснения? Разве мы четверо — не одна команда?

Стефан чуть было не заговорил, не поделился своей бедой, но чувство вины и беспомощности еще слишком давило на него.

— Только не сейчас, Мона, ладно? Просто установи «тарелку».

— Параболу? — переспросила Мона. — Но она раньше совсем нам не помогала. Я даже не знаю, заряжена ли она.

— Просто установи ее, — сказал Стефан чуть более громким, чем шепот, голосом. — Пожалуйста.

И он побрел в свою спальню, не сказав больше ни слова. С каждым шагом он словно становился ниже ростом. Остальные члены команды провожали его взглядами.

— Что с ним? — спросила Мона, когда стих шум шагов Стефана. — Я и раньше видела его расстроенным, но таким — никогда. Он словно потерял волю к жизни.

— Не совсем так, — сказал Космо. — Просто многое придется начать заново.

Он объяснил, что произошло в башне «Маичи». Что стрельба по паразитам только ускоряла процесс размножения. Три года супернатуралисты лишь помогали своим врагам заселять землю.

Когда Космо умолк, в комнате повисло долгое тяжелое молчание. Всех терзали одни и те же мысли: сколько человек лишилось жизненных сил только из-за действий их команды?

— Поверить не могу, — прошептал Повторюшка. — Эти синие шары — маленькие паразитики?

— Совсем не маленькие. Они появляются взрослыми и готовыми поглощать жизненные силы.

Повторюшка забрался на стоявший рядом со столом стул.

— Меня интересует часть, касающаяся чистки энергии. Эти твари — часть природы. Как

и мы. Может быть, следует задуматься, какое место они занимают в ней? Какую экологическую нишу?

Мона резко к нему повернулась.

— Экологическую нишу! Эти чудовища высасывают из людей жизнь! Если бы на твоей груди сидело одно из них, тебе было бы не до экологии.

— Перестань, Мона, не выходи из себя. Я только хочу сказать, что мы должны найти другой способ борьбы с ними. Ускорение процесса размножения паразитов никому не принесет пользы.

Мона несколько раз глубоко вздохнула, потом легонько хлопнула Повторюшку по плечу.

— Ты прав, конечно. Просто все это так неожиданно и страшно. Я всегда считала, что мы поступаем правильно. Действительно спасаем людей. Теперь я ни в чем не уверена, а Стефан даже не разговаривает с нами...

Повторюшка подошел к ней по столу и обнял за плечи короткими ручонками.

— Мы считаем его своим командиром, но иногда забываем, насколько он молод. Увидишь, уже утром Стефан будет в порядке. А ты отправляйся устанавливать «тарелку». Можешь не торопиться, завтра на охоту идти не надо.

Мона фыркнула.

— Ладно, так и сделаю. — Она повернулась к Космо. — Извини за эту сцену. Я рада, что вы вернулись невредимыми. Давай поднимемся на крышу, и я покажу тебе, как работает парабола.

Космо улыбнулся и кивнул, но тут Повторюшка ловко прилепил ему термопластырь на лоб.

— Запрещаю. Космо нужно как следует выспаться. Уверен, вы, молодежь, дайте вам волю, всю ночь будете под покровом смога обсуждать автоматические рубильники. Но этот молодой человек не до конца оправился после давешнего маленького приключения на крыше. Если он не отдохнет, может начаться лихорадка или даже отторжение имплантантов. Он, должно быть, еле ноги волочит.

Не успел Повторюшка произнести эти слова, как Космо почувствовал страшную усталость. У него вдруг заболел лоб, а новое колено начало посылать импульсы боли от лодыжки к бедру.

— Я и в самом деле немного устал. Может быть, я поднимусь к тебе чуть позже...

— Ладно, — сказала Мона. — Выспись хорошенько. Повторюшка, как всегда, прав: тебе и так досталось. А параболу я могу показать и завтра.

Космо кивнул. Сейчас он будет спать, хотя предпочел бы провести всю ночь, обсуждая с Моной Васкез автоматические рубильники.

Космо едва добрал до своей кровати — сказывалась недавняя кислотная ванна. Узкая койка уже казалась ему домом. Она принадлежала лично ему. Тело его находилось на Абракадабра-стрит, а мысли блуждали, переносили его то в институт Клариссы Фрейн, то в башню «Маичи». Бородач из ванной и воспитатель Редвуд превратились в одного человека, который грозил ему кулаком. Кулаком, покрытым целлофановой слизью. «Вернись к нам, — говорил этот гибрид. — Вернись к нам, Космо, и мы посадим тебя в темную комнату. В темную комнату, полную острых предметов».

Космо, вздрогнув, проснулся и скатился с постели на псевдочугунный пол. Ноги запутались в зеленом армейском одеяле. Лицо Редвуда даже после пробуждения не желало исчезать сразу и еще мгновение висело перед глазами.

Космо сел и стал ждать, пока зрение не начнет подчиняться рассудку. Постепенно реальность одержала верх над кошмарами. Сон, хоть

и беспокойный, пошел ему на пользу. Опухоль на лбу спала, а колено почти не болело.

«Когда вырастут волосы, вполне смогу сойти за человека», — подумал он, вымученно улыбнувшись.

Космо встал и оделся в камуфляжную форму, которую дал ему Башкир. Карманов не может быть слишком много. В комнате было тихо, только Повторюшка с присвистом храпел в своей спальне. Каким образом легким крошечного ребенка Бартоли удавалось производить столько шума — оставалось загадкой. Занавеска Стефана была задернута, а кровать Моны была пуста и заправлена. Либо девушка уже встала, либо еще не ложилась.

Было кое-что еще, не совсем обычное. Отсутствие шума, который был такой же неотъемлемой частью склада на Абракадабра-стрит, как шторы на окнах. Компьютеры были отключены. Конечно, ночных приключений больше не будет. Никаких «громобоев» и никакой пальбы по синим паразитам. Придется людям терять жизненные силы, как это происходило, вероятно, на протяжении многих тысяч лет.

Космо налил себе синтокофе из кофейника. Скорее, чтобы ощутить тепло кружки в руках, а не ради вкуса. На столе стояла еще кружка, ее хромированная ручка была сделана так,

чтобы напоминать выхлопную трубу. «Машинное масло», — прочитал на посудине Космо. Налив в нее кофе, он взял обе кружки и направился к лифту.

Выйти на крышу для Космо было все равно что прыгнуть с парашютом. Само здание не казалось ему достаточно прочным, чтобы предотвратить падение на землю. «Просто дыши, — сказал себе Космо, — не смотри вниз». Солнце садилось. Сегодня окрашенный смогом закат был лиловым. «Вот почему мы стали видеть паразитов, — подумал Космо. — Из-за смога и состояния клинической смерти. Травма пробуждает шестое чувство, а химические вещества в крови иногда позволяют ему не отключаться вновь».

На крыше он увидел небольшую, сложенную из шлакоблоков будку. Приземистую и безыскусную. Ее вид разнообразили разве что пучки электрических проводов, пропущенных сквозь заполненные пенопластовой изоляцией отверстия в стене. На низкой крыше будки была закреплена «тарелка». На первый взгляд она напоминала старомодную телевизионную антенну, но, присмотревшись внимательнее, он увидел современные чипы, припаянные к основанию. Очевидно, это и была парабола, о которой говорил Стефан.

Мона лежала на пластиковой скамейке, завернувшись в спальный мешок из фольги. Такие мешки, очень легкие и сверхтеплые, когда-то были изобретены для космонавтов, но потом распространились и обрели популярность у бездомных всего мира. Под голову Мона подсунула другой мешок, свернутый валиком. Угол его был надорван, и в прореху были видны пенопластовые шарики.

Космо воспользовался моментом, чтобы рассмотреть ее лицо. Мона (насколько он, с его ничтожным опытом, мог судить) была красива, но не так, как девушки на телевидении. Красива как живой человек, на лице которого могут отражаться самые разные чувства.

— Может быть, войдешь, а не будешь торчать в дверях? — сказала Мона, не открывая глаз.

Космо попытался заговорить. «Надо срочно сказать что-нибудь умное, думай», — приказал он своему мозгу.

«Обойдешься, — ответил мозг. — Свободных клеток хватает только на одно слово. Сам выбери какое».

— Кофе, — выпалил Космо. Что ж, вышло не так уж и плохо, учитывая обстоятельства.

Мона потянулась как кошка, и пальцы ее ног выглянули из незастегнутого спального мешка.

— Маленькие свинки, — произнесли губы Космо, прежде чем он этому помешал.

Мона открыла глаза и буквально пронзила взглядом несчастного юношу.

— Что ты сказал, Космо?

— Маленькие пальчики отправились на рынок. Есть такой стишок... детский.

Мона спрятала пальцы под фольгу.

— Я — не ребенок, Космо.

— Извини. Просто в приюте был один мальчик, у которого была привычка твердить этот стишок, как только он видел чьи-то пальчики.

— Значит, я похожа на свинку?

— Точно. Нет, не ты, а твои пальчики. Разве ты можешь быть похожа на свинку? Ты слишком... — Он мысленно взмолился о том, чтобы Мона остановила его, прежде чем он закончит мысль, но она явно не собиралась так поступать.

Она села и склонила голову на плечо.

— Я слишком какая?

Космо казалось, что его мозг вот-вот взорвется. Или, по крайней мере, пластина вылетит из черепа, никакие поры для сброса давления не помогут.

— Ты слишком... э... человеческая.

Мона пристально смотрела на него.

— А раньше ты не говорил этого другому человеку?

Космо пожал плечами.

— Вообще-то нет. По большей части я говорил только: «Да, воспитатель. Нет, воспитатель. Как прикажете, воспитатель, сэр».

Мона взяла у него кружку с синтокофе и, к счастью для него, не стала продолжать разговор на эту тему.

— Спасибо, Космо. Который час?

— Закат, — ответил Космо.

Мона посмотрела в окно будки.

— Сегодня он лиловый. Аллергикам придется тяжело. Ты когда-нибудь видел закат в кино? Оранжевый и красивый? Как думаешь, закаты действительно когда-то были такими?

Космо пожал плечами.

— Может быть, хотя я в этом сомневаюсь. Спецэффектами что угодно можно подделать.

Мона сделала глоток синтокофе.

— Да, ты прав, наверное.

Она сбросила с себя спальный мешок и наклонилась к пульту управления, который стоял прямо на доске, перекинутой между двумя строительными блоками. На дисплее мигал зеленый индикатор.

— Отлично, — сказала Мона. — Полная зарядка. Теперь мы можем заметить любого паразита за милю от Абракадабра-стрит.

Космо внимательно изучал пульт. Ему он показался слишком примитивным даже для того,

чтобы поджарить тост, тем более отследить прозрачную тварь.

— Если эта штука отслеживает паразитов, значит, мы сможем узнать, где они живут?

— Эта штука засекает их, но выследить не может, — поправила его Мона. — Они исчезают, как только покидают зону обзора «тарелки». Парабола была изобретена крупными энергетическими компаниями для обнаружения утечек энергии, а не для отслеживания паразитов. Она работает примерно как клюв утконоса. У утконосов в клювах есть органы чувств, которые помогают им обнаруживать электрические импульсы, генерируемые живыми существами. Я видела это в одном видеофильме по живой природе, который Стефан заставил нас смотреть в качестве части курса обучения.

Пульт управления параболой был подключен к древнему портативному компьютеру. Мона загрузила его и включила программу трехмерной координатной сетки.

— Как только парабола обнаруживает спектр паразита, она регистрирует его положение, скорость и направление движения. Со временем мы накапливаем полезную информацию.

— А она может нам подсказать, где живут паразиты?

— Нет, — ответила Мона. — Это пустая трата времени. Они могут появляться, откуда угод-

но и когда угодно. Направление зависит от места бедствия, к которому они направляются. Кроме того, зона обзора «тарелки» составляет всего одну квадратную милю.

— Тогда почему мы этим занимаемся?

Мона обернулась, чтобы убедиться в том, что рядом никого нет.

— От отчаяния. Мы использовали эту программу в течение года с нулевым результатом. Надо идти и охотиться на них, тогда будет толк.

— Но что мы будем делать, когда их найдем? Наши «громобои» только помогают им размножаться.

Мона пригладила ладонью взъерошенные волосы.

— Не знаю. Как насчет воды? Может быть, мы сможем смывать их водой. Мы должны что-то придумать.

На экране появилась синяя отметка.

— Смотри, вот один из них! В сотне ярдов на северо-восток. Двигается со скоростью шестьдесят миль в час.

Космо бросился к окну и успел заметить, как одинокий паразит исчезает за кромкой крыши здания.

— Ну и что нам это дает? — спросила Мона. — Ничего, пока мы не сможем поймать одного из них. — Она откинулась на подушку и

закуталась в спальный мешок. — Нам требуется чудо.

Космо улыбнулся.

— Значит, мы как раз в нужном месте.

— Ты все правильно понял. Абракадабразит. Знаешь, почему улицу так называли?

Космо сел рядом с ней на скамью и покачал головой.

— Много лет назад гении, проектировавшие город, решили, что следует предусмотреть особый район для ремесленников. Так возникли галерея Ван Гога и небоскреб Уитмена. Все художники должны были жить на галерее Ван Гога, а все поэты — в небоскребе Уитмена. Абракадабразит была предназначена для жителей Вегаса, то есть для фокусников, ресторанных певцов и танцоров. Дурацкая идея. Искусство невозможно засунуть в ящик. По-настоящему талантливый человек не станет жить там, где ему прикажут. Стефан купил это здание за бесценок. Он даже налоги не платит. Он вообще очень смысленный парень, большую часть времени.

— Большую часть времени, — эхом повторил ее слова безрадостный голос Стефана. Никто никогда не попросил бы Стефана изображать Санта-Клауса на Рождество, хотя больше двух миллионов человек до сих пор отмечали этот праздник.

— Не против, если я поговорю с нашим новым наводчиком?

Мона встала и набросила на плечи одеяло.

— Конечно. Мне не мешает поспать несколько часов в нормальной постели. Кто знает, может быть, я даже выйду на улицу днем, раз уж ночью там делать теперь нечего.

Мона наклонилась так, что ее лицо приблизилось к лицу Космо.

— Отличный выстрел по танку. Ты снова спас меня. — Она поцеловала его в щеку. — Спасибо.

— Пожалуйста, — пробормотал Космо. Он чувствовал себя так, словно его лицо подключили к электрической розетке.

— Продолжай в том же духе, и я согласна целовать тебя весь день.

Космо с трудом подобрал слова:

— Может быть, в следующий раз ты спасешь меня, и я отблагодарю тебя поцелуем. — Учитывая обстоятельства, эта неуклюжая фраза была для него шедевром лирики.

— Может быть, — сказала Мона, и глаза ее сверкнули. Она подошла к Стефану. — А мне ты ничего сказать не хочешь?

Стефан выглядел ничуть не лучше, чем предыдущим вечером.

— Послушай, Мона, вчера я очень скверно себя чувствовал. Вся моя работа пошла псу под хвост.

Мона ткнула его пальцем в грудь.

— Наша работа. Мы — супернатуралисты. Команда.

— Ты права. Команда. Постараюсь больше не забывать об этом.

Она дружески сжала его предплечье.

— Постарайся, Стефан.

Мона побежала по холодной крыше, мелко семена внутри серебристого кокона спального мешка. Стефан вошел в будку и закрыл за собой гофрированную дверь. Он сел рядом с Космо.

— Космо, как ты себя чувствуешь?

Космо пожал плечами.

— Не знаю. Скорее всего, как экран телевизора, на котором ничего нет. Просто пустой. У меня не было времени обрести себя.

— Маичи-Сити часто так действует на людей. С самого основания здесь не в ходу было уважение к личности. Приспосабливайся, делай, что говорят, и не задавай вопросов. — Он покрутил ручку на пульте управления параболы. — Теперь у тебя есть время, Космо. Время стать членом группы.

— Правда? Членом группы?

Стефан вздохнул.

— Именно об этом я хотел поговорить с тобой. В последнее время у меня всегда было скверное настроение. Но ты здесь ни при чем, все дело во мне самом.

Космо ответил не сразу, некоторое время он внимательно всматривался в экран компьютера.

— Если мне предстоит стать членом группы, ты должен мне сказать.

— Что сказать? — спросил Стефан, хотя все уже понял.

— Почему мы этим занимаемся? Что с тобой произошло?

Несколько секунд лицо Стефана оставалось мрачным, потом выражение смягчилось. Он принял решение.

— Хорошо, Космо. Ты заслуживаешь правды. Но поверь мне на слово, иногда лучше не знать всего — так по ночам спокойней спится...

Стефан наклонился вперед, подпер голову ладонями и начал свой рассказ. Сначала медленно, потом слова посыпались из него как галька из мешка.

— Всего три года назад я был самовлюбленным кадетом. Пятнадцатилетним юнцом, лучшим в своем классе. Профессор Фаустино, которая была моим учителем и старым другом семьи, предложила мою кандидатуру на поступление в офицерскую школу. Но беда пришла неожиданно. Мама позвонила мне в академию. Попросила подвезти ее домой из клиники, в которой работала, а я только что сдал экзамен по вождению патрульной машины. Поэтому я

заехал за ней на полицейской машине. Решил, что отвезу ее домой, а потом отгоню машину к главному полицейскому управлению.

Он потер глаза кулаками.

— Глупец. Патрульная полицейская машина всегда находится под прицелом. Всегда. На ней категорически запрещается подвозить невиновных штатских. Я знал это. О чем я думал?

— Что случилось? — спросил Космо.

— Мы были на полпути домой, когда машина взорвалась. Эксперты сказали, что на шасси была установлена замаскированная мина. Полиции так и не удалось найти того, кто ее установил.

Стефан провел пальцем по шраму на лице.

— Я получил серьезные травмы, но мама пострадала сильнее. Гораздо сильнее. Однако она выжила бы, я уверен в этом. Я видел много ранений и до сих пор уверен, что она смогла бы выжить.

— Если бы не паразиты? — высказал предположение Космо.

— Эти синие дьяволы слетелись на нас, как пчелы на мед. Я не мог пошевелиться, не мог спасти ее. Просто лежал, придавленный кабиной, и смотрел, как они высасывают ее досуха. Трое бросились на меня. На руки и грудь. И уставились своими круглыми глазами.

Стефан замолчал и вытер глаза рукавом.

— «Скорая помощь» приехала буквально через несколько секунд. Случайно оказалась рядом. Повторюшка спас меня при помощи дефибриллятора. Но маму спасти не удалось. Я подвел ее.

Космо глубоко задумался.

— Ты не подвел ее, — сказал он наконец. — Паразиты — неотъемлемая часть природы. Невозможно сражаться с природой.

Стефан обнял его за плечи.

— Спасибо, Космо, — сказал он. — Приятно услышать такое, но киты тоже были неотъемлемой частью природы, и мы истребили их.

По сравнению с предыдущей неделей следующие дни прошли исключительно тихо. Мона внимательно следила за работой параболы, но компьютер так и не смог обнаружить в результатах наблюдений какую-либо закономерность.

Вернувшись после очередного посещения Зала Памяти, Стефан наконец устроил собрание. С тех пор как состоялся разговор с Эллен Фаустино, он чуть ли каждый день навещал прах матери. Сейчас ему отчаянно не хватало ее силы и поддержки.

— Я много думал обо всем этом, — сказал он, указывая на установленное в комнате обо-

рудование. — Полное безумие, я имею в виду буквально все. Как я мог подумать, что смогу победить... природу? Когда мы уничтожали одного паразита, появлялась дюжина новых, готовых охотиться на человеческий род. Во сколько жизней это обошлось?

— Но теперь у нас есть пульсатор, — возразила Мона. — Нам остается только найти логово, и мы все исправим.

— Ты была права, Мона, — тяжело вздохнув, произнес Стефан. — Парабола никогда не работала. Я не имел права подвергать вас опасности. — Он замолчал и посмотрел каждому члену команды в глаза. Назревало какое-то важное событие. Мона протянула руку под столом и сжала ладонь Космо. Следующие слова Стефана должны были повлиять на судьбу каждого из них.

Лидер супернатуралистов сделал глубокий вдох.

— Я принял решение. Начиная с сегодняшнего дня мы становимся нормальными людьми.

Его слова эхом разнеслись по помещению склада. Нормальными людьми? А такие бывают?

Первым ответил Космо.

— Ты никогда не подвергал меня опасности. Никто меня не заставлял присоединиться

к вам. Я поступал так, как считал правильным. А вы только спасли мне жизнь.

— Мне тоже, — сказала Мона. — Если бы не супернатуралисты, я бы уже превратилась в масляное пятно рядом с какой-нибудь гоночной трассой.

Стефан покачал головой.

— Мне давно пора было очнуться. Моя мать умерла, и мне следует смириться с этим.

Мона вскочила на ноги.

— Стефан, мы не можем так просто сдать-ся. Ты отлично знаешь, какая судьба нам выпала. Мы должны сражаться с этими тварями, пока у нас остаются силы. Повторюшка, скажи ему.

Но ребенок Бартоли потупил взгляд.

— Может быть, босс прав. Пора завязывать.

Мона резко взмахнула руками.

— Не верю собственным ушам. Одна операция закончилась неудачей, и все буквально развалились на части.

— Развалились на части? Это не так, Мона. Совсем не так. Мы сделали все, что могли, но с таким же успехом можно пытаться вытереть океан тряпкой. Почему мы не можем радоваться жизни как нормальные люди?

Лицо Моны покраснело от злости.

— Из нормальных людей эти твари высасывают жизненные силы, только нормальные

этого не знают. Ты хочешь ничего не делать и просто наблюдать, как паразиты занимаются своим мерзким делом?

Стефан осторожно потряс Мону за плечи.

— Я этого совсем не хочу. Но нас победили. Мы — всего лишь группка несмышленишей. Что мы можем?

— Теперь нас поддерживает «Маичи», — прошептала Мона. — У нас есть пульсатор и параболла...

— От которой нет никакого толка и никогда не было. Мне понадобилось слишком много времени, чтобы это понять, но теперь я все понимаю.

— Жаль, конечно, что так получилось с параболой, — задумчиво и едва слышно произнес Космо.

Мона отвернулась от Стефана.

— Что ты имеешь в виду?

— Профессор Фаустино кое-что нам сказала. Паразиты часто питаются электрической энергией. Уверен, если бы мы нашли утечки энергии, то обнаружили бы и логово паразитов. — Он подпер голову рукой. — Если бы у нас была «тарелка» побольше...

Мона подбежала к ближайшему окну и распахнула тяжелые шторы.

— У «Маичи» есть не большая, а огромная «тарелка», — сказала она, указывая на звезды. — Еще одна попытка, Стефан. Всего одна.

Выражение смирения Стефана лопнуло как косметическая маска, обнажив привычную решительность.

— Повторюшка, — сказал он, — где мой телефон?

— Абсолютно невозможно, — сказала Эллен Фаустино.

Стефан не поверил своим ушам.

— Профессор Фаустино, я прошу лишь порт данных на спутнике. Один модуль подключения, это же ерунда.

Лицо Фаустино на экране телефона помрачнело.

— Спутник — запретная зона, даже для меня. Я — всего лишь президент отдела исследований. Мне не позволят даже вытирать пол на спутнике.

Трубка телефона едва не треснула в руке Стефана.

— Отлично, проведите сканирование сами. Мне нужны только места концентрации утечек энергии в центре города, больше ничего.

Фаустино просмотрела цифровое расписание на столе.

— Эта мысль нравится мне больше. Могу попытаться все устроить через пару месяцев.

— Через пару месяцев! Вы представляете, сколько людей лишатся жизненных сил за пару месяцев?

— Больше ничего сделать не могу. — Фаустино повернула экран расписания, чтобы он был виден Стефану. — Посмотри, какие клиенты внесены в список ожидания — «Найк», «Дисней», «Кром». Линия связи Земля — спутник стоит многие миллионы. Ты представляешь, какой рекламной силой обладает одна-единственная передача? На использование спутника составлен пятилетний список ожидания. Могу попытаться что-нибудь сделать только через два месяца, не раньше, и даже в этом случае мне придется обратиться ко всем людям, которым я когда-то сделала одолжение.

Стефан старался сохранять спокойствие.

— А как я должен использовать ваш энергетический пульсатор, если не могу найти паразитов?

Фаустино была непреклонна.

— Стефан, вся эта операция нелегальна. «НУ-ВИД 4» официально не существует. Как и модифицированный энергетический пульсатор. Кстати, это же относится и к тебе и твоей банде мятежников. Что я должна сделать? Пойти в центральный офис и рассказать там историю о призрачных синих созданиях, высывающих энергию?

— Нет, — вынужден был признать Стефан, сердито глядя на экран. — Нет конечно. А я что должен делать?

— Ты должен найти другой способ, — сказала Эллен Фаустино.

Стефан сложил трубку.

— Не волнуйтесь. Найду.

*Район Бушка — граница города —
пригород Маичи-Сити*

Мона вела чушкамобиль по многолюдным улицам Бушки. Официально она не имела права использовать ручное управление, но в этом районе не водилось полиции, которая могла проверить у нее наличие, вернее, отсутствие водительских прав. Днем бандитов видно не было, по улицам ходили обычные мирные граждане. При бледном дневном свете здесь шла жизнь, неотличимая от жизни в других городах мира. Какими бы тяжелыми ни были условия, люди продолжали есть, жить и любить.

Прилавки вырастали по обеим сторонам дороги, будто столики фокусников. Африканские портные стояли бок о бок с азиатскими хакерами и европейскими сапожниками. Торговля была бойкой, споры о цене — оживленными.

Космо смотрел на проплывающий мимо мир со своего сиденья чушкамобиля.

— Не самое плохое место для жизни, — заметил он.

— Днем, — сказал Стефан. — Но могло бы быть лучше, если бы профессору Фаустино удалось получить свои субсидии.

Повторюшка рассматривал в маленьком зеркальце свой подбородок — пытался разглядеть щетину, которой там быть не могло.

— Конечно. Именно поэтому мы решили действовать за ее спиной.

— Профессор, Фаустино работает в корпорации и должна соблюдать правила, а мы не должны. Если супернатуралисты сумеют решить проблему паразитов, спутник стабилизируется, и потекут субсидии на социальные программы. Все будут счастливы.

— Особенно «Маичи», — сказал Повторюшка, убирая зеркальце в карман. — Думаю, мы делаем им одолжение, выполняя за них работу, особенно после того, как они в течение нескольких лет пытались нас убить.

— А менее мрачные мысли тебе в голову не приходят? — прокричала Мона с водительского места. Она дала ему целых пять секунд на ответ. — Нет? Я так и думала. Никогда не приходят.

— Никогда? Просто я сторонник здорового скептицизма, — заявил ребенок Бартоли. — Разве мы должны слепо повиноваться? Уж больно в вонючие дела мы ввязались, когда вдруг стали работать на корпорацию. Не нравится мне все это.

— Мне тоже не очень нравится, — сказал Стефан. — Но профессор Фаустино прежде

всего — мой друг и только потом уже — президент корпорации. Мы можем ей доверять.

— Ты уверен? Готов поставить на это наши жизни?

— Я готов поставить на это только собственную жизнь. Когда мы проследим за паразитами до их логова, именно я установлю пульсатор. Начиная с сегодняшнего дня все вы, ребята, — только операторы компьютеров.

Мона едва не разбила автомобиль.

— Ребята? Кого ты называешь ребятами? Ты всего на пару лет старше нас. Если возраст позволяет мне бегать по крышам, то позволит и установить пульсатор. Я здесь не для того, чтобы следить за событиями на мониторе.

— Ты будешь участвовать, но с безопасного расстояния. Если не нравится новое соглашение, можешь остановить фургон и выйти. Уверен, Милашки с радостью примут тебя в свои объятия.

Мона с силой нажала на педаль газа.

— Знаешь что, Стефан? Иногда ты ведешь себя как свинья.

Они ехали больше трех часов, пока чушкар-мобиль не миновал кольцевую дорогу Маичи-Сити. За ней расстилась пустыня. Космо впервые в жизни увидел окраину и был потрясен. Неужели город здесь заканчивается? По-

чему-то Космо всегда представлял себе город как гигантскую тюрьму. И если тебе даже удастся из нее удрать, то как выжить здесь, в сельской местности?

Загородные пустоши оказались совсем не похожи на то, что Космо доводилось видеть в старинных видеофильмах. Не было видно галопирующих лошадей в замедленной съемке, качели не свисали с ветвей деревьев. Да и деревьев почти не было. На таком небольшом расстоянии от города почва и воздух были настолько насыщены ядовитыми испарениями и сточными водами, что тут ничего не росло.

Здесь люди жили вне зоны обзора спутника и были свободны от его влияния. Большинство пригородных жителей обитало в одноэтажных постройках, собранных из чего попало, лишь бы сооружение с грехом пополам могло стоять и не падать. Космо эти жилища показались жутко экзотичными. После целой жизни, проведенной в стенах, похожих на чугунные чушки домов, было занятно увидеть стены, сложенные из обломков железобетонных секций мостов, и крыши из старых рекламных щитов.

Повторюшка поежился.

— Меня в дрожь бросает от этого места. Вы знаете, что здесь нет спутникового телевидения? В некоторых домах принимаются всего

десять или пятнадцать подпольных каналов. Чем эти местные занимаются весь день?

— Пытаются выжить, — сказал Стефан, показывая на гору хлама вдалеке. — Видишь, Мона? Нам туда.

Когда они подъехали ближе, Космо понял, что гора хлама на самом деле была обнесенным изгородью двором, заполненным сверх меры городским мусором. Двое вооруженных охранников стояли под навесом импровизированной караулки, их оружие было таким же древним, как и все, что они охраняли.

Мона остановила чушкामобиль перед вычурными железными воротами, которые в прошлой жизни служили входом на аттракцион под названием «Дино Дум».

Стефан открыл боковую дверь, вышел в зной и пыль — и тут же оказался на прицеле двух винтовок.

— Парень, лучше катись по своим делам, а? — сказал один из охранников — испитой субъект, у которого осталось не больше трех зубов во рту. — Если у тебя, конечно, нет ничего дельного на продажу. Не смотри на надпись на воротах, аттракционов здесь нет.

— Заткнись и слушай, — как всегда тактично заявил ему Стефан. — Мне нужно встретиться с Линкольном. Скажи ему, что приехал

Башкир. И если ворота не откроются через две минуты, отвечать придется тебе.

Охранник собрался было поспорить, но увидел, как многозначительно Стефан посмотрел на часы, и передумал. Высокого черноволосого парня почему-то злить не хотелось. Было что-то зловещее в этом пронзительном взгляде и искаженных косым шрамом губах.

Второй охранник плюнул вслед своему коллеге.

— Убежал как кролик, трус. Бесхребетный, как древесный червь. — Очевидно, ему нравилось уснащать свою речь образами животного мира.

Стефан сел в машину.

— Думаю, дело выгорит.

— Вероятно, благодаря твоему обаянию, — пробормотала Мона, которая так и не простила его за предложение остановить фургон и выйти.

— Когда мы заедем туда, — продолжил Стефан, — я хочу, чтобы все вели себя крайне осторожно. Вы когда-нибудь видели фильмы о Диком Западе, в которых перестрелки начинаются по каждому пустяку?

Космо кивнул.

— На этой свалке все так и происходит, только пули настоящие. Повторюшка, имей в виду, ты — ребенок, пока я не скажу иначе.

Повторюшка застонал.

— Перестань, Стефан, ненавижу изображать ребенка.

— Козырь в рукаве нам не помешает. Вот ты им и будешь.

Гораздо меньше чем через две минуты странные охранники распахнули створки ворот. Вблизи Космо понял, что эти громилы еще уродливей, чем казались издали.

— Загоняй свой тарантас, мистер *Башки-ир*. Припаркуйся перед входом в вестибюль.

— Ого, — воскликнул второй, — где ты нашел такую мерзкую тварь? Прямо боров.

«Интересно, он это о чушкामобиле или о своем отражении в зеркале? — подумал Космо. — Впрочем, не мне над ним насмехаться», — тут же спохватился он, ведь его собственная голова, после того как над ней поработал Повторюшка, тоже не годилась для парадного портрета. Правда, волосы уже немного отросли, и бугры на черепе стали не так заметны.

Мона осторожно повела машину по извилистой дорожке между скелетами машин и остановилась перед крыльцом, сложенным из ржавеющих спутниковых антенн. Очевидно, это и было вестибюлем.

— Не забудь, — сказал Стефан Повторюшке. — Изображай из себя маленького мальчика.

Мона засмеялась.

— Изображай? Просто води себя как всегда. Никто не заметит разницы.

Близнецы-уродцы провели их внутрь, небрежно отбросив в сторону занавеску из напизанных на медную проволоку гаек. Внутри оказалось еще грязнее, чем снаружи. Каждый дюйм поверхности был покрыт зловонной смесью масла, грязи и ржавчины. Миллионы ржавых клещей пировали на потолке, и от них на пол сыпались частички ржавчины, похожие на железных мошек.

За столом, сложенным из деревянных складских поддонов, сидел мужчина, который явно чувствовал себя в этой помойке как дома. Его ноги были задраны на стол, их голые пальцы облизывал толстый рыжий кот.

— Красивый кот, — заметил Стефан. — Как его зовут?

— Камуфляжем, — ответил мужчина. — Когда он закрывает глаза, его невозможно найти даже при помощи пары ищеек.

Стефан сбросил ноги мужчины со стола и сел напротив. Кот зашипел и взобрался по ногам на колени хозяина.

— Я вижу, ты не слишком заботишься о приличиях.

— От соблюдения приличий, Линкольн, как в Большой Чушке, так и за ее пределами мало толку.

Лицо Линкольна было изможденным, под глазами красовались мешки. Возраст его, как и расовую принадлежность, определить было невозможно, а разговаривал он с акцентом человека, принадлежащего к высшему сословию. Одет он был в костюм-тройку в тонкую полоску, которому, к сожалению, было не меньше двадцати лет.

— Ты знаешь мое имя, юноша, но я не знаю, кто ты такой. Чтобы войти сюда, ты использовал имя старого друга, но ты определенно не похож на доктора Ариэль Башкир.

— Я ее сын, Стефан. Она рассказывала мне о тебе.

Линкольн внимательно рассмотрел его лицо.

— Да, у тебя ее глаза. Как поживает твоя мать?

Стефан опустил глаза.

— Она умерла. Три года назад.

На несколько секунд повисло молчание.

— Мне очень жаль. Она была хорошей женщиной.

— Да, конечно. Судя по ее рассказам, за тобой должок.

Линкольн рассмеялся. Зубы у него были такого же цвета, как и кожа на лице.

— Возможно, но тебе я *определенно* ничего не должен, мой мальчик. Одолжения не передаются по наследству.

Стефан поставил локти на стол.

— Линкольн, пять лет назад моя мать приехала сюда из города и вырезала тебе разорвавшийся аппендицит. Любой другой врач отказался бы это сделать. Она заметила запуск ВНОК. Она рассказала мне об этом. Мы оба знаем, что именно ты на протяжении многих лет запускаешь пиратские ВНОКи без разрешения, соблюдения правил безопасности и всего прочего. Мне стоит сделать один звонок, и солдаты «Маичи» разрежут здесь все космическими лазерами на мелкие кубики. И эти безобразные близнецы тебе не помогут.

На Линкольна его слова явно не произвели впечатления.

— Ты уже видел моих мальчиков, Флойда и Брюса. Я подобрал их на улице, когда они едва вылезли из пеленок. Кажется, тогда им было лет по двадцать шесть. Бедняги непрочно глупы, но стреляют метко. Кстати, сейчас они навели на твою голову старые добрые затворные винтовки.

— Правда? — спросил Стефан. — В этом случае я советую им посмотреть вниз.

— Посмотреть вниз? — спросил Флойд. — Ты же не пытаешься заставить нас отвести глаза от цели?

— Наверно, думаешь, что мы родились в прошлый четверг, — добавил Брюс, присвисты-

вая сквозь щели в зубах. — Мы всех вас держим на мушке. И тебя, и этих двоих малолеток.

— А про ребенка забыли?

Флойд презрительно фыркнул.

— А что он может сделать? Заблевать нас с ног до головы?

Флойд и Брюс почувствовали, как к их коленным чашечкам прижались два «громобоя». Повторюшка усмехался, глядя на них снизу вверх.

— Блевать будете вы, если я выпущу в вас полные заряды.

Линкольн расхохотался.

— Бартоли?

Повторюшка кивнул.

— Один из последних.

— Умно. Ладно, тупицы, — скомандовал Линкольн близнецам. — Опустите винтовки, пока этот малыш не сделал вам бесплатную электрозавивку.

Флойд и Брюс неохотно подчинились.

— Настоящий Бартоли, — сказал Линкольн. — Какие у тебя мутации?

Повторюшка нахмурился.

— Я предпочитаю термин «особые таланты».

— Мутации, особые таланты — называй как хочешь. Что ты умеешь?

— Я — врач этой группы.

— Исцеляющие руки, слышал о таких. Ты тоже обладаешь внечувственным восприятием?

— К чему?

— К миру духов. Ученые по телевидению говорят, что опыты Бартоли пробудили в вас части мозга, находившиеся в спячке многие тысячелетия.

— Я знаю, что говорят эти умники, — с необычной для него яростью рывкнул Повторюшка. — Нет, ничем я не обладаю, просто красиво выгляжу, вот и все.

Линкольн откинулся на спинку протертого до дыр кресла.

— Ну что ж, Стефан, похоже, твоя взяла. Поговорим о деле. Чем я могу тебе помочь?

— Мне нужен высотный низкоорбитальный корабль, — прямо сказал Стефан.

Линкольн снова засмеялся. Частички ржавчины посыпались из морщин на его лице.

— ВНОК, и только-то. Что, даже не поболтаем немного?

— У меня нет времени на болтовню. Мне нужен ВНОК. Сегодня. Сейчас.

— Откуда у меня быть ВНОКу? Это незаконно. Меня давно арестовала бы частная или государственная полиция. Твоя мать, вероятно, ошиблась. Возможно, увидела мираж.

Стефан стукнул кулаком по столу.

— Моя мать отлично разбиралась в космических кораблях. Это было ее хобби. Она часто приводила меня на пусковую площадку, с которой мы наблюдали за взлетом ракет. Она знала каждую модель, любого года выпуска. Она не могла ошибиться. Ты — космический пират, которого с удовольствием арестовала бы частная полиция.

— А если и так? — сказал Линкольн. — Не подумай, что я в чем-то признаюсь. Кто еще очистил бы космос? Кто еще занялся бы буксировкой на Землю все этих заброшенных спутников? По моему скромному мнению, человек, запускающий все эти незаконные ВНОКи, приносит Земле пользу. Первый в мире космический мусорщик. И я считаю, пиратские телевизионные передачи, которые появляются не слишком часто, — не такая уж высокая цена за чистый космос.

— Да, конечно, ты заслуживаешь того, чтобы тебя наградили медалью. Итак, где корабль?

Лицо Линкольна вдруг стало убийственно серьезным.

— А почему я должен отдавать его вам? Кучке несмышленных детей? Вы слишком молоды, чтобы управлять тарантасом, который стоит на улице, не говоря уже о ВНОКе.

— В Большой Чушке вырослешь быстро, — горько заметил Стефан. — Мы уже много лет

выживаем самостоятельно. В последнее время взрослые делали для нас только одно — пытались убить. Ты можешь запрограммировать ВНОК прямо отсюда, корабль взлетит и вернется, а мы даже не прикоснемся к пульту управления. Нам нужно только оказаться на борту.

— Ты все еще не сказал, почему я должен отдать вам корабль, даже если бы он у меня был. Какая мне в том выгода?

Стефан достал компьютерную плату из внутреннего кармана своего нового пальто и положил ее на стол.

— И что же это такое? — спросил Линкольн, стараясь ничем не выдать свой интерес. — Последняя трехмерная видеоигра?

— Нет, Линкольн. Это дополнительная электронная плата. С солнечной батареей «Локхид-Мартин» и емкостью памяти два миллиона гигабайт. Недавно я приобрел ее у одного своего друга.

Линкольн тронул пальцем плату.

— Дополнительная плата. Действительно. Что сейчас находится в памяти?

— В данный момент ничего. Тут достаточно памяти, чтобы управлять пиратской телевизионной станцией.

Линкольн взвесил плату на ладони.

— Теоретически — да, но необходимо подключиться к большой «тарелке».

— У нас есть тарелка. Самая большая.

— Не шути, Стефан, я сам люблю пошутить. Никто не может приблизиться к спутнику без кодов доступа корпорации. Стоит только приблизиться на милю, и тебя превратят в космическую пыль.

Стефан положил плату в карман.

— О кодах позволь позаботиться мне. Такая возможность предоставляется раз в жизни, Линкольн. При помощи платы я могу подключить тебя к спутнику. Ты сможешь передавать все, что хочешь, в течение нескольких месяцев, прежде чем властям удастся отследить плату.

Линкольн задумчиво поскреб подбородок. Так задумчиво, что проглянула чистая кожа.

— И от меня требуется только?..

— Дать мне пусковую карточку для ВНОКа, который, как я знаю, спрятан у тебя за этой помойкой.

— Говоришь, два миллиона гигабайт?

— И все твои. Я дам тебе чип подключения, и — готово.

Линкольн уже согласился, но еще не хотел сознаваться в этом.

— Знаешь, сколько стоит один такой чип?

— Примерно десятую часть того, что ты работаешь на независимых телевизионных компаниях.

— Может быть, ты просто пытаешься меня обмануть. Может быть, тебе просто нужен мой корабль, и никаких кодов у тебя нет.

Свирепый взгляд Стефана пронзал, как лучом, пыльный воздух.

— Даю тебе слово, Линкольн. Клянусь могилой матери.

Космический пират замахал руками.

— К чему такие ужасы, все эти клятвы на могилах! Экий моветон.

— Значит, договорились?

Линкольн встал, ржавчина посыпалась с его одежды как высохшая змеиная чешуя.

— Хорошо, юный Башкир. Мы договорились.

Стефан протянул руку.

— Скрепим сделку рукопожатием.

Линкольн не обратил внимания на его жест.

— Это подождет. Сперва верни мой корабль в целости и сохранности.

Линкольн провел супернатуралистов в дальнюю часть свалки к плотной стене, сложенной из кузовов машин. Он достал гаражный пульт дистанционного управления, висевший у него на шее, и нажал кнопку. Стена разделилась

посередине, и створки поползли в стороны, скрипя ржавыми роликами. И едва ворота стали открываться, с полдюжины приземистых псов на амортизирующих цепях рванулись вперед. Их губы оттянулись назад, обнажив желтые клыки, из пастей свисали к земле похожие на веревки слюни.

Линкольн нажал другую кнопку на пульте дистанционного управления, и амортизирующие цепи намотались на катушки, оттащив собак.

— Все эти высокие технологии — сущее дерьмо, никакая система безопасности не может сравниться с голодным псом.

Что за породы были псы, угадать не удавалось. Морды у них были тупыми, шерсть — красноватая. Линкольн бросил им немного костей из ведра.

— Как вам мои крошки, нравятся? Неदेशево обошлись. Доставили по трубе прямо с Кубы. В них в основном гены питбулей, с легкой примесью медведя и совсем чуть-чуть от хамелеона, для окраса.

ВНОК стоял на решетке, под ледяным колпаком. Насосы морозильников плевались замороженными кристаллами в блестящую поверхность. Корпус корабля переливался за замороженными панелями.

— Ты очень везучий юноша, Стефан, — сказал Линкольн. — На сегодняшний вечер был запланирован запуск. Ничего особенного, обычный полет на поиски всякого хлама. Если бы не это, нам потребовалось несколько дней, чтобы заморозить сетку.

Космо подошел поближе к Моне.

— Зачем весь этот лед?

— Для маскировки, Космо. ВНОКу необходима пара жидкостных ускорителей, чтобы подняться на полмили, прежде чем включится солнечный двигатель. Выброс тепла от сгорания жидкого топлива обязательно отразился бы на сканерах «Маичи». Корпорации не слишком любезно обходятся со снующими по космосу пиратами. Лед не дает никому засечь запуск. Пираты используют его уже несколько десятилетий.

Флойд и Брюс оттащили баграми одну из ледяных панелей. ВНОК стоял на четырех прямоугольных блоках, как автомобиль, у которого сняли колеса.

Супернатуралисты вошли в ледяное царство. Космо коснулся холодной обшивки корабля.

— Эта штука летает?

Линкольн отвесил ему оплеуху.

— Конечно летает, нахал. Она летает, взмывает ввысь, парит. Но самое главное — она приземляется. — Он напыщенным жестом пе-

редал Стефану пусковую карточку. — Полагаю, ты не хочешь поделиться со мной целью путешествия?

Стефан положил карточку в карман и передал Линкольну плату «Локхид-Мартин».

— Ты полагаешь правильно, старина. Мы вылетаем на закате, поэтому у тебя есть целых три часа на загрузку в память платы любого программного обеспечения.

— У вас есть механик?

Мона уже достала отвертку и колдовала над одной из панелей доступа.

— У нас есть механик. Дайте мне час, и я скажу, есть ли у нас корабль.

Мона доложила о двадцати четырех неполадках в электронной, компьютерной и механической системах корабля.

— Двадцать четыре? — Стефан задумчиво почесал подбородок. — Что-нибудь серьезное есть?

Мона взглянула на список.

— В основном они касаются только удобств для пассажиров. Пора менять воздушные фильтры, но если полет продлится недолго, ничего страшного с нами не случится. Я проверила давлением скафандры. Все, кроме одного, нужно подлатать. Итак, в космос тебе придется выходить одному.

— Отлично. Никому, кроме меня, не придется рисковать.

— Закрылки едва поворачиваются, поэтому никаких виражей. Почти все цепи соединены при помощи изоляционной ленты из прошлого столетия, а обзорный иллюминатор зарос грязью.

— Стеклоочистители?

— Отсутствуют как вид.

— Тогда найдите губку и теплую воду. Влетаем через час.

Конусообразный ВНОК весил четырнадцать тонн. Управлялся корабль закрылками и дюжиной газоструйных двигателей, из которых работали всего шесть. Когда-то корпус был выкрашен в голубой цвет Европейского Союза, но почти вся краска стерлась во время пиратских миссий. У основания корабля были закреплены два ускорителя, которые обеспечивали реактивное движение для начального преодоления гравитации, после чего включалось в работу «обручальное кольцо».

«Обручальное кольцо» представляло собой позолоченные пояса солнечных батарей, которые во время движения корабля непрерывно менялись местами. Каждая батарея заряжалась, затем возвращалась на свое место, чтобы войти в контакт с магнитным кольцом на корпусе, отдать свой заряд и уступить место следующей

батарее. В открытом космосе ВНОК больше всего напоминал вращающую хула-хуп девушку.

— Как далеко в космос мы полетим? — поинтересовался у Моны Космо.

Мона выполняла последнюю проверку систем, изредка заглядывая в потрепанное руководство по эксплуатации — пухлую книжицу с загнутыми углами.

— Строго говоря, в космос мы вообще падать не намерены, просто покинем пределы атмосферы. И вообще, какая тебе разница, Космо? Ты не переживешь падения даже с пятидесяти футов. В любом случае если нам и суждено погибнуть, то от утечки воздуха, а не от падения.

— Спасибо, — сказал Космо. — Ты меня успокоила.

— Отлично, потому что ты будешь моим вторым пилотом.

От ледяных панелей тянуло жутким холодом, и Космо поплотнее запахнулся в свою камуфляжную куртку.

— Вторым пилотом? Я не умею даже посылать координаты автомобиля на спутник.

— Не волнуйся, Космо. Компьютер сделает за нас почти всю работу, а когда мы подлетим достаточно близко, нас поведет спутник.

— Если получим коды доступа, — напомнил ей Космо.

На пульте управления загорелся красный индикатор. Мона нахмурилась и постучала по нему пальцем. Цвет сменился на зеленый.

— Если Стефана это не беспокоит, почему должно беспокоить меня?

Из люка показалась голова Линкольна.

— «Локхид», — сказал он, передавая Моне дополнительную плату. — Подсоедини как следует. Убедись в том, что контакт надежный. Запуск через десять минут.

Моне явно не понравилось, что ею пытаются командовать.

— Запуск через десять минут? Здесь есть центр управления полетами, который я как-то проглядела?

Линкольн умильно улыбнулся.

— Нет, моя язвительная малышка, центра управления нет. Но в насосах морозильников кончается горючее, поэтому вы взлетите через десять минут, иначе лед растает, а если он растает, вы не взлетите никогда. Объяснишь все это Стефану, или мне самому объяснить?

Мона тут же вернулась к предстартовой проверке.

— Все понятно. Через десять минут.

Девять минут спустя супернатуралисты были надежно пристегнуты к гирокреслам и затянуты в армированные куртки, предохраняющие

грудную клетку от перегрузок. Над их головами искрились в сумеречном свете ледяные панели.

— Лед расколется, верно? — спросил Космо. — Он выглядит довольно толстым.

Палец Моны завис над кнопкой запуска двигателей.

— Теоретически должен. Нос оснащен ле-доколом.

Повторюшка и Стефан сидели сзади. Гирокресел было только три, поэтому Повторюшка устроился у Стефана на колене и пристегнулся дополнительным ремнем. Ребенок Бартоли был очень недоволен.

— Из всех унижений, которые мне довелось вынести из-за своих невеликих размеров, это — самое страшное, — заявил он.

Стефан похлопал его по голове.

— Перестань, мой маленький. Сказку рассказать?

— Стефан, сейчас не время. Может быть, я маленький, но это не значит, что я не могу задать тебе трепку.

Мона развернулась в кресле.

— Ты слишком много капризничаешь, Повторюшка. Газы замучили?

Ребенок Бартоли резко наклонился вперед, но его удержал ремень.

— Взлетай, Мона, — сказал Стефан, — пока он не вырвался.

Мона открыла предохранительную крышку кнопки запуска.

— Поехали.

Ускорители с оглушительным ревом включились, и буквально за несколько секунд лед превратился в пар. Ледяные панели растаяли, пар окутал ВНОК, закрыв лобовой иллюминатор.

Корабль медленно поднялся над пусковой площадкой, преодолевая удерживающую его силу тяготения. Зловещим красным светом загорелись индикаторы мощности, когда компьютер повысил тягу. Ледокол на носу разбил верхнюю ледяную панель. Ниже кипела вода, и пар почти застилал землю густым туманом.

Космо казалось, что его тело разваливается на части. Совсем не такие полеты показывали в рекламных видеофильмах. Впрочем, супернатуралисты находились не в управляемом спутником комфортабельном прогулочном корабле. ВНОК был двадцатилетним пиратским кораблем с двумя ускорителями, и памяти его компьютера едва ли хватило бы для управления развлекательным комплексом.

Нос немного опустился.

— Самый опасный момент, — сказала Мона, стуча зубами. — Если начальный импульс тяги

слишком сильный, корма поднимается быстрее носа.

— А что потом?

— Потом мы начинаем вращаться.

— Звучит не слишком приятно.

— Не только звучит.

Компьютер немного снизил тягу, выровнивая корабль.

— Так, положение вертикальное. Сейчас начнется веселье.

Новичок Космо собирался задать следующий вопрос: «Веселье? Какое еще веселье?» И тут включилось «обручальное кольцо», добавив мощность сверхэффективных солнечных батарей к мощности угасавших ускорителей и литиевых аккумуляторов ВНОКа. Корабль пробкой вылетел за зеленоватые облака на скорости 1500 миль в час. Перегрузка вернула так и не успевший сорваться с губ вопрос Космо обратно в глотку.

Мона могла говорить, хотя жилы на ее шее натянулись как растяжки моста.

— Вот и веселье.

«Синее небо», — подумал Космо, когда дрожь прекратилась. Небо действительно было синим. Иллюминатр покрывали зеленоватые полосы липкой взвеси, содержащейся в смоге, но за ними простиралась испещренная звездами си-

нева неба. Восхитительное зрелище. Синее небо, как на старых открытках. Вид из обсерватории «Маичи» был поразительным, но не шел ни в какое сравнение с этим, потому что небо было вокруг, куда ни посмотри. Космо удалось рассмотреть даже белое облако на самой границе атмосферы.

Динамики компьютера монотонно прогнали сообщение: «Гравитация составляет одну пятую от земной. Включаю искусственную гравитацию».

— Отлично, — сказала Мона. — Эта невесомость плохо действует на мой желудок.

Потом компьютер сообщил: «Неисправность в системе искусственной гравитации».

Мона несколько раз ударила по переключателю искусственной гравитации, но результата не последовало.

— Чудесно, — простонала она. — Рвотная комета.

— Что? — не понял Космо, и тут же почувствовал, как подступает к горлу содержимое желудка.

— Не шевелись, — предупредила его Мона. — К пониженной силе тяжести нужно привыкнуть. Не отстегивай ремень. — Она оглянулась. — Гравитация ноль. Постарайтесь не двигаться.

— Слишком поздно, — сказал Стефан.

Повторюшка повис на ремне, наклонившись вперед. Лицо его было зеленым, а перед ним качалось в воздухе бесформенное коричневатое пятно.

— Зачем только я съел утром эту паццу, — простонал он.

Стефан достал из-под сиденья портативный пылесос и убрал рвотную массу.

— Спасибо, Повторюшка. Обожаю этим заниматься. Честное слово, меня от этого просто тошнит, извини за каламбур.

Компьютер включил тормоза, вернее носовые реактивные двигатели, снизив скорость ВНОКа до четырехсот миль в час. Спутник, похожий на космическую базу инопланетян, висел на границе атмосферы. На вогнутом днище гигантской «тарелки» пульсировал стилизованный логотип «Маичи».

— Я где-то читала, что для лазерной проекции этого логотипа требуется столько же энергии, сколько для освещения двадцати городских кварталов, — сказала Мона.

Они приближались к спутнику, который закрывал собой небо, и уже могли рассмотреть сотни операторов из обслуживающего техперсонала, которые ремонтировали поверхность антенны. Они были одеты в магнитные ботинки и, кроме того, привязаны к «тарелке» амортизирующими тросами на альпинистских кара-

бинах. Движения операторов были выверенными и точными: техники то взлетали над вогнутой параболической поверхностью в космос, то аккуратно опускались в нужную точку антенны.

— Готов поспорить, все не так просто, как выглядит, — сказал Повторюшка, вытирая губы. — Рад, что не мне придется заниматься этой акробатикой.

С пульта управления раздался сигнал.

— Нас вызывают, — сказала Мона, открывая канал связи.

Из динамиков донесся голос, холодный, как сам космос:

— Неопознанный ВНОК, вас вызывает ЦУП* спутника, вы находитесь в пространстве «Маичи».

Стефан отстегнул ремень безопасности и, держась за поручень, прошел вместе с Повторюшкой к пулту.

— Слышу вас, спутник, — сказал он в гибкий микрофон пульта. — Передаю код доступа.

— Тридцать секунд, — произнес голос. — Затем мы иницилируем наведение на цель.

Стефан достал свой видеофон и открыл список исходящих звонков. Он выбрал свой последний звонок Эллен Фаустино в башню «Ма-

* ЦУП — центр управления полетами.

ичи» и включил воспроизведение. На крошечном экране появилась Эллен, объясняющая Стефану, почему она не может обеспечить доступ к спутнику. Для того, чтобы подтвердить свои слова, она развернула экран компьютера и показала ему расписание. Список компаний был отчетливо виден на экране. Рядом с каждой были указаны временные рамки и код доступа.

— О'кей, спутник. Мы — бригада обслуживания из автомобильной компании «Кром».

— Вы из «Крома»? — спросил сотрудник службы безопасности. — На этом ведре с болтами?

— Эй, мы бригада по обслуживанию, а не члены королевской семьи, — сказал Стефан, стараясь говорить обиженным голосом. — Пятичасовая реклама проскакивает, и нас послали установить новую плату.

— Мы могли сами устранить неисправность, зачем было проделывать такой длинный путь?

— Не хочу вас обижать, но вы берете огромные деньги даже за полировку солнечных батарей. А мы, так уж вышло, в нужный момент оказались под рукой. У нас есть код, так что осветите нам стыковочный порт.

— Сначала введите код, потом поговорим о вашем служебном порте.

Стефан передал видеофон Моне, которая ввела десятизначный код дважды, второй раз — для подтверждения.

— О'кей, — неохотно произнес охранник. — Доступ разрешен. Порт номер семьдесят пять. Следите за посадочными огнями и не выходите за пределы порта.

— Вас понял, спутник. Удачного дня.

В приказе следить за посадочными огнями не было необходимости, потому что компьютер настроился на частоту красных маяков и направил ВНОК прямо к порту семьдесят пять. Огни маяка были расположены концентрическими окружностями и напоминали мишень, центр которой находился рядом со стальным трапом, выступавшим из тарелки. Таких трапов по всей антенне было разбросано сотни. На трапе красовалась эмблема «Крома». Корабль пришвартовался с глухим ударом, и двое операторов антенны мгновенно подскочили, чтобы завести носовой и кормовой тросы.

— Прибыли, — сказал Стефан, отстегивая ремень Повторюшки. — Приготовьте кабели, пока я буду надевать скафандр. — Он вытащил чемоданчик из верхнего ящика и скрылся в галюне.

Повторюшка размотал похожий на змею кабельный канал из стыковочного узла. Внутри находились два кабеля: силовой и модемный. Древний корабль не был оборудован средствами беспроводной связи для передачи такого объема информации.

— По мнению «Маичи», мы просто заряжаем аккумуляторы и заменяем видеочип «Крома». А на самом деле наш босс, когда выйдет в космос, подключит модемный кабель, и мы воспользуемся спутником для тайных поисков.

— А сколько времени на это понадобится?

— Не слишком много, Космо. Думаю, будет достаточно одной минуты. Если понадобится больше, «Маичи» поймет, чем мы занимаемся. Кроме того, здесь скоро может появиться настоящая бригада «Крома».

Из галюна появился Стефан. Он был без скафандра.

— Все отменяется. Надо найти другой способ.

Мона быстро развернулась на кресле.

— Что? Другой способ? Почему?

Стефан показал ей скафандр с красной надписью «Флойд» на именной табличке.

— Этот скафандр. Он мне мал.

— Нет, — сказала Мона. — Скафандры выпускаются только одного размера, который подходит всем. Рукава и штанины раздвигаются.

Стефан вздохнул.

— Обычно — да. Но этот скафандр сделан в прошлом столетии. Для одного человека. Человека низкого роста. Ничего не получится. Отчаливай, пока нас не поймали.

Мона расстегнула свой противоперегрузочный жилет.

— Значит, пойду я.

— Даже если бы мне понравилась твоя идея, она не оправдана. Ты — пилот, Мона. Если компьютер выйдет из строя, а на таком корыте это может произойти в любой момент, только ты сможешь вернуть нас домой или, по крайней мере, приземлить в радиусе сотни миль от него.

Мона задумчиво покусала губу. Стефан был прав.

— Повторюшка, ты разбираешься в компьютерах. Придется идти тебе.

Ребенок Бартоли скрестил руки на груди. Его жест был очевиден для всех. Но чтобы ни у кого не оставалось ни малейших сомнений, он сказал:

— Только в твоих снах, Васкез. Даже ведро гормонов роста не заставит меня забраться в этот скафандр. В любом случае, как сказал Стефан, он не регулируется. Даже если вы меня в него запихнете, я буду выглядеть как ребенок в маскарадном костюме.

У Космо вдруг пересохло в горле. Никто не стал бы просить его. Он был новичком. Решение должен был принять только он, добровольно.

— Я пойду, — выпалил он.

Стефан погрозил ему пальцем.

— Нет. Не пори чепухи, Космо. Сам не понимаешь, что говоришь.

Разум Космо с этим согласился. Он не понимал, что говорит, но он был членом команды, и работу нужно было сделать.

— Я пойду. Скафандр подойдет мне по размеру. Я должен просто подключить несколько проводов, верно?

Мона, к его удивлению, не была в восторге от такого предложения.

— Не знаю, Космо. Кто знает, насколько опасным это может оказаться? Может быть, нам лучше отказаться от нашей затеи.

Повторюшка подплыл по воздуху к его голове.

— Послушай Васкез, парень. Меня беспокоит не работа, а шанс, что ты улетишь в космос и останешься там навеки.

Космо протянул руку к лобовому стеклу. До трапа было не больше двадцати футов.

— Я вижу порт отсюда. Все время буду привязан. Что со мной может случиться?

Повторюшка хлопнул себя по лбу.

— Ты не мог сказать иначе, да? Околдован, как и все остальные.

— Я знаю, насколько это важно, — попытался оправдаться Космо. — Если мы вернемся в город без данных, кто знает, когда у нас появится еще один шанс? Не понимаю, в чем про-

блема? Это же куда менее опасно, чем носить-ся по крышам, как делали мы каждую ночь.

— Я знаю, Космо, — сказал Стефан. — Но за последнюю неделю я многое понял и образумился.

Космо потянулся за скафандром.

— Всего пять минут, и у нас будет карта с каждым гнездом паразитов в городе.

Стефан передал ему скафандр.

— Пять минут, Космо. И мы вытягиваем тебя сюда.

Мир был у ног Космо. Супернатуралист смотрел сквозь сетку трапа и видел Землю, до которой было чуть больше пятидесяти миль. Отсюда все ее болячки были как на ладони. Сквозь бреши в многоцветных облаках он видел лесные пожары рядом с Лос-Анджелесом, о которых твердили в новостях уже больше месяца.

«Тарелка» спутника нависала над головой словно застывшая приливная волна, грозя обрушиться на Космо и все пришвартовавшиеся к другим портам челноки. Только на этом уровне их было не меньше сорока. Десятки операторов делали то же, чем занимался он, — подключали компьютеры кораблей к спутнику.

Рации в скафандре Флойда не было, поэтому Космо слышал только собственное дыха-

ние, усиленное замкнутым пространством стеклянного шлема. Хорошо хоть прозрачный щиток шлема был покрыт предотвращающим запотевание средством, и обзор оставался чистым, не считая нескольких царапин и щербинок.

Чтобы избавиться от гнетущего чувства одиночества, Космо стал разговаривать с собой. «Так, Космо. Ничего страшного. Взять кабель и подключить его к порту. Вставить дополнительную плату, подождать сигнала, что все в порядке, и смотать кабель. Проще простого».

Ботинки Флойда не были магнитными, поэтому мальчик вынужден был продвигаться вдоль корпуса дюйм за дюймом. Космос, казалось, притягивал его, подсказывал разжать руки. Но даже если бы он так поступил, с ВНОКом его связывал амортизирующий кабель. «Ничего с тобой не случится. Приступай к работе».

Стефан и Мона внимательно наблюдали за ним через иллюминатор. Космо показал им два больших пальца, затем наклонился, чтобы извлечь кабель из трубки с воздушным шлюзом, через которую его подавал Повторюшка. Он вытащил белый шланг и прикрепил его к «липучке» на груди скафандра. Его движения были медленными и скованными из-за низкой силы тяжести.

Космо направился к порту, с трудом управляя руками и ногами, а вокруг другие операторы прыгали и выписывали пируэты на поверхности антенны.

Поручень трапа казался очень тонким из-за неуклюжих толстых перчаток, и Космо постоянно проверял, действительно ли он находится у него в руке. Дюйм за дюймом он полз по трапу, болтая ногами в воздухе, а пуповины троса и кабеля, извивались, как заснятые в замедленном режиме резиновые тросы для прыжков.

Наконец Космо удалось добраться до «тарелки» спутника. В первую очередь ему предстояло вставить пиратскую плату Линкольна. Он достал плату «Локхид» из кармана скафандра и надежно вставил ее в разъем другой платы. Обе были настолько тонкими, что их было почти невозможно заметить даже с небольшого расстояния. Всего десять футов до портов связи. Поручни пересекали всю поверхность антенны, и Космо пополз «вверх», таща за собой трос и кабель. Пять футов, почти можно дотянуться.

Силовое и модемное гнезда были защищены поворотной крышкой. Космо предстояло только отодвинуть ее и подключить оба кабеля. Очень просто, но он не мог до нее дотянуться. Из-за кривизны антенны крышка кабеля была дальше солнечных панелей, а трос скафандра

Флойда оказался на пару футов короче, чем было нужно. Космо растянул амортизирующий трос до предела эластичности, но все равно не мог дотянуться до крышки. Ему казалось невероятным, что, проделав весь этот путь, он потерпит неудачу из-за нескольких последних футов.

Он медленно повернулся к челноку. Мона подавала ему знак вернуться. «Что я могу сделать? — спросил он себя, и голос особенно громко прозвучал внутри шлема. — Другого выхода нет».

«Нужно отстегнуть трос. Всего на секунду», — будто шепнул ему кто-то невидимый.

Отстегнуть трос? Безумие.

«Всего на секунду. Закрепить его на поручне и подключиться. Всего два шага».

Возможно, но одно неверное движение, и ты потеряешься в космосе.

«Два шага».

«Идиот», — сказал Космо и отстегнул трос.

Краем глаза он увидел Стефана и по губам понял, что супернатуралист искренне соглашается с такой оценкой. Мона колотила ладонями в стекло иллюминатора. Если Космо и произвел на нее впечатление, то не слишком благоприятное.

Одной рукой он крепко ухватился за поручень, другой привязал к нему трос. Космо не

собирался привыкать к подобным трюкам. Только один раз. Все будет в порядке, надо только хорошенько сосредоточиться и не отвлекаться ни на секунду.

Преодолев всего две ступени трапа, он приблизился к порту связи. Космо просунул руку под поручень, крепко зафиксировав локоть. Ничто не смогло бы заставить его сейчас ослабить мертвую хватку. Он сорвал кабель с груди и ввернул его в порт. Силовой и модемный провода надежно подключились к разъемам. Рядом с портом загорелся зеленый индикатор. Контакт. Теперь оставалось только сосчитать до шестидесяти.

Стефан склонился над подключенным к бортовому компьютеру ноутбуком.

— Работает? — спросила Мона, прижавшись ладонями и лицом к стеклу.

Стефан поднял палец: «Подожди!»

— Не могу поверить, что он отвязался. Эступидо. Надеюсь, он не думал, что произведет этим на меня впечатление. Если думал, то ошибся. Работает?

Стефан хлопнул в ладоши.

— Работает! Теперь нам нужно не больше шестидесяти секунд.

Если Мона притворялась, что действия Космо не произвели на нее впечатления, Повторюшка не скрывал своих чувств.

— Вот и пропал еще один наводчик. Нам следует дать объявление на телевидение. «Требуется сумасшедший юноша с тягой к самоубийству. Пластины “роботикс” за счет фирмы».

— Думай о хорошем, — оборвала его Мона. — Ему нужно продержаться всего шестьдесят секунд.

Повторюшка хмыкнул.

— Шестьдесят секунд. Учитывая то, как ему везло в последнее время, с таким же успехом можно говорить о всей жизни. Не удивлюсь, если именно в этот момент в «тарелку» попадет метеорит.

Этого, конечно, не произошло.

Космо считал:

— ...пятьдесят восемь слонов, пятьдесят девять слонов, шестьдесят... слонов.

Еще один слон, на всякий случай. Пора возвращаться к тросу. Он уже отсоединял кабель, когда по спутнику пробежала едва ощутимая дрожь. Космо поднял взгляд, и ему показалось, что жилой отсек немного перекосился. Внутри кувыркались и падали люди. Еще толчок. Намного сильнее первого. Вокруг него операторы торопливо оставляли рабочие места и летели к концам фалов. С жилым отсеком явно было что-то не в порядке. Два угла полностью отошли от основной конструкции. Еще

один толчок, просто чудовищный, по сравнению с двумя прежними. Жилой отсек оторвался от спутника. Космо тоже.

Космо непроизвольно разжал пальцы и полетел в открытое пространство. Его крик не слышал никто, кроме него.

На шлемах всех находившихся рядом операторов замигали аварийные индикаторы, предупреждая всех об опасности. Под действием включившихся газоструйных двигателей жизнеобеспечения жилой отсек отклонился от основной конструкции еще дальше. Космо оставалось только наблюдать и стараться не паниковать. В панике человек начинает тяжело дышать, а индикатор запаса кислорода угрожающе приближался к красному сектору.

Спасательная операция выглядела фантастически. Десятки операторов антенны бросились в бездну космоса, чтобы успеть закрепить на отсеке, прежде чем он отойдет от спутника слишком далеко. Они цеплялись за малейшие выступы, выполняя роль живых якорей. Несколько операторов непрерывно прыгали на одной стороне отсека, разворачивая его так, чтобы струи газа толкали его назад к спутнику. Просто потрясающе! Эти ребята были настоящими космическими ковбоями. Космо хотелось аплодировать им. Потом он вспомнил о собственном отчаянном положении.

Что-то ударило его в грудь. Первая мысль была мимолетной и нелепой. Инопланетянин! Нет, это был оператор. Лицо мужчины было красным, а стекло шлема скафандра было забрызгано слюной изнутри.

Космо показал на уши и покачал головой.

Оператор снял звуковой прибор с пояса и прикрепил миниатюрные динамики к шлему Космо. Связь была установлена мгновенно.

— ...какого черта ты делаешь? Как ты посмел отвязаться? Из ума выжил?

— Э... простите.

— Ты что, не читал почту компании? Спутник нестабилен. Последнее время такие отрывы происходят все чаще. Слава богу, я заметил тебя. В какой компании ты работаешь?

Космо напряг память.

— Э... «Кром». Я работаю в «Кроме».

Оператор закатил глаза.

— «Кром». Я так и думал. Готов поспорить, у тебя не больше двух часов тренировки в космосе. Нанимают дилетантов, экономят деньги, «Кром» всегда так поступает. Совсем еще мальчишка. Сколько тебе лет?

— Двадцать два, — пробормотал Космо. — Пью много воды, поэтому выгляжу моложе.

— Двадцать два, — повторил оператор, небрежно направляясь вместе с Космо к «тарелке». — Должно быть, мне пора на пенсию.

Оператор завершил космическую прогулку, вернув Космо на трап и пристегнув мальчика к тросу.

— Я должен это записать, — сказал он, снимая клавиатуру с закрепленного на запястье компьютера. — Как тебя зовут?

Космо вовремя вспомнил указанное на табличке скафандра имя.

— Э... Флойд. Флойд Фаустино.

— Итак, Флойд, — сказал оператор, набирая имя на клавиатуре. — Это означает штраф для «Крома» и, вероятно, для тебя.

Он распечатал карточку и сунул ее в карман скафандра Космо.

— Оплати штраф в течение четырнадцати дней или лишишься лицензии оператора антенны.

— Да, сэр, — смиренно произнес Космо. — Извините, сэр.

Оператора не тронули ни слова, ни почти-тельный тон.

— Пошел ты со своим «извините, сэр». Оплати штраф.

Сказав это, техник поспешил по поверхности тарелки крепить жилой отсек. Космо вернулся по тросу в челнок.

Мона ждала его у воздушного шлюза.

— Идиот, — сказала она, ударив его по плечу.

— Я знаю, — произнес несчастный Космо, чувствуя, как подгибаются внутри скафандра ноги. — Мы можем вернуться на Землю? Только поскорее. Прошу тебя.

Стефан изучал результаты сканирования.

— Не знаю, Космо. Может быть, тебе захочется остаться здесь, когда ты узнаешь результаты.

Космо снял шлем.

— В чем дело? — спросил он со смехом. — Неужели ты хочешь сказать, что логово паразитов находится под институтом Клариссы Фрейн?

Никто не засмеялся. Даже не улыбнулся.

ГЛАВА 8

— ❖ —

ИМПУЛЬС

Абракадабра-стрит

Космо почти ничего не говорил, когда они возвращались из космоса. Не то чтобы он надулся, потому что сердиться было не на кого. Он просто думал, когда это все закончится. Сколько раз за одну неделю мог человек находиться на грани смерти? А теперь его просили вернуться туда, где его жизнь была сплошным кошмаром. Туда, откуда он пытался сбежать все четырнадцать наполненных мучениями лет.

— Ты сделаешь? — спросил Стефан, когда все собрались за столом.

Космо посмотрел каждому в глаза. Супернатуралисты. Он действительно стал одним из них, даже выходил ради них в открытый космос. Он должен был сделать это не для себя, даже не для группы. Энергетический импульс должен быть высвобожден ради каждого человека на планете. Иногда трудно было думать

о других, особенно если ты вырос сиротой. Но сейчас он должен был думать о Моне, Стефане и Повторюшке.

— План очень простой, — сказал Стефан.

— Понятно, такой же простой, как последний, — сказал Космо.

— Он был простым, пока ты не стал импровизировать. На этот раз тебе нужно будет только показать мне дорогу.

— Он простой, когда ты *говоришь* об этом, но случится что-нибудь непредвиденное, как всегда. Я заметил, что новое колено начинает чесаться, когда грозит беда, и сейчас оно чешется просто безумно.

— Верь колену, Космо, — прогундел Повторюшка замогильным голосом.

— Заткнись, Повторюшка, — резко произнесла Мона. — Это крайне важно.

— Конечно, очень важно, чтобы мы подложили бомбу для «Маичи».

— Это просто импульс. Энергетический импульс.

— По их словам. Кто знает, что эта штука сделает на самом деле?

Стефан открыл чемоданчик и повернул его к ребенку Бартоли.

— Это — импульс, Повторюшка, понял? Я сам проверил.

Повторюшка даже не посмотрел на прибор.

— Да, конечно. Кстати, а акции по льготной цене тебе не предложили?

Мона вышла из себя.

— Ты можешь сказать хоть что-нибудь положительное? Я начинаю сомневаться, на чьей ты стороне.

Повторюшка вскочил на ноги, но выше от этого не стал.

— Что это значит?

Стефан положил руку на плечо Моны.

— Перестань.

— Не перестану. Я начинаю думать, что ты не хочешь, чтобы мы уничтожили паразитов.

Повторюшка побагровел от возмущения.

— Может быть, я не хочу, чтобы мы уничтожили их для «Маичи»!

— Тогда, может быть, тебе следует поискать другую работу?

Некоторое время они смотрели друг на друга, потом Повторюшка отвел взгляд и побежал к лифту.

— Мона, ты вела себя недопустимо, — сказал Стефан, когда последнее эхо спора стихло.

Мона с вызывающим видом сложила руки на груди.

— Как и он.

Стефан встал и принялся выбирать подходящий костюм из висевших на вешалках.

— Ты извинишься перед ним до моего возвращения.

— До *нашего* возвращения, — поправил его Космо. — Без меня тебе не пробраться в подвал.

Стефан бросил ему костюм размером поменьше.

— Молодец, Космо. Без тебя мне не пробраться в логово льва. Ты возвращаешься в институт Клариссы Фрейн, в последний раз.

Институт Клариссы Фрейн

Охранник Редвуд почти не удостоил вниманием двух подошедших к входной двери мужчин в костюмах. Решил, что они были представителями какой-нибудь фармацевтической фирмы и пришли сюда в поисках подопытных кроликов для испытаний нового лекарства. Они малость смахивали на пару комедийных актеров. Верзила и коротышка. Редвуду было наплевать, даже если бы они оказались работоторговцами. Если они собирались похитить сирот, Редвуд помог бы загрузить фургон. Он ничем не был обязан институту Клариссы Фрейн. Особенно после того, как его усадили в будку охраны до окончания расследования. И все из-за этого скользкого Космо Хилла. Очевидно, пацану удалось выжить после падения с кры-

ши, и сейчас он считался беглецом. Если бы Космо был хорошим мальчиком и отдал концы, когда пришел его час умирать, Редвуду не пришлось бы сейчас сидеть в этой будке в компании идиотов-охранников и смотреть телевизор по восемь часов в день.

Фред Аллесканти (вероятно, самый выдающийся идиот города) потягивал синтокофе, развалившись в самом удобном кресле.

— Эй, Фред, моя очередь сидеть во вращающемся кресле.

Фред отвратительно громко отхлебнул кофе.

— Придется потерпеть, Редвуд. Без надежной подпорки у меня жутко болит спина.

Редвуд нахмурился.

— А если я отберу у тебя кресло? Скажем, сойду с ума и выброшу тебя в окно, а потом устраюсь поудобнее, пока тебе будут накладывать швы?

— Можешь попробовать, — с усмешкой произнес Фред. — Мне не мешает компенсация за увечья.

Возможно, Фред был не так глуп, как казалось.

— По крайней мере, перестань хлебать эту бурду. Фред, клянусь, я от тебя с катушек скоро съеду. Кто знает, что я могу сделать в таком состоянии.

Фред указал на камеру над их головами.

— Только сделай это перед камерой, Редвуд, запись поможет мне выиграть дело в суде.

Лицо Редвуда побагровело. Даже Фред Аллесканти обнаглел, после того как его, Редвуда, понизили в должности. Ему нужно было вернуться к нормальной работе, где у него была реальная власть. Если бы он мог найти Космо Хилла...

Он услышал, что компьютер подал сигнал тревоги. На экране появилась иконка в виде бегущего человека. Один из сирот посмел выйти за границы зоны. Наконец-то появился кто-то, на кого можно выплеснуть злость. Редвуд включил программу слежения, чтобы определить, кому принадлежит изображение. Сироты по очереди исключались из списка, по мере того как система находила их на своих местах в зоне отдыха. Кто же бежал? Сигнал был очень слабым, словно большая часть отрицательно заряженных микрочастиц была смыта или выведена из строя коротким замыканием.

Коротким замыканием? У Редвуда быстрее забилося сердце. Только у двоих сирот микрочастицы могли быть выведены из строя коротким замыканием. Один был мертв, другим был Космо Хилл.

Редвуд вызвал на экран изображение Космо Хилла. Оно было очень нечетким, посылавшим слабейшие импульсы, но активным. Охранник

сомневался, что сканеры смогли бы его обнаружить, если бы беглец не находился так близко. Очень близко. Судя по всему, он направлялся в подвал.

Редвуд посмотрел на экраны камер безопасности и отыскал двоих типов в костюмах, которых принял за представителей фирмы. Скорее всего, коротышкой был Космо Хилл. Должно быть, сбрендил и вернулся в институт. Редвуд не знал почему и не хотел знать. Его интересовал только шанс восстановить свое положение. Он арестует Космо и соучастника. Конечно, потом ему придется поговорить с Космо наедине, чтобы их рассказы о той ночной аварии совпадали. Редвуд встал и достал «громобой» из оружейного шкафа.

— Эй, Редвуд, — сказал Фред. — Зачем тебе «громобой», ты больше не дежуришь на этажах?

Редвуд даже не взглянул на него.

— Я пошел в обход.

— Обход! Ты что, стал врачом? Мы — служба безопасности, в обходы не ходим. У нас есть камеры.

— Только не в подвале. Пора кому-нибудь проверить, что там происходит. Пойдешь со мной?

Аллесканти откинулся на спинку вращающегося кресла и сжал ладонями теплую кружку с кофе.

— Нет уж, спасибо, Редвуд. Предоставляю сделать это тебе.

— Я так и думал, — сказал Редвуд, убирая «громобой» в кобуру.

Космо и Стефан беспрепятственно проникли в институт через главный вход. У Космо едва не подкосились ноги, когда в нос ударил знакомый запах дешевого дезинфицирующего средства. На мгновение он остановился, чтобы ушли нахлынувшие воспоминания. Зиплок, Редвуд и долгие годы медицинских опытов. Ему пришлось сделать несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться. Стефан смотрел на него из-под полей фетровой шляпы.

— Космо, с тобой все в порядке? — спросил он. При каждом слове щеточка фальшивых усов у него на губе шевелилась.

— Да, пошли.

— Ты уверен?

Космо кивнул.

— Всего десять минут, и мы уйдем отсюда навсегда.

Они подошли к бюро пропусков, и Стефан показал игравшему в карманную видеоигру охраннику две фальшивые идентификационные карточки. Космо опустил голову, скрыв лицо полями шляпы.

— «Композит», — сказал охранник, пытаясь выглядеть так, будто его это интересовало. —

Да, ребята, серьезный у вас был пожар на прошлой неделе.

Стефан кивнул.

— Да. Вся столовая выгорела, очень не повезло.

Охранник сочувственно покачал головой.

— Что испытываете сегодня?

Стефан похлопал по зажатому под мышкой чемоданчику.

— Могу сказать, но потом мне придется тебя убить.

Охранник выдал им два пропуска посетителей.

— Да, конечно. Понимаю. Удостоверения получите, когда будете выходить.

Стефан прикрепил пропуск к лацкану, второй передал Космо. Не успели они отойти и на полдюжины шагов, как охранник вновь углубился в игру.

— Он даже не взглянул на меня, — прошептал Космо.

Стефан улыбнулся.

— Охранникам слишком мало платят, чтобы они обращали внимание на каждого встречного.

Космо провел его через сводчатый вестибюль, стены которого были украшены трехмерными фотографиями давно умершей Клариссы Фрейн и изображениями ее благородных

деяний по отношению к детям. На одной фотографии она устраивала пешую прогулку, на другой сажала деревья, на третьей читала книги. В действиях самого института не было ничего благородного. Власти предпочитали погружать сирот в ванны с разными экспериментальными растворами, а не вывозить на прогулку в горы.

Космо и Стефан прошли мимо нескольких охранников, но никто не задал им ни единого вопроса. Для всех они выглядели как два представителя какой-то компании. Кроме того, какому идиоту могла прийти в голову мысль тайно пробраться в сиротский приют? Космо шел, опустив голову и подняв воротник, надеясь, что его будут принимать за низкорослого мужчину, а не за высокого мальчика.

— Сюда, — сказал Космо, открывая плечом тонкую пластиковую дверь, спрятанную за статуей Клариссы Фрейн. Основательница института была изображена с младенцем на руках. Каждый сирота в приюте слышал сказки о мисс Фрейн. На самом деле эта женщина ненавидела детей, и именно она придумала термин «сирота без поручителя».

Дверь вела в мрачный коридор, лишенный внутренней отделки, в котором было только аварийное освещение.

— Прелестно, — сказал Стефан.

— Посмотрел бы ты на спальни.

В коридоре стало холоднее, когда они спустились ниже уровня моря. Аварийные светильники становились все более старыми, а потом и вовсе сменились закрепленными на стенах лампами накаливания.

— Лампочки, — фыркнул Стефан. — Теперь их можно увидеть только в кинотеатрах.

— Вся энергия воруетя из главной сети. Институт поступал так всегда, насколько я знаю. По какой-то причине только сюда сироты могли проникнуть, не боясь быть обнаруженными.

Стефан кивнул.

— Конечно. Утечки энергии делали невидимыми ваши изображения на экранах сканеров.

Коридор уходил все ниже и ниже, пока наконец не закончился тупиком с двумя сливными трубами.

— Очень давно, когда город страдал от наводнений, они использовались для слива воды из подвала.

— А сейчас?

Космо откинул крышку люка. Она открылась удивительно легко.

— Сейчас сироты используют их для тайных встреч.

Внутри труба была разделена на несколько уровней при помощи картона и отходов пла-

стика. Между уровнями были установлены шаткие лестницы, уходявшие далеко вниз, в темноту.

Стефан проверил лестницу своим весом. Она моментально развалилась.

— Да, мне уже не двенадцать лет, — сказал он, расстегивая пиджак, под ним оказался жилет, который Повторюшка украл у одного из юристов на крыше здания «Стромберг».

Стефан открыл клапан на липучке, под которым находился комплект верхолазного снаряжения, и привязал трос к крепкой на вид скобе.

Он похлопал себя по спине.

— Залезай, Космо.

Космо послушался.

— Обещай, что в следующий раз мы воспользуемся лестницей. Хотя бы один раз.

Стефан подмигнул ему.

— Я подумаю, что можно сделать, — сказал он и прыгнул в зловещую темноту трубы.

Казалось, они падали целую вечность и должны были достичь центра Земли. На самом деле трос кончился раньше, чем труба. Стефан достал из кармана стержень «люми-лайта», переломил его, чтобы привести в действие светящиеся кристаллы, и бросил «люми-лайт» вниз.

Дно трубы находилось всего в нескольких дюймах.

— Возможно, сегодня у нас удачный день, — сказал он.

— Пора бы.

Они отсоединились от троса и упали на дно трубы. Звук удара при приземлении получился глухим. Труба проржавела насквозь, поэтому они на ощупь перебрались на твердый каменный пол. На полу стояли затхлые лужи. Космо наткнулся ногой на толстый кабель. Он опустил на колени и прошел по кабелю до соединительной коробки.

— Я кое-что нашел. Выключатель.

— Понятно, — сказал Стефан. — Если люди Клариссы Фрейн воруют энергию, они должны видеть, что делают. Поверни его, Космо.

Космо схватился пальцами за толстую ручку и стал поворачивать ее, пока не услышал резкий щелчок. Пещеру мгновенно осветили десятки галогенных прожекторов. Они находились в огромном тоннеле, который был прорыт почти век назад, при строительстве Майчи-Сити, бригадами проходчиков. Здесь были проложены газопроводы, водопроводные трубы и электрические кабели. Толстенные силовые кабели в некоторых местах были лишены изоляции, от них тянулись провода, которые питали несколько небольших генераторов. Ба-

совитый гул исходил именно от этих оголенных проводов.

Впрочем, провода были не совсем голыми. Они были покрыты светящимся синим ковром. Спящими паразитами. Миллионами паразитов. Серебристое сердце каждой твари пульсировало в такт колебаниям тока.

Стефан покрепче прижал к себе пульсатор.

— Кажется, нашли, — сказал он.

Первой мыслью Космо было убежать. Второй тоже.

Стефан положил руку ему на плечо.

— Не волнуйся, Космо. Мы не умираем в мучениях. Если бы умирали, то они уже накнулись бы на нас. Надо только передвигаться осторожно, и паразиты нас ни за что не заметят. Господи, мы можем даже петь оперные арии, и это их не разбудит. Они не реагируют на звук, только на боль.

— Ты уверен в этом? У тебя есть доказательства?

— Нет, доказательств у меня нет, но я чувствую это нутром.

Космо нервно хихикнул.

— Я тоже кое-что чувствую нутром.

— Ты можешь оставаться здесь. Я установлю пульсатор, потом мы уйдем так же, как прошли. Две минуты. И все.

Стефан осторожно двинулся по лабиринту труб и кабелей, аккуратно переступая через спящих паразитов. Он намеревался расположить устройство как можно ближе к центру группы, чтобы нанести максимальный ущерб. Пульсатор можно было привести в действие дистанционно, с улицы, и вызвать электрическую бурю в логове тварей. Если теория Эллен Фаустино верна, грязная энергия вырвет сердца из паразитов, но не нанесет вреда людям, главное — не находиться слишком близко от места взрыва.

Стефан поднялся по древней лестнице и осторожно вставил чемоданчик под главный трубопровод. Паразиты окружали его: дышащие, светящиеся, живые.

Он спустился на пол тоннеля и повернулся, чтобы подать Космо знак, что все в порядке. Он так и не успел это сделать, потому что Космо был не один. Крупный мужчина держал его сзади за шею, прижав «громобой» к щеке.

— Привет, — сказал мужчина. — Приятно видеть, что вам удалось проникнуть сюда и заложить под нас бомбу.

Стефан привык действовать в сложных ситуациях. Если бы он встретился с этим типом лицом к лицу, то неминуемо попытался бы отобрать у того оружие. Но сейчас опасности под-

вергалась не только его жизнь. Он не мог рисковать.

— Давай, — с ухмылкой произнес рыжий детина. — Доставай оружие. Моргнуть не успеешь, как парень будет сосать пластик.

— Успокойся, Редвуд, — сказал Космо. — Ты не понимаешь, что здесь происходит.

— Отлично понимаю, — сказал Редвуд. — Вы пытаетесь взорвать институт и лишить меня работы. Агнес была бы недовольна.

Стефан медленно сделал шаг вперед.

— Редвуд? Я о тебе наслышан. Любишь бить детей. Может, попробуешь сразиться с равным по силе?

Редвуд рассмеялся.

— С равным по силе. Парень, ты выше меня на полфута. Я не настолько глуп. Просто брось оружие и толкни его ко мне по полу.

Стефан почувствовал, как капелька пота поползла по позвоночнику. Они могли не опасаться паразитов, пока кто-нибудь не будет ранен, потом твари проснутся.

— Ладно, Редвуд, не надо нервничать. Вот мой «громобой».

Стефан достал оружие из кобуры двумя пальцами, положил его на пол и ногой толкнул к охраннику.

— Видишь, у меня нет оружия.

— И детонатор, — сказал Редвуд. — Только не говори, что хотел взорвать себя вместе с

институтом. У тебя есть детонатор, поэтому лучше отдай его мне.

Стефан заскрипел зубами от огорчения.

— Редвуд, ты не совсем понимаешь, что здесь происходит. Выслушай меня...

Редвуд ткнул «громобой» под подбородок Космо.

— Нет, это ты послушай, идиот. Все очень просто. Отдай мне детонатор, или я для начала упакую твоего друга.

— Ладно, ладно. Сейчас отдам.

Стефан расстегнул клапан на кармане брюк и достал металлический цилиндр с красной кнопкой на торце. Кнопка была защищена прозрачной крышкой. Защита от дурака. Никакого таймера, просто снимаешь крышку и нажимаешь.

Стефан предпринял последнюю попытку использовать дипломатию.

— Редвуд... охранник Редвуд. Это — не бомба. Это — устройство энергетического импульса. Вокруг нас столько тварей...

— Заткнись! — приказал Редвуд, больно прижав ствол оружия к горлу Космо. Больно. Боль.

Паразиты начали просыпаться. Электричество было для них неплохой пищей, но не могло сравниться с болью...

— Толкай ко мне детонатор! Немедленно!

Волна паразитов поднялась, как костяшки домино в обратном порядке, и их круглые глаза сразу же принялись искать источник боли. Глаза миллиона тварей уставились на Космо. И с каждым мгновением их становилось больше.

— Редвуд, — заикаясь, произнес Стефан. — Мы должны немедленно уйти отсюда. Они приближаются.

Паразиты спрыгивали с кабелей и волнами приближались по каменному полу. Они не обращали внимания на Стефана, смотрели только на Космо.

Стефан отбросил крышку кнопки детонатора.

— Отпусти его, Редвуд, иначе мы все умрем.

— Блефуешь! — рявкнул Редвуд. — Ты так не сделаешь. Не похож на фанатика.

Большой палец Стефана навис над кнопкой.

— Знаешь, в этом ты прав. Мы — не фанатики. Мы обосновываем свои действия и крепко стоим ногами *на земле*.

Паразиты обходили его, некоторые, самые нетерпеливые, перелезали через голову. Стефан почти потонул в синем море их тел.

«На земле? — удивился Космо. — Что это значит?»

И вдруг он понял. На *земле*, конечно. Если в момент импульсного удара стоять на земле

обеими ногами, да еще и в луже, — на собственном опыте узнаешь, каково приходится громовому отводу в грозу: разряд пройдет через твоё тело и уйдет в землю. А Редвуд как раз в луже и стоял. Зато сам Космо, как и Стефан, был в ботинках на резиновой подошве, а значит, выплеск энергии из пульсатора для него не так уж и страшен.

Палец Стефана опустился на кнопку.

— Последний шанс, охранник. Как ты поступишь?

Паразиты были в нескольких дюймах от шеи Космо.

— Сначала упакую этого мальчишку, потом — тебя.

— Неправильный ответ, — сказал Стефан и нажал на кнопку.

Устройство было приведено в действие и выбросило грибовидное синее облако грязной энергии в тоннель. Завывая как ураган, облако разрасталось, заполняя все пространство, потом осело на пол. Галогенные прожекторы перегорели моментально, осыпав пол тоннеля похожими на неоновые снежинки искрами. Молнии из центра облака поражали серебристые сердца паразитов. Каждая молния пронзала несколько десятков тварей, которые начина-

ли вибрировать, когда грязная энергия проходила сквозь их органические фильтры. Молнии превращались в паутину, поражая паразита за паразитом. Твари пытались справиться с внезапно появившимся потоком энергии, но их системы были слишком слабы. Они ослепительно вспыхивали и падали на каменный пол, а их сердца становились черными.

Людам повезло немного больше, особенно Космо и Стефану. Толстые резиновые подошвы ботинок сослужили им добрую службу. Тем не менее энергетический импульс потряс и их. Космо почувствовал, что глаза закатились и смотрят внутрь черепа, потом начали дымиться его штаны. У Стефана волосы встали дыбом, а пиджак загорелся. Он сбросил его и попытался затоптать.

Но Редвуду пришлось куда хуже. Он по глупости отпустил Космо, когда понял, что Стефан не блефует. Если бы он прижимал к себе Космо еще несколько секунд, энергетический разряд прошел бы сквозь него в мальчика. Действие разряда на него было не настолько зрелищным, как на павших паразитов, но постоянным. Вязкое масло, которым он так любил смазывать свои драгоценные локоны, вспыхнуло. Ходить теперь Редвуду до конца дней лысым. Затем разряд словно сжал охранника в огромном кулаке и швырнул его в стену

тоннеля. И напоследок на нем истлела вся одежда, и Редвуд остался только в длинных теплых кальсонах с изображением Багса Банни.

Космо быстро пришел от последствий удара.

— Что это? — спросил он.

Комнату все еще освещали начинавшие ослабевать молнии.

Стефан поднял с пола свой «громобой».

— Багс Банни. Мультишный кролик. Любит повторять: «Как дела, док?»

Свет тускнел, по мере того как паразиты падали на пол. Их сердца становились черными и сморщенными, как куски шлака.

— Мы сделали это, — мрачно улыбаясь, сказал Стефан.

— Да, мы их достали.

Стефан переломил «люми-лайт».

— Конечно, не всех, но начало положено. Теперь мы знаем, что это возможно. Пора выбираться отсюда, а то во всем обвинят нас, а не доброго охранника.

Космо кивнул.

Редвуда обвинят в отключении энергии. То же неплохо.

Веко охранника задрожало — похоже, он пытался приоткрыть глаз.

Космо наклонился над ним.

— Это тебе за Зиплока, Багс, — сказал он.

В институте для брошенных родителями мальчиков Клариссы Фрейн царил хаос. Отключился не только главный, но и аварийный генератор. Двери спален отключились, программа слежения вышла из строя. Сироты взбунтовались. Охранники работали посменно, поэтому порядок поддерживать приходилось только одному отделению.

Фред Аллесканти возглавил оборону с катастрофическими результатами. Пока что ему удалось только упаковать двоих своих людей и позволить нескольким сиротам выскочить на улицу. К счастью для охранников, в случае отключения электричества противопожарные двери закрывались автоматически. В конце концов Аллесканти догадался построить баррикаду у основания главной лестницы. С ее помощью он надеялся сдержать сирот, пока не восстановят подачу энергии.

Космо и Стефан приблизились к вестибюлю, в котором царило безумие, с тыла. Фред Аллесканти палил целлофановыми пулями по всем, кто пытался выглянуть из-за угла. Пока ему удавалось попасть лишь туда, куда он совсем не целился. Лестница была так густо усеяна пятнами целлофана, что напоминала носовой платок человека, страдающего страшным насморком.

— Лучше отправляйтесь спать, — орал Фред сиротам. — Иначе весь завтрашний день проведете в ваннах. Я не шучу.

Космо почувствовал, что им овладевает ярость.

— Этим ребятам придется здорово помучиться, — сказал он Стефану. — Охранники всегда обвиняли нас, что бы ни случилось.

Стефан отдал свой обгоревший пиджак Космо.

— На этот раз не получится, — сказал он.

Высокий юноша достал свой «громобой» и зарядил его обоймой пуль-липучек. Он залил троих охранников липкой дрянью, еще троих лишил чувств мастерскими ударами. На все это ему понадобилось не больше четырех секунд.

Сироты безудержным потоком побежали по лестнице, снесли баррикаду и окружили Стефана.

— Кто-нибудь из вас бывал в городе? — спросил Стефан.

Вперед вышел маленький мальчуган с черной челкой, падающей на глаза.

— Один раз мне удалось сбежать и жить в городе две недели, прежде чем меня схватили.

— Как тебя зовут?

— Моя уличная кличка — Барыга, она объясняет, чем я занимаюсь.

Стефан взял его за руку и написал на ладони номер телефона.

— Ребята, бегите на юг, за границу города. Барыга знает туда дорогу. Когда доберетесь до канала, позвоните по этому номеру.

Барыга поднял свободную руку.

— Слушаю тебя.

— Они нас каким-то образом отслеживают. В прошлый раз меня поймали, когда я только ступил одной ногой в Бушку.

— Вы почувствовали удар, прежде чем погасло электричество?

Ребята закивали. У некоторых до сих пор волосы стояли дыбом.

— Это был энергетический импульс. Он отключил свет и разрядил микрочастицы в порах вашей кожи. Вы свободны.

Сироты на мгновение замолчали, обдумывая эту важнейшую новость. Потом восторженно заорали и попытались забраться на Стефана как белки.

— Немедленно прекратите, — попытался остановить их Стефан. — Вы должны успеть убежать подальше, прежде чем прибудет подкрепление. Позвоните по этому номеру. Это номер моего друга. Ему всегда нужны смысленные ребята для работы на рынке. Он даст вам работу и приютит. Зарплата не слишком высокая, но справедливая.

Барыга посмотрел на него, подозрительно прищурившись.

— Там может оказаться ловушка. Почему мы должны тебе верить?

Вперед вышел Космо.

— Помнишь меня, Барыга?

Барыга убрал волосы со лба.

— Космо Хилл. Пусть меня упакуют, если это не так. Мы все думали, что ты погиб. Что случилось с твоим лицом?

Космо погладил пластину «роботикс» на лбу.

— Долго рассказывать, Барыга, может быть, как-нибудь потом. Делайте, как говорит Стефан. Можете ему доверять. Он спас мне жизнь, а жить на свободе в любом случае лучше, чем здесь. Другого такого шанса для чистого побега вам не представится.

Новости быстро разнеслись по коридору. Космо жив, а этот парень — его друг. Если Космо удалось выжить в городе, значит, удастся и остальным.

— Ладно, — сказал Барыга. — Я позвоню по этому номеру, но если это ловушка, я тебя из-под земли достану.

Мальчуган протянул руку, и Стефан пожал ее.

— Договорились.

Послышались звуки приближающихся сирен. Власти явно узнали о побеге.

— Пора, — сказал Космо. — Сейчас или никогда.

— Сейчас, — решительно сказал малолетний Барыга и повел сирот в ночь, как Гамельнский Крысолов третьего тысячелетия.

Абракадабра-стрит

Мона знала, что должна извиниться перед Повторюшкой, но откладывала это до последнего момента. Решающий момент настал, когда позвонил Стефан и сказал, что они с Космо возвращаются домой. Еще он сказал, что миссия завершилась полным успехом, и что они будут в гараже минут через десять. Если Мона не перестанет злиться и не извинится, Стефан силой затащит ее на крышу.

— Ну, хорошо, — сказала она, ни к кому не обращаясь. — Я извинюсь, но только потому, что уже большая девочка, причем не только внешне.

Лифт был поднят на крышу. Мона решила не дожидаться его, а воспользоваться пожарной лестницей. Лифт был настолько старым, что в движение его приводили тросы и шкивы, а не магнитное поле. Пока он опустится на ее этаж, она уже успеет извиниться и приготовить обед из пяти блюд.

Мона поднималась на крышу, стараясь прижиматься к стене, чтобы защититься от опускающегося на землю кислотного тумана. Очень скоро туман превратится в дождевые капли размером с нафталиновые шарики, и по всему городу взвоят автосигнализации.

Она поднялась на крышу как раз в тот момент, когда Повторюшка уходил с нее. Ребенок Бартоли перекинул трап и переходил на соседнее здание.

— Эй, Повторюшка, что ты делаешь?

Но ветер унес ее слова, и Повторюшка не обернулся. Очень странно. Что он задумал? Мона знала, что нужно спуститься вниз и вернуться на крышу чуть позже. Но она также знала, что не может так поступить. Слишком уж удивительные дела творятся. Итак, двигаясь грациозно и тихо как кошка, Мона последовала за своим коллегой-супернатуралистом на крышу соседнего здания.

Повторюшка не стал убирать трап, а это значило, что он намеревался вернуться. Моне следовало действовать крайне осторожно. Если она не успеет вернуться раньше Повторюшки, то останется на крыше под дождем.

Повторюшка почти побежал по крыше, старательно перепрыгивая через маслянистые лужи, которые год за годом разъедали кровлю. Мона забралась на крышу будки лифта. Отсю-

да ей было видно все, а Повторюшка не мог ее заметить.

Тщедушный супернатуралист спешил к северному углу здания. За ним была видна Статуя Стремления с мигающим красным маяком в руке. Но было видно и синее свечение. Гораздо ближе. На самой крыше. Мона затаила дыхание. В тени парапета крыши лежал паразит. Все понятно. Повторюшка, вероятно, обнаружил его при помощи параболы и решил посмотреть, в чем дело.

Что он предпримет? Он никогда не носил оружие, а Стефан уже привел в действие энергетический импульс. Мона уже собиралась спрыгнуть с крыши и присоединиться к товарищу, но тут Повторюшка повел себя странно. Он опустился на колени перед тварью и протянул к ней руку. Паразит, ослабший от недостатка энергии настолько, что его сердце стало тускло-синим, протянул свою четырехпалую лапу к Повторюшке. Они познакомились друг с другом. Устанавливали связь.

Мона едва не свалилась с крыши. Она не верила своим глазам. Кем был Повторюшка? Чем занимался? Неужели все это время он был предателем? Она достала телефон из кармана, собираясь нажать кнопку быстрого набора номера Стефана. Этого было недостаточно. Повторюшка сможет все отрицать, а доказательств

не было. Нужно было придумать что-то другое.

Телефон Моны был достаточно старым, без современных дополнительных функций, но функция съемки в нем была предусмотрена. Шестьдесят секунд видео или сто фотоснимков. Мона выбрала видео и направила плоский объектив телефона на Повторюшку и его синего друга. Как раз вовремя, чтобы увидеть, как Повторюшка умышленно порезал палец перочинным ножом и предложил ранку паразиту. Тварь обвила палец Повторюшки всеми четырьмя пальцами, вытягивая серебряную струйку жизненной силы. Буквально через несколько секунд восстановился ее естественный ярко-синий цвет. Она отпустила Повторюшку и поднялась на ноги.

Мона просмотрела запись, чтобы убедиться в том, что ей не померещилось. Повторюшка исцелил паразита. Теперь все было понятно. Конечно, Повторюшка никогда не носил оружие, конечно, он возражал против использования пульсатора. Он работал на паразитов.

Повторюшка посасывал порез на пальце, выходя из лифта. Стефан и Космо уже вернулись. Они стояли рядом с Моной и что-то рассматривали. Экран ее телефона.

— Эй, что это такое? — спросил ребенок Бартоли. — Одно из забавных сообщений по электронной почте? Иногда бывают очень смешные.

Стефан взял телефон. Руки его дрожали. Лицо было напряженным и бледным.

— Да, Повторюшка. Хочешь взглянуть? Просто умора. Кстати, а что у тебя с пальцем?

Повторюшка почувствовал, как мурашки побежали по спине.

— Порезал панелью на двери лифта. Она всегда торчит.

— Знаю. Иди, посмотри.

Повторюшка взял телефон и нажал на треугольник воспроизведения. Буквально мгновение он не понимал, что видит, потом все стало кристально чистым. Он попался. Его поймали. Окончательно. Наконец настал момент истины после стольких лет мучений. Или момент для истины.

— О'кей, — сказал он, отдавая телефон. — Выглядит скверно, но я все могу объяснить.

Стефан смотрел прямо перед собой, избегая взгляда Повторюшки.

— Собирай вещи и убирайся. Я хочу, чтобы утром тебя уже не было.

— Подожди минуту. Выслушай меня.

Мона пошла на ребенка Бартоли.

— Как только я раньше не заметила! Неудивительно, что ты отказывался стрелять в

паразитов. Неудивительно, что ты всегда возражал против всего, что действительно могло нанести им вред.

Повторюшка отступил на шаг.

— Что действительно могло нанести им вред? Все было не так.

— А как это было, Повторюшка? Каждый день ты наносил удар нам в спину. Наносил удар в спину всем людям. Почему бы тебе не отправиться сейчас в институт Клариссы Фрейн и не попытаться исцелить всех паразитов, которых уничтожил Стефан?

Повторюшка повесил голову.

— Если бы я мог, — пробормотал он.

От этих слов Стефан пришел в ярость. Он схватил Повторюшку за воротник и поставил на верстак.

— Если бы ты мог! Как давно ты стал предателем? С самого начала? Три года назад?

Обвинения сыпались на Повторюшку как удары молота. Казалось, он стал еще меньше, как-то сжался.

Стефан ткнул его пальцем в грудь.

— Я буду относиться к тебе как к врагу, если увижу снова. Поверь, это тебе не понравится.

— Ты не понимаешь, Стефан, — попытался возразить ребенок Бартоли. — Не видишь, что происходит.

Стефан рассмеялся ему в лицо.

— О, сейчас догадаюсь, еще одна теория заговора. «Маичи» использует нас для достижения собственных целей. Элли Фаустино лгала нам прямо в глаза.

— Они забирают боль! — вырвались, как пуля, изо рта Повторюшки слова истины.

Космо почувствовал, что сейчас произойдет что-то важное. Следующие слова Повторюшки должны были навсегда изменить их жизни.

— Паразиты забирают боль. Не жизненные силы, а только боль. Они помогают нам. Всегда помогали.

Стефан повернулся к Повторюшке. Он не желал это слушать.

— Чепуха. Ты готов сказать что угодно, лишь бы спасти свою шкуру.

— Вы помните, о чем спросил меня Линкольн на своей свалке?

Мона вспомнила.

— О твоих мутациях. Он спросил, не обладаешь ли ты внемчувственным восприятием.

Повторюшка сел на верстак.

— Дети Бартоли часто обладают особыми талантами. У меня исцеляющие руки. Я могу забрать боль.

— Я знаю, — сказал Космо. — После того несчастного случая ты забрал у меня головную

боль. Сказал, что это лекарство, а на самом деле это был ты.

Повторюшка кивнул.

— Этот дар похож на то, чем занимаются паразиты. Мы делаем одно и то же, может быть, поэтому я их вижу. Я чувствую их, а они чувствуют меня. Люди называют это ясновидением.

Космо вспомнил еще кое-что.

— Тогда на свалке Линкольн сказал, что у тебя исцеляющие руки. Тогда я подумал, что он говорит о тебе как о враче, теперь я понимаю, что он имел в виду дар детей Бартоли избавлять от боли.

Повторюшка посмотрел на свои руки.

— На самом деле исцеляют не они. Ничто не может исцелить тело быстрее, чем само тело. Я просто избавляю от боли.

Стефан отказывался в это верить.

— Чушь, полная чушь.

— Паразиты — это природа! — не сдавался Повторюшка. — Они — преобразователи энергии, как и я. Как и все существа на планете, в одном или другом смысле. Всю свою жизнь я был способен их видеть. Чувствовать их. Сначала они пугали меня, пока я не понял, что они делают то же самое, что и я. Они — совсем не зловредные существа. Их привлекает боль. Они

забирают ее и конвертируют в энергию. Цикл любой жизни.

Стефан резко развернулся. Его лицо было красным от с трудом сдерживаемого гнева.

— А что ты скажешь о моей матери? Я видел, что с ней сделали паразиты.

— Она умирала, — едва слышно сказал Повторюшка. — Они помогли ей. Облегчили ее переход в иной мир. Паразиты избавляют от боли, когда тело уже не может само исцелиться. Так было, пока они не стали бесконтрольно размножаться. Пока мы не нарушили естественный порядок вещей.

— Назови мне хоть одну причину. Почему я должен поверить тебе сейчас, после того как ты врал нам на протяжении стольких лет.

Повторюшка сидел на столе и тер глаза ладонями.

— Эти создания всегда были здесь, насколько я себя помню. Мы не общались в привычном значении этого слова. Как люди. Мы чувствовали друг друга. Я знаю, когда они возбуждены или спокойны. Таким даром кроме меня обладал еще один ребенок Бартоли. Номер восемьдесят два. Но дар приводил его в ужас, сводил с ума. Сейчас он живет в Бушке и всегда носит повязку на глазах. Никогда ее не снимает. Я не сошел с ума только потому, что понял, что эти

существа хотят нам помочь, хотят сделать боль терпимой, подготовить нас к следующей жизни.

— Существует следующая жизнь? — перебил его Космо.

— Да. Я иногда вижу ее мельком.

Даже Мона заинтересовалась.

— Какая она?

Повторюшка задумался.

— Другая.

— Тихо! — закричал Стефан. — Замолчите все. Почему ты не рассказал мне об этом еще несколько лет назад?

Повторюшка посмотрел на него.

— Миллион раз хотел рассказать, но у меня не было доказательств, кроме моих чувств. Впервые я стал частью семьи, и рассказ о моих ощущениях мог разрушить все, к чему я стремился. Ради чего? Ты ни за что не поверил бы мне без доказательств. В самом начале ты был просто фанатиком, если не сказать больше. Со временем ты стал добрее. В последнее время даже стал заботиться о своих солдатах. Такого никогда не было.

— Ты мог попытаться!

— Знаю, что должен был, но решил сделать все, что смогу, изнутри. Я все время знал, чувствовал, что на самом деле вы не уничтожали паразитов. Кроме того, я мог помогать жерт-

вам несчастных случаев. Правда, я не знал, что мы помогаем этим созданиям размножаться.

— Борьба изнутри, — пробормотал Космо. Повторюшка кивнул.

— Именно, и все было бы в порядке, не вмешайся «Маичи». Стефан, ты понимаешь, что натворил сегодня? Если ты говоришь правду, то погибло огромное количество этих существ. Жаль, что мне не хватило храбрости рассказать тебе обо всем раньше, но я не думал, что этот план с энергетическим импульсом сработает. С научной точки зрения, не должен был. Сколько людей мучается сейчас от боли, потому что я промолчал? Таких, как твоя мать?

Стефана затрясло.

— Замолчи!

— Ты не хочешь меня слушать, потому что все эти годы у тебя был виновник смерти матери. Это — правда. Прими ее.

— Не знаю, что это, но только не правда. Ты никогда не говорил нам правду. Ты не узнал бы правду, даже если бы она выскочила из люка и укусила тебя за твой мальчишеский зад.

Повторюшка достал телефон.

— Просто позвони Фаустино. Скажи, что у тебя возникли сомнения. Попроси ее приказать своим ученым исследовать возможность того, что эти создания не высасывают жизненные

силы, а избавляют людей от боли. Естественная анестезия.

— Почему я должен это делать?

— Потому что, если я прав, тысячи людей сейчас страдают от нестерпимой боли. А они не должны страдать, как не должна была страдать твоя мать. Как не страдал ты, если удосужишься вспомнить.

Космо вспомнил, как после падения с крыши у него мгновенно исчезла боль, стоило только паразиту прикоснуться к нему. Он помнил, что чувствовал только спокойствие. Никакого страха.

— А если ты ошибаешься?

Повторюшка встал на верстаке и выпрямился во весь рост.

— Если я ошибаюсь, то выскочу из люка и укушу себя за свой мальчишеский зад.

Когда Стефан позвонил, Эллен Фаустино находилась в машине.

— Я почему-то думала, что ты должен был мне позвонить, — сказала она, и легкая улыбка тронула уголки ее губ. — Это ведь ты побывал на спутнике, верно? Флойд Фаустино, неплохо придумано. Как тебе удалось достать коды доступа? Неужели я по неосторожности позволила тебе взглянуть на экран моего компьютера?

— Не понимаю, о чем вы говорите, — невинным тоном произнес Стефан.

— Я думала, что ты примешь решение заняться этим делом самостоятельно, — продолжала Эллен. — На самом деле надеялась, что ты так поступишь. Иногда канцелярские проволочки слишком мешают делу.

— Вы начинаете говорить так, будто я работаю на вас, профессор Фаустино.

Фаустино улыбнулась шире.

— Тебе так показалось? Полагаю, институт Клариссы Фрейн посетил тоже ты. Супернатуралисты не привыкли терять время даром, верно?

Стефан старался правильно подбирать слова.

— Если это были мы, а я и на секунду не могу предположить такое, то у нас, возможно, возникла проблема.

Эллен нахмурилась.

— Проблема? Но энергетический импульс сработал идеально. Я, конечно, предпочла бы, чтобы ты не лишал света десять кварталов города, но отключения было краткосрочным, и моя команда собирала тела «НУ-ВИД 4» все утро.

На этот раз нахмурился Стефан.

— Собирала тела? Для чего? Почему?

Эллен приложила палец к губам.

— Не хочу ничего говорить по линии компании. Я и так сказала слишком много. Полагаю, от радости. Сам увидишь во время следующего визита.

— Когда буду получать зарплату? — насмешливо спросил Стефан.

— Стефан, я очень занята. Какая проблема так сильно тебя беспокоила?

— Один член моей команды, который скоро станет бывшим, считает, что паразиты, то есть «НУ-ВИД 4», не так зловредны, как мы все считаем. Он полагает, что они лишь облегчают наши мучения. То есть избавляют от боли. Если его предположение верно, нет необходимости бороться с ними.

— Что? — Фаустино на мгновение замолчала. — Не могу представить, как такое возможно, но немедленно прикажу моей команде проверить. Никаких энергетических импульсов, пока не будет установлена истина. Состояние боевой готовности отменяется до завершения некоторых экспериментов. Результаты будут получены всего через пару недель. Вы можете подождать?

— Я ждал три года, — ответил Стефан. — Подожду еще пару недель.

Фаустино опустила глаза.

— Понимаю, как трудно будет тебе это признать, но помни, пока ничего не доказано. Возможно, мы все еще на правильном пути.

— Две недели, — сказал Стефан, закрывая телефон.

Повторюшка выпустил из груди воздух, который удерживал в течение почти всего разговора.

— Две недели. Я прав, сам увидишь.

Стефан бросил ему телефон.

— Ничего не хочу слышать, Повторюшка. Какими бы ни были результаты опытов профессора Фаустино, ты врал нам на протяжении многих лет. Мы доверяли тебе наши судьбы и жизни, а они не имели для тебя никакого значения.

— Я ни разу никому и ничему не навредил и не должен извиняться за это.

— Извиняться слишком поздно, Повторюшка. Ты обманывал всех нас. Мы не можем тебе доверять. Хочу, чтобы ты убрался отсюда с рассветом.

Повторюшка посмотрел Стефану прямо в глаза. Взгляд был твердым, но обиженным.

— Хорошо. Уберусь, если ты этого хочешь.

Стефан повернулся к ребенку Бартоли спиной.

— Хочу.

Космо лежал на койке и смотрел, как ржавые клещи поедают головку болта на потолке. «Вот ведь невезение, — думал он. — Каждый раз, ког-

да нам вроде бы удастся все уладить, обрушится новая напасть». Он чувствовал себя крысой в лабиринте: самое безобидное, казалось бы, действие могло привести к беде. За это время он столь рисковал, столько пережил, натерпелся страха — и все ради чего? Ради того, чтобы извести множество загадочных существ, которые на самом деле пытались помочь человечеству? Если, конечно, Повторюшка сказал правду.

Надо смотреть на вещи оптимистически, сказал себе Космо. По крайней мере, волосы понемногу отрастают. Еще пара месяцев — и голова перестанет смахивать на задницу тролля.

У входа в его тесную спальню появилась Мона.

— Эй, ты не спишь?

Космо сел на койке.

— Не сплю. Поспал пару часов, но мне все время снился Повторюшка.

Мона присела на край койки.

— Я тебя понимаю. Не думаю, что Стефан с этим справится. Сначала оказалось, что он помогает паразитам размножаться, потом — что они на самом деле пытаются избавить нас от страданий.

— Если Повторюшка прав.

— Да, если Повторюшка прав.

Мона собрала волосы в хвостик на затылке и завязала лентой.

— Космо, я много думала о том, чем буду заниматься дальше. Может быть, пойду работать к Жан-Пьеру — помнишь механика из Бушки? Он уже столько лет заманивает меня. Все равно ему осталось недолго, а кто-то должен поддерживать машины банд в порядке.

У Космо похолодело в животе. Ему и в голову не приходило, что Мона может взять и уйти.

— Ты уверена? Мне казалось, что тебе нравится все это. Ну, погони по крышам, пальба, риск...

Мона улыбнулась.

— Да, я люблю пострелять. Все как в компьютерной игре. Истребить злобных синих инопланетян. Но они не инопланетяне и, скорее всего, не злобные. И вряд ли я теперь смогу навести «громобой» на одно из этих созданий, если не буду на все сто процентов уверена, что они нам угрожают.

Космо кивнул. Он чувствовал себя так же.

— Вот я и подумала, — продолжала Мона, — что мне ведь понадобится механик. И притом смысленный. Сможешь заменить в машине синтомасло?

Космо улыбнулся так широко, что его зубы заблестели в темноте.

— Я? Ты хочешь, чтобы я пошел с тобой?

Мона хлопнула его по плечу.

— Почему бы и нет? Из нас получится хорошая команда. Ты постоянно спасаешь меня...

Космо открыл рот, чтобы сказать «да», но это короткое слово застряло у него в горле.

— Я бы с радостью, Мона. Мне хочется этого больше всего на свете, но Стефан приютил меня.

Взгляд Моны был печальным, но не удивленным.

— Я понимаю, Космо. Не волнуйся, я никуда не уйду, пока Эллен Фаустино не закончит свои исследования. Может быть, после этого ты передумаешь.

— Может быть, — мрачно произнес Космо. Теперь остались только он и Стефан. Посмешище, а не команда.

Параюристы «Маичи» отлично умели перемещаться скрытно и бесшумно. Целая рота могла пробежать мимо оленя, а тот и ухом бы не повел. Высокотехнологичное снаряжение обеспечивало им еще большую скрытность. Каждый параюрист таскал на себе тридцать фунтов оборудования, которое помогало им карабкаться, резать, жечь и брать в плен.

На большие расстояния параюристов со всем их снаряжением доставляли бесшумные вертолеты «Маичи», которые представляли собой нечто среднее между вертолетом и планером.

Эти аппараты обладали возможностями как вертикального взлета, так и планирования на жестких крыльях. И разумеется, они тоже несли вооружение и способны были в мгновение ока уничтожить всякого, кому вздумается наставить на вертолет хоть мало-мальски похожий на оружие предмет.

В арсенале параюристов было много способов проникновения, но самым любимым был «призрачный». Они любили, когда жертва просыпалась в целлофановой упаковке, не понимая, как в ней оказалась. Никаких потерь. Меньше бумажной работы.

Для роты, в послужном списке которой были проникновения в несколько иностранных банков, две крепости преступных авторитетов и один частный детский сад, дом на Абракадабразит был детской забавой. Параюристы высадились на крыше, бесшумно спустились на тросах до нужного этажа, установили портативные генераторы радиопомех, чтобы отключить датчики движения, и наклеили на окна огромные прямоугольники растворяющей стекло пленки.

По приказу командира роты параюристы подключили к пленке ток и просто вынули стекла из рам. Поскольку на всех окнах здания были задернуты плотные шторы, взлом остался никем незамеченным.

Две дюжины параюристов с нескольких сторон проникли в здание и надели инфраочки, настроенные на температуру человеческого тела. По команде они разделились на четыре группы, по одной на цель.

Некоторые члены группы захвата были даже слегка разочарованы. Они много слышали о мятежном Стефане Башкире и предвкушали жестокую схватку. Но очень скоро стало ясно, что все пройдет тихо. Никто не окажет им сопротивления. Судя по всему, весь дом крепко спал.

Космо открыл глаза и увидел в своей крохотной спальне троих параюристов. Один из них дослал в ствол патрон. Космо сделал глубокий вдох, чтобы грудная клетка расширилась.

— Ты знаешь, что сейчас будет, — сказал параюрист, нажимая на курок.

Мона всегда спала чутко, и успела даже вскочить с койки. Поразительно, но девушке, совершенно не обученной приемам рукопашного боя, удалось вывести из строя двоих параюристов, прежде чем третьему удалось сразить ее «шокером». Они подождали, пока тело ее перестанет трястись, потом выпустили целлофановый заряд.

Стефан слышал звуки борьбы в спальне Моны. Он выскочил из своей спальни... прямо в лапы шести параюристам. Их коллеги тем временем упаковывали оружие и компьютеры супернатуралистов. Впервые в жизни Стефан Башкир сдался без борьбы.

— Вы совершаете ошибку, — сказал он, сцепив пальцы в замок на затылке. — Мы работаем на «Маичи». Свяжитесь с президентом отдела исследований и разработок Фаустино. Повторяю, вы совершаете ошибку.

Параюрист упаковал его с близкого расстояния.

— Все так говорят, — сказал он.

Повторюшка не спал, а лежал на своей койке полностью одетым. Его брезентовая сумка с вещами стояла рядом. Он приготовился к утру.

— Доставка паццы? — спросил он у первого появившегося в дверях параюриста.

— Ишь умник выискался, — сказал параюрист и упаковал его.

ЛАБОРАТОРНЫЕ КРЫСЫ

*Отдел исследований и разработок «Маичи»
Промышленная зона мэра Рэя Шайна,
Маичи-Сити*

Параюристы «Маичи» зачитали супернатуралистам их права, затем подняли по тросам на крышу к стоявшему там бесшумному вертолету. Вертолет полетел на север, к промышленной зоне мэра Рэя Шайна и буквально через десять минут совершил посадку на крыше корпуса «Маичи». В карантинной зоне, у пластигласовых ванн, их поджидал знакомый Космо бородатый специалист.

— Привет, мой милый, — сказал он, устанавливая на голову Космо присоску. — Я так и думал, что мы еще встретимся. Меня специально привезли сюда, чтоб я о вас позаботился. Приходится работать в две смены.

Супернатуралистов бесцеремонно швырнули в кислотную ванну с четырьмя установленными в ряд «вантузами»-присосками. К тому времени уже начал действовать содержащийся в целлофане транквилизатор, поэтому пленники покорно остались отмокать в жидкой тюрьме.

Кислотный раствор немедленно приступил к работе над целлофановыми коконами, разъедая вирусную пленку. Процесс протекал медленно, и пройдет не меньше часа, прежде чем супернатуралисты обретут возможность двигаться. До этого времени им оставалось только плавать и стараться думать о приятном. От любых движений целлофановая пленка лишь сильнее сдавливала грудь.

Закончив крепить присоску на затылок последнего пленника, бородач позвонил по внутреннему телефону. Буквально через несколько минут появилась Эллен Фаустино в сопровождении двоих телохранителей. Увидев плавающих в ванне супернатуралистов, она ударила оператора в грудь.

— Ты что наделал? — спросила она. — Эти люди должны быть мертвы. Я хотела увидеть только четыре тела, чтобы убедиться в этом. А они живы.

Слова Фаустино пробились сквозь дурман в мозг Стефана. *Мертвы!* Какая-то ошибка. Что здесь происходит? Почему профессор Фа-

устино захотела их смерти? Эллен Фаустино не могла желать ничьей смерти. Она была ученым.

Бородач кивнул, вернее, почти поклонился.

— Простите, президент Фаустино. Мне никто не сказал. Я немедленно погружу их полностью. Через двенадцать часов останутся только молекулы.

Стефан попробовал заговорить, но его дыхание лишь немного раздувало пленку. Он слабо барахтался в кислоте, но кокон держал его крепко.

— Итак, ты очнулся, Стефан, — сказала Фаустино, положив ладони на пластиглас.

Стефан не мог спросить: «Зачем вы это сделали?», поэтому ему оставалось лишь надеяться, что взгляд его достаточно ясно выражает вопрос.

— Ты в замешательстве? — спросила Фаустино. — Не понимаешь, что здесь происходит?

Супернатуралисты, отчаянно сопротивляясь одурманивающему воздействию транквилизатора, ловили каждое ее слово.

— Как я уже говорила, Стефан, ты работал на меня. Не только ты, но и вся твоя команда. Супернатуралисты обходили правила, которые я должна была соблюдать. Выполняли работу, которую мне пришлось бы согласовывать несколько месяцев. А времени у меня не было.

Она прервала свой рассказ, приказав бородачу покинуть помещение.

— Это — совершенно секретная информация, — объяснила она. — Мне пришлось бы убить этого человека, услышь он еще хоть слово, а хорошего специалиста по ваннам найти нелегко. События развивались превосходно, пока у вас не возникли муки совести. Как я и ожидала, вы нашли «НУ-ВИД 4» и привели в действие пульсатор. Попробуй я сама осуществить столь хитроумный план, меня неминуемо поймали бы за руку.

В данный момент Стефан вовсе не чувствовал себя хитроумным, скорее доверчивым и наивным.

— Операция прошла идеально. Супернатуралисты привели в бесчувствие паразитов, моя команда собрала их. Я получила возможность разработать источник идеально чистой энергии и спасти спутник. Но одержимый Стефан Башкир, после трех лет борьбы, вдруг передумал истреблять паразитов. Из ценных работников супернатуралисты превратились в обузу. А как поступают с обузой — общеизвестно. Ее устраняют. Через несколько часов ты и твоя маленькая группа исчезнете без следа. Я даже велела своим ребятам конфисковать ваше оборудование. Когда я закончу, от вас не останется ни отпечатка пальца, ни компьютерного файла.

Стефан попытался упереться ногами в стенку ванны, но подошвы ботинок скользили по гладкому пластику.

Фаустино рассмеялась.

— Ты ничуть не изменился, Стефан. Никогда не сдаешься, как и твоя мать. — Она наклонилась к ванне. — Ты чуть не расстроил мои планы, и я тебя накажу. Тебе придется узнать еще кое-что. Во-первых, твой товарищ прав. Конечно, «НУ-ВИД 4» не высасывает жизненные силы. Только такой одержимый человек, как ты, мог поверить в это. Мы провели опыты на лабораторных крысах. Некоторые из них были ранены. Крысы, содержащиеся под водой в изолированных контейнерах, куда не могли проникнуть «НУ-ВИД 4», прожили ничуть не дольше тех, на которых паразиты воздействовали. Мы провели также опыты на людях... добровольцах. Получили такие же результаты. Вмешательство «НУ-ВИД 4» действительно понижает уровень стресса у жертв. Они забирают только боль. В довершение ко всему излучаемая ими энергия, как нам кажется, восстанавливает озоновый слой. Мои слова о том, что они дестабилизируют спутник, были еще одной ложью, чтобы заинтересовать тебя, Стефан. Если тебе будет от этого легче, могу добавить, что энергетический импульс не убил их. Энергию нельзя разрушить — это научный

факт. Импульс просто сделал их неспособными к размножению, поэтому численность «НУ-ВИД 4» быстро упадет до нормальной.

Космо почувствовал, как опускаются веки. «Не засыпай, — приказал он себе. — Ты можешь не проснуться». Плававшая рядом с ним Мона уже погрузилась в забытие. Стефан, напротив, оживал с каждой секундой. Ненависть придавала ему сил. Она двигала им последние три года и теперь снова поддерживала его.

— Вторая часть информации понравится тебе еще больше, — продолжала Фаустино. — Если бы ты удосужился проверить мое личное дело в академии, то обнаружил бы, что кроме тебя еще несколько кадетов пережили состояние клинической смерти.

Фаустино внимательно наблюдала за Стефаном, ожидая, когда он поймет, к чему она клонит. Увидев, как юноша яростно задержался в коконе, Эллен заплодировала.

— Молодец. Дошло наконец. Все верно, Стефан. Я уже тогда работала на «Маичи», и ты был частью эксперимента. Я стала наводчиком чисто случайно, а тебе эта способность была дана искусственно. Я поняла, как появляются наводчики, и решила создать нескольких. Тебе не показалось странным, что «скорая помощь» оказалась буквально за углом? Все было подстроено. Я планировала впоследствии

включить тебя в свою команду, но ты ушел из полиции и организовал собственную маленькую группу. Жаль, что так получилось с твоей матерью, но гражданских лиц запрещено перевозить в полицейских машинах, так что ты сам виноват.

Стефан резко перестал бороться и замер, удерживаемый только присоской. Горькие слезы текли по его щекам и собирались внутри целлофанового кокона.

— О, — насмешливо застонала Фаустино. — Мне удалось сломить твой дух? Какая жалость.

Она щелкнула пальцами, подзывая бородача.

— Утопи их, я хочу, чтобы не осталось даже коренного зуба, способного связать их с отделом исследований и разработок.

— Никаких проблем, госпожа президент, — ответил бородач. — Считайте, что их не существовало в вашей жизни. — Он поднялся по лестнице к лебедкам присосок и по очереди отпустил фиксаторы. Шестерни завращались свободно, погружая головы супернатуралистов в гигантскую кислотную ванну.

— Отлично сделано, — похвалила его Эллен Фаустино. — Получишь солидную премию к зарплате.

— Спасибо, госпожа президент. Всегда рад стараться.

Но бородач разговаривал сам с собой — Эллен Фаустино уже ушла. Предстояло много работы, и президент не могла позволить себе наблюдать несколько часов, как супернатуралисты растворяются в кислоте.

Но перспектива раствориться в кислоте живо супернатуралистам не грозила. Они должны были задохнуться намного раньше, чем кислотный раствор доберется до их кожи и костей. Целлофан немного ослабил свою хватку, но не настолько, чтобы позволить им выбраться из ванны. Прежде чем освободятся их руки и ноги, иссякнет кислород, содержащийся в крошечных полостях целлофанового кокона.

Космо боролся со сном. Остальные уже потеряли сознание. Наверное, его организм успешнее сопротивлялся транквилизатору, потому что Космо упаковывали уже в третий раз.

«Думай, — приказал он себе. — Все зависит только от тебя. Неужели в твоей голове не найдется ни одной идеи, как выбраться отсюда? Есть в твоём залатанном черепе мозги или нет? Стоп. В залатанном черепе...».

И тут он вспомнил. Это было на складе, когда Космо только пришел в себя. Мона сказала ему тогда: «К счастью, у Повторюшки завалось в хозяйстве несколько пластин “роботикс”. Одну он вставил в твой расколотый череп в

качестве заплатки. Из таких пластин состоит танковая броня. Повторюшка говорит, что, когда кожа заживет, ты сможешь лбом кирпичные стены пробивать».

Пластина «роботикс».

Космо, извиваясь, подплыл к стенке ванны и постарался как можно дальше отвести голову назад. Борясь со сном, недостатком воздуха и сопротивлением густой жидкости, он что было сил ударил лбом в пластигласовую стенку. Стенка немного прогнулась, а лоб Космо пронзила резкая боль.

Бородач с любопытством подошел ближе.

— Эй, милый, — сказал он с усмешкой. — Пытаешься сбежать? Боюсь, кожа и кости тебе не помогут. — Он постучал по ванне. — Пластиглас. Только штурмовой танк может помочь тебе выбраться отсюда.

Но Космо ничего не слышал, от нестерпимой головной боли у него гудело в ушах. Следовало попробовать еще раз, другого выхода не было. Сжав зубы, он нанес еще один удар по пластигласу. Когда боль ослабла, он заметил тонкую трещину в стенке.

— А ну, прекрати, — сказал бородач, поглаживая трещину большим пальцем. — Мне ж ее потом чинить придется!

«Еще один раз, — подумал Космо. — У меня хватит дыхания только на одну попытку».

Он отвел голову назад и из последних сил нанес удар по тому же месту. Стенки ванны задрожали.

Щель расширилась, стала глубже. Теперь она шла через всю толщину стенки ванны насквозь.

Одна капля. Всего одна капля.

— Перестань, парень, — презрительно фыркнул бородач. — Постарайся уснуть. Избавь себя от страданий.

Трещина расширилась еще больше, стала похожей на паутину с серебристым пауком в центре. Капля желтой кислоты проникла в брешь, разъедая незащищенные внутренние слои пластигласовой стенки.

Бородач нахмурился.

— Как тебе...

Пластиглас раскололся. Возможно, трещинам потребовалось несколько секунд, чтобы разрушить наружную поверхность, но со стороны разрушение выглядело мгновенным. От удивления у бородача отвисла челюсть. Это его и сгубило: содержимое ванны тугой струей ударило наружу, прямо в рот бородача. Щель расширилась еще больше, ванна лопнула, и несколько тысяч галлонов кислоты выплеснулось на пол. Вся комната оказалась залита тонким слоем едкой жидкости. Супернатуралисты в коконах остались лежать на полу как рыбки из разбившегося аквариума.

Но меньше всех повезло бородачу. Его тщедушное тело приняло основной удар потока, не считая более мелких ударов осколков пластигласа. Оператора отбросило к стене, где он и остался лежать в луже кислоты. На лбу у него выросла шишка.

«А теперь можно и поспать, — устало подумал Космо. — Все остальные уже давно спят».

Конечно, праздновать победу было рано, супернатуралисты были без сознания и все еще в целлофановых коконах. В любой момент мог войти какой-нибудь сотрудник «Маичи», или служба безопасности могла включить монитор наблюдения и увидеть, что ситуация в подвале далека от идеальной. Но, по крайней мере, супернатуралисты были живы, а ведь на это даже самый азартный игрок еще несколько мгновений назад вряд ли поставил бы деньги.

Минуты тянулись мучительно медленно, в такт каплям желтой жижи, вытекавшим из расколотой ванны. Время шло, и кислота делала свою работу, медленно разъедавая целлофановую пленку. Прошло сорок минут, прежде чем Стефан очутился на свободе. Он вдохнул чистого воздуха, и из легких выветрились остатки транквилизаторного дурмана. К юноше вернулось сознание. Он сбросил с себя остатки целлофана, как бабочка — остатки кокона. С трудом он под-

нялся на колени, откашлялся и выплюнул смесь целлофана и кислоты. Постепенно сны сменились воспоминаниями о том, что случилось совсем недавно.

— Фаустино, — прошептал он, снимая с головы присоску.

Повторюшка очнулся следующим.

— Что я тебе говорил? Кто оказался предателем?

Стефан сорвал целлофановые ошметки с тела ребенка Бартоли.

— Похоже, все старые друзья последнее время взяли привычку предавать меня.

Повторюшка зашелся в кашле.

— Та «скорая помощь», что тебя подобрала, — просипел он, когда ему немного полегчало. — Ты должен мне поверить. Я ничего не знал.

Стефан похлопал его по плечу.

— Конечно не знал. Она всех нас использовала.

Башкир вытащил Мону из-под пластиглазового обломка.

— Кстати, а как нам удалось выбраться из ванны? Я думал, что нас ждет неминуемая смерть.

Повторюшка перевернул Космо на спину. На лбу сверкнула металлическая пластинка.

— Ты мне не поверишь, но новичок снова спас нас. Разбил ванну головой.

Повторюшка положил ладонь на лоб Космо. В месте контакта появилось слабое серебристое свечение.

— Я могу на время избавить его от боли. Исцелиться он должен сам.

Стефан приподнял Мону.

— И все-таки, Повторюшка, ты должен был мне давно обо всем рассказать.

— Ты прав, должен был. Ну вот, теперь ты все знаешь. И что собираешься делать?

Стефан достал капсулу с нюхательной солью из аптечки на поясе и раздавил ее под носом Моны.

— Узнать, зачем Элли Фаустино собирает паразитов.

Мона очнулась с криком:

— Ни за что, мама! Я ни за что не надену это платье!

Стефан поднял ее и положил на хирургический стол.

— Все в порядке, Мона. Все в порядке. Ты среди друзей.

Мона подозрительно прищурилась.

— Никаких платьев?

— Нет никаких платьев. Успокойся. Постарайся не двигаться.

Лицо Моны имело отчетливый зеленоватый оттенок.

— Ничего, если меня вырвет?

— Сколько угодно, — сказал Стефан и отошел на пару шагов.

Космо бился на полу как рыба, сражаясь с пригрезившимся в кошмаре врагом.

— Да, парню много пришлось пережить за последние несколько недель, — заметил Повторюшка.

Стефан уложил Космо на свободный хирургический стол.

— Обещаю, начиная с сегодняшнего дня будем жить нормальной жизнью. Все.

Повторюшка снял остатки целлофана и кислоты с рук.

— Правда? Где я это уже слышал?

Бородач не горел желанием делиться информацией, но один взгляд на лица супернатуралистов заставил его передумать.

— Я даже не работаю здесь постоянно. Иногда выполняю особые поручения президента Фаустино. Так сказать, неофициально, понимаете?

— Понимаю, — сказал Стефан. — Нас ты тоже едва не лишил жизни, так сказать, неофициально.

— Ничего личного, просто выполнял свою работу.

— Конечно, ничего личного. Чего не сделаешь за небольшую прибавку к зарплате, да?

Бородач валялся в луже кислоты. Желтая жидкость уже начинала разъедать его кожу.

— Два вопроса, — сказал Стефан. — И будет лучше, если ты ответишь прямо и честно, иначе последствия будут крайне для тебя неприятными.

Бородач закивал так энергично, что его подбородок потерял ясные очертания.

— Да-да, конечно, спрашивай.

— Первый вопрос: где наши вещи?

— Вещи? Вещи? Ты имеешь в виду снаряжение, оружие и компьютеры?

— Оружие — в первую очередь. Где оно?

Бородач поднял палец.

— Это второй вопрос?

Стефан закрыл один глаз, а второй угрожающе вытаращил. Шрам на щеке юноши задрожал.

— Нет, идиот. Это еще первый вопрос. Говори, где наши вещи. Живо!

— Хорошо-хорошо! Вон там, в синих мешках. Мне было велено все сжечь, после того как смою ваши молекулы в канализацию. Только не надо принимать это на свой счет! Ничего личного, ребята!

Стефан кивнул товарищам. Они тут же принялись копаться в мешках, выбирая «громобои», обоймы, кобуры и телефоны.

— Антиполицейские маски тоже надо захватить, — сказала Мона. — Не хочу, чтобы нас увидели камеры слежения.

Они окатили друг друга водой из шланга и быстро экипировались. Супернатуралисты чувствовали себя как лисы в норе, окруженной сворой гончих. Хорошо вооруженные лисы.

— Второй вопрос, — сказал Стефан, поднимая бородача за воротник. — Где Фаустино?

Страдание во взгляде бородача явно говорило о том, что ему очень не хочется отвечать.

— Мне жаль, но я не могу этого вам сказать. Действительно жаль. Но...

— Лучше, если это «но» будет убедительным, — сказал Стефан. — От него зависит твое ближайшее будущее.

Кадык бородача отчаянно задергался. Кажалось, в горле у него застрял крошечный инопланетянин и отчаянно пытается вырваться на свободу.

— Это — очень большое предприятие. Президент Фаустино может быть в своем кабинете, или в зале заседаний, или совершать обход. Я не знаю.

— В такое позднее время? Чушь.

Бородач взглянул на настенные часы.

— Когда президент Фаустино приезжает так поздно, то занимается неофициальной работой, как я. Обычно эта работа связана с «НУ-ВИД 4», хотя я понятия не имею, что это такое.

— Именно это нас интересует. Где?

Бородач вздохнул. Этот разговор мог стоить ему работы.

— Лаборатория номер один. Направо в конце коридора. Поймете, когда увидите двоих охранников у дверей. Кроме них, ночью никого нет.

Стефан бросил бородача в лужу кислоты.

— Отлично. А теперь посмотри мне прямо в глаза и пообещай, что не поднимешь тревогу, как только мы выйдем из двери.

— Я? Подниму тревогу? Конечно нет. Даю слово.

— Поднимите руки, кто ему верит.

Никто не поднял.

— Я так и думал, — сказал Стефан и проверил обойму целлофановых патронов в своем «громобое».

Повторюшка был точь-в-точь потерявший-ся малыш. Он ковылял по коридору и громко плакал. Охранники, стоявшие у дверей лаборатории, не могли его не заметить.

— Эй, посмотри, — сказал охранник А -- рослая женщина с имплантатами мускулов

по всему торсу и контактными линзами ночного видения в глазах. — Ребенок. Как ребенок мог попасть сюда?

— Понятия не имею, — ответил охранник Б — не менее рослый мужчина с густой бородой до самых глаз. — Ты знаешь правила. Мы должны его упаковать.

Охранник А ударила его по плечу. Такой удар почти наверняка сломал бы любому нормальному человеку ключицу.

— Фу, изверг. Испугался такого малютки?

Повторюшка подошел совсем близко, вытирая слезы с глаз.

— Конечно нет, — сказал охранник Б. — Вот еще, ребенка бояться.

Ребенок перестал плакать и усмехнулся. Циничная и злая усмешка удивительно не вязалась с его обликом.

— А надо бы, — сказал он, доставая «громобой» из-под рубашки.

Охранники А и Б оказались «упакованы», прежде чем успели спросить: «А где твоя мама?»

Супернатуралисты, опустив антиполицейские маски на лица, прижались к стенам рядом с дверью лаборатории. Сквозь два стекла с узором «под мороз» пробивался свет. Он был синим.

— Ненавижу быть ребенком, — сказал Повторюшка и шмыгнул носом.

— Соберись, — сказал Стефан. — Ситуация крайне опасная.

— Пара ученых-полуночников? Они очень опасны. Охранников я уже упаковал.

— Не забудь об Элли. В драке и стрельбе ей нет равных. Она была одним из лучших тренеров рукопашного боя в академии.

— Все понял. Обычный план?

Стефан взялся за ручку двери.

— Нет. Космо и Мона останутся у двери. В здании могут оказаться другие охранники. Повторюшка, ты пойдешь со мной в лабораторию. Мы быстро осмотримся, по возможности никого не упаковывая, снимем все на видео и вернемся на Абракадабра-стрит, чтобы обдумать следующий ход. Мы решим эту проблему, но не сегодня. Сегодня мы не готовы.

— Стефан, но!.. — попыталась возразить Мона.

— Не сегодня, — твердо заявил Стефан. — Сегодня — только разведка.

Космо чувствовал, что все будет не так просто. Случится что-нибудь непредвиденное, супернатуралисты оглянуться не успеют, как снова окажутся по уши в неприятностях.

Дверь в лабораторию была незаперта. Стефан и Повторюшка бесшумно прошмыгнули в нее. Мона подставила ногу, оставив дверь чуть приоткрытой.

— Кто знает, — прошептала она Космо. — Может, мы им понадобится.

Дверь вела на наклонную эстакаду, проходившую над огромной лабораторией. Стены были безупречно белыми, по потолку тянулись пятидесятифутовые световоды. По лаборатории сновали похожие на муравьев-альбиносов техники, а в самом ее центре находилась гигантская конструкция, напоминающая спиртовой уровень: сложные механизмы с двух сторон, а между ними полупрозрачный синеватый куб, утопленный в пол.

— Для подтверждения мы снимем несколько кадров на видео, а потом помчимся со всех ног на Абракадабра-стрит? — спросил Повторюшка.

— Я сказал это ради наших друзей, — ответил Стефан. — Ты же прекрасно понимаешь, что второй раз возможность попасть сюда нам не представится. Как только Элли узнает о нашем побеге, лабораторию запечатают плотнее, чем ноздри верблюда во время песчаной бури. Мы должны узнать, что здесь происходит, прямо сейчас.

Повторюшка кивнул.

— Я так и думал. Что ты думаешь об этой штуке внизу?

— Какой-то генератор. Скорее всего, ядерный реактор.

— Но атомная энергия запрещена на всех континентах.

Стефан задумчиво кивнул.

— Возможно, но не в космосе.

Они достали оружие и медленно направились вниз по ступеням. Повторюшка открыл свой телефон и снял несколько кадров.

— Вдруг Мона смотрит за нами, — прошептал он.

Резкий звук расколол воздух. Звонкий, как удар бамбуковой палкой по дереву. Повторюшка мгновенно узнал его. Выстрел. Из настоящего порохового оружия. Бандиты Бушки часто переделывали «громобои» для стрельбы обычными патронами. Пули летели с дозвуковой скоростью, но были покрыты тефлоном, чтобы компенсировать ее. Стефан схватился за грудь и попятился к стене. Потом он сделал несколько шагов вперед и перевалился через перила. Его долговязое тело пролетело футов двадцать строго вниз.

— Стефан! — закричал Повторюшка полным страдания мальчишеским голосом.

Башкир лежал лицом вниз на покрытом плитками полу, под ним расплзлась лужа крови. Он не шевелился.

Ниже, на главном уровне лаборатории, Эллен Фаустино оторвала взгляд от цифровой панели, которую внимательно изучала.

— Почему я не удивлена? — сказала она, покачивая головой.

Повторюшка достал свой «громобой».

— Фаустино! — закричал он.

— Взгляните на свою грудь, мистер Бонн. Или лучше называть вас Повторюшкой?

Повторюшка взглянул. На его рубашке танцевала яркая красная точка.

Фаустино подошла к лестнице.

— Внутренний голос подсказал мне принять меры предосторожности. Как показывает практика, вы, супернатуралисты, можете вывернуться из любой ситуации. Поэтому я на всякий случай поставила снайпера прикрывать дверь. Кажется, я приняла верное решение. Тебя он тоже застрелит, Повторюшка. В этом помещении нет камер. Не будет никаких доказательств нашей вины. Брось оружие.

Повторюшка подчинился, проследив взглядом, как «громобой» падает сквозь прутья решетки.

Фаустино повысила голос.

— А теперь скажи двоим твоим товарищам присоединиться к нам, иначе мой человек вынужден будет нажать на курок еще раз.

Повторюшка напрягся.

— Отдавайте свой приказ. По крайней мере, двое останутся в живых, чтобы обо всем рассказать.

Космо и Мона ворвались в дверь.

— Нет! — крикнул Космо. — Не стреляйте. Мы здесь.

— Идиоты, — прошипел Повторюшка. — Теперь мы все умрем.

Мона подняла руки.

— Я просто пыталась выиграть время.

Повторюшка медленно спустился по лестнице. Лазерная точка по-прежнему дрожала на его груди.

— Чем вы здесь занимаетесь, Фаустино? Что это за безумие?

Фаустино указала на Стефана.

— Сначала займитесь своим командиром. Если я должна объяснить, что это за машина, не хочу повторять дважды. Вы двое, юноша и девушка, встаньте здесь, чтобы я могла вас видеть. Помните, при малейшем проявлении героизма вы унаследуете лазерную точку у мистера Повторюшки.

Повторюшка поспешил на помощь Стефану. С ощутимым усилием он перевернул русского юношу на спину и проверил пульс. Пульс был слабым, но сердце билось.

Стефан схватил Повторюшку за руку и положил его ладонь на рану.

— Теперь я вижу, — прошептал он хрипло. — Вижу все. Там жизнь действительно другая.

Повторюшка поддержал его голову.

— Нет, Стефан, еще рано. У нас пока есть работа.

— Забери у меня боль, — прохрипел Стефан, и у него на губах появились пузырьки крови. — Она мешает мне встать.

Повторюшка сосредоточился, отыскивая источник боли шестым чувством, забирая ее в себя. От потоков энергии тщедушное тело ребенка Бартоли мелко завибрировало.

— Лучше?

Взгляд Стефана стал ясным.

— Лучше. Гораздо.

Рана была скверной. Очень скверной.

— Стефан, ты не исцелен. Я не могу тебя исцелить.

— Я знаю, Повторюшка. — Стефана потряс приступ кашля. — Я знаю.

Ученые поспешили убраться из лаборатории, явно не желая быть свидетелями того, что произойдет дальше. С Фаустино остался только один телохранитель и, конечно, снайпер, сидевший в укрытии.

— Спускайтесь, — приказала она Космо и Моне. — Я хочу, чтобы вы были вместе.

Стефан приподнялся на локте.

— Это ведь не то, что я думаю, а, Фаустино? Даже ты не можешь быть такой бессердечной.

Фаустино радостно, как маленькая девочка, рассмеялась.

— О, Стефан, в тебе еще осталась искра порядочности. Помню, каким ты был в академии, таким наивным. Ты действительно поступил в полицию, чтобы помогать людям, и до сих пор занимаешься этим.

— Но ядерный реактор? После всех несчастий, которые они принесли миру? Не существует ни одного правительства, которое согласится купить акции атомного предприятия. Как может «Маичи» так поступать?

Стефану было очень трудно говорить. Даже для того, чтобы просто оставаться в сознании, ему приходилось прилагать огромные усилия.

Фаустино побарабанила пальцами по подбородку.

— Эта моя работа здесь официально числится неофициальной. О, Рэй Шайн прекрасно осведомлен о том, чем я занимаюсь, но делает вид, что ему ничего не известно. В такой ситуации все можно будет свалить на меня, если случится непредвиденное. Закон бизнеса: заранее назначь козла отпущения. Только на этот раз никаких неприятностей не будет, будет чистая прибыль, а мне перепадет благодарность компании.

Стефан заковылял к генератору. Торцевые секции были традиционными, но центральная представляла собой пластигласовый куб с двойным остеклением, заполненным гидрогелем. Наружная пластина была размером с футбольное поле. Внутри куба миллионы паразитов извивались и дергались, когда радиация проходила сквозь их биологические фильтры.

— Мы собрали всех «НУ-ВИД 4», которых вы столь любезно лишили сознания при помощи электромагнита. Вся лаборатория изолирована гидрогелем, размещенным в стенах пещеры. Поэтому на твоей груди нет ни одного паразита.

Реактор был живой картиной адских мук. Создания, которые должны были исполнять роль природных утолителей боли, корчились в чреве ядерного реактора.

Фаустино совсем не беспокоила собственная жестокость.

— На самом деле очень умная идея. Принцип тот же, что в ядерном реакторе, работающем по циклу «вода — вода», но воду мы заменили существами «НУ-ВИД 4».

У Стефана едва не подкосились ноги.

— Ты — чокнутая, Фаустино. Ты совершенно безумна.

Эллен Фаустино посмотрела на своего телохранителя и иронически приподняла брови,

словно более идиотского утверждения ей не приходилось слышать.

— Безумна? Вы хоть понимаете, чего мне удалось здесь достигнуть?

— Не понимаем, — сказал Повторюшка, старясь выиграть время. — Расскажите нам.

— Да, конечно, мистер Люсьен Бонн, ребенок Бартоли. Ты знаешь, люди считают детей Бартоли безумцами. — Фаустино ступила на пластигласовую плиту на уровне пола, которая защищала центральную часть реактора. Под ее ногами корчились в муках сотни тысяч паразитов. — Проблема водяных реакторов заключается в том, что они загрязняют воду и соответственно лопасти турбин. «НУ-ВИД 4» решает эту проблему. Не только эту. Эти существа более эффективно замедляют нейтроны и посылают их назад в урановый сердечник. Благодаря этому реактор является абсолютно чистым, обеспечивается стопроцентный коэффициент полезного действия и используется только десятая часть уранового топлива. «НУ-ВИД 4» — настоящее чудо природы.

— Но люди страдают без них, — прохрипел Стефан.

— Стефан, когда ты повзрослеешь? — резко оборвала его Фаустино, продемонстрировав свою истинную жестокую натуру, обычно скрытую утонченными манерами. — Люди постоян-

но страдают. Не я являюсь причиной их страданий. Мое ядерное солнце «Фаустино» на самом деле может им помочь. Возможно, я даже осуществляю несколько благотворительных проектов, о которых тебе говорила, хотя для меня это не так уж и важно. Я занимаюсь этим преимущественно ради денег.

— Ядерное солнце «Фаустино», — с горечью произнес Стефан, с трудом подходя к краю генератора. Гигантские турбины вращались под ногами Фаустино, искры чистой энергии плясали между их многослойными лопастями.

— Зачем, профессор? Все эти *несчастные случаи*? Рисковать жизнями стольких людей. Моя мать умерла.

С Фаустино слетели остатки благовоспитанности.

— Потому что спутник падает, идиот! — закричала она. — Падает с неба, потому что он слишком тяжелый и находится слишком низко. Слишком много коммерческих устройств установлено на основную конструкцию, и она не может их выдержать. Для того чтобы удерживать его на этой, коммерчески оправданной, орбите, «Маичи» необходим новый генератор, более легкий, более эффективный. Если такой генератор не появится, «Маичи» потеряет контракты на рекламу. Миллиарды динаров. Миллиарды! А это только вершина айсберга. «Ма-

ичи» заключила контракты на строительство еще десяти спутников. Десяти, вдумайся только! Эта самая крупная сделка в истории человечества. И ядерное солнце «Фаустино» будет установлено на каждом из них.

Стефан взмахом руки подозвал Космо и Мону. Они бросились к нему и подхватили под руки.

— Поднимите меня, — прошептал он, испытывая страшные муки. Боль возвращалась. Супернатуралисты помогли ему подняться на площадку.

Телохранитель Фаустино подошел ближе.

— Ближе нельзя, юноша. Не заставляй меня вывихнуть тебе пару суставов.

— Не волнуйся, Мануэль, — сказала Фаустино, чуть приподнявшись на пальцах обутых в сандалии ног. — Стефан ни разу не одержал надо мной победу на ковре. А сейчас у меня на пару кварт крови больше и нет дырки в груди.

Стефан опустился на колени. Он смотрел вниз сквозь пластиглас на ад. Ад, который он сам создал. Океан паразитов с тупыми затуманенными глазами волнообразно колыхался под его ногами.

Фаустино опустилась на колени рядом с ним.

— Так заканчивается твоя жизнь, Стефан. Скулишь, стоя на коленях. Лучше бы ты остался в ванне.

Телохранитель снял очки.

— Президент Фаустино, должен сказать, что я обеспокоен. А обеспокоить меня очень трудно.

— Расслабься, Мануэль. Возьми на прицел детей. С этим ты способен справиться?

Мануэль опустил очки на нос, который был сломан столько раз, что стал почти плоским.

— Да, госпожа президент, способен.

Фаустино сбросила сандалии и запрыгала по пластигласу как боксер.

— Ну что, Стефан, остались силы на последний раунд?

Страшная боль пронзила грудь Стефана.

— Я не буду драться, профессор.

— Правда? Перестань. Это ведь я виновата в смерти твоей матери, помнишь?

Стефан не поддался искушению.

— У меня есть более надежный способ расправиться с тобой.

Фаустино перестала прыгать, ее самодовольная улыбка стала менее широкой.

— Какой?

— Бороться изнутри, — едва слышно произнес Стефан. — Атаковать с тыла. Помнишь?

Руки Стефана были спрятаны под курткой. Они двигались.

— Что ты делаешь? Что ты там спрятал?

— Ничего опасного. Только телефон. Волноваться не о чем, президент Эллен Фаустино.

— Телефон? Кого ты можешь попросить о помощи?

— Никого. Я никого не прошу о помощи. Просто посылаю почту.

Фаустино подошла ближе.

— Почту?

— У меня есть друг в «Ви-ньюс», который с радостью отдаст руку или ногу, чтобы увидеть кадры, которые я сейчас снимаю. Он будет мне очень благодарен.

Фаустино потребовалось всего мгновение, чтобы понять, что именно происходит, а когда она поняла, ее лицо превратилось в маску ужаса.

— Он посылает видео! Если кадры с нашим реактором до завершения работы попадут в прессу, все будет кончено! — Она бросилась на раненого юношу, запустив пальцы с длинными ногтями под куртку, и вытащила из-под нее руки Стефана. В них ничего не было.

— Сюрприз, — сказал он, схватив свою бывшую преподавательницу так, чтобы прижать ее руки к туловищу.

Фаустино заколотила по его груди кулаками. Безрезультатно. Стефан с трудом поднялся на ноги.

— Мертвая хватка. Хватка мертвеца, — прохрипел Стефан, и его лоб покрылся крупными каплями пота. — Последнее, на что я способен.

Каждый человек, получивший образование в полицейской академии, знал, что это такое.

Если подозреваемый умирал и знал, что умирает, следовало быть начеку, потому что часто вместе с ним в могилу попадал тот, кто попался ему под руку. Поразительно, но люди в последние секунды жизни обладают чудовищной силой, способной гнуть железо и ломать кости.

Спрятавшийся где-то наверху снайпер переместил лазерную точку на лоб Стефана.

— Нет, — быстро произнес Мануэль в спрятанный в рукаве микрофон. — Не стрелять. Повторяю. Не стрелять. Я справлюсь с этим.

— Видео снимаю не я, — прошептал Стефан. — Повторюшка.

— Хватайте мальчишку! — заверещала Фаустино. — Светловолосого.

Мануэль навел на Повторюшку свой «гробомобой».

— У тебя есть телефон? Отдай его мне.

— Конечно, у меня есть телефон. Успокойся, Мануэль. Сейчас суну руку в карман и достану его.

Мануэль кивнул.

— Давай. Только медленно. Иначе упакую.

Повторюшка поднял одну руку вверх, вторую сунул в карман и осторожно, двумя пальцами, достал телефон.

— Смотри, вот он. Нет проблем. Сейчас принесу.

— Нет, оставайся на месте. Брось его мне.

Повторюшка едва заметно кивнул Космо.

— Бросать?

— А я что сказал? Ты что, не только мелкий, но и тупой?

— Успокойся, Мануэль, не паникуй. Лови.

И Повторюшка высоко подбросил телефон. Слишком высоко. Только одна пара глаз следила за его полетом. Мануэля. Космо и Мона выхватили «громобои» из-за ремней и вклепили в телохранителя не меньше четырех целлофановых зарядов. Вирус распространился по его телу, и через несколько секунд Мануэль был надежно упакован.

Повторюшка улыбнулся.

— Настоящий шедевр, — сказал он, поднимая свой телефон.

— Идиот! — придушенно пискнула Фаустино, извиваясь в объятиях Стефана. — Полудурок!

— Повторяешься, профессор, — слабым голосом произнес Стефан.

Фаустино подняла лицо.

— Не обольщайся, Стефан. У меня остался снайпер. Он не позволит твоим супернатуралистам подойти к пластигласу, пока ты не умрешь. А это случится очень скоро.

Лазерная точка винтовки прыгала с цели на цель. Снайпер не мог понять, кто из противников самый опасный.

— Сдавайся, Стефан. Тебе не победить, — прошипела Фаустино.

Красная точка скользнула на пластиглас. Космо, Мона и Повторюшка мгновенно нырнули под защиту состава монорельсовых тележек.

Стефан улыбнулся покрытыми кровью губами.

— Мои друзья в безопасности. Остались только ты и я.

— Ничего не изменилось. Время на моей стороне.

Голос Повторюшки ясно прозвучал сквозь гул генератора.

— Стефан, не делай этого. Должен быть другой выход.

— О чем он говорит? — спросила Фаустино.

Стефан проигнорировал ее вопрос.

— Извини, Повторюшка. Простите меня все. Впредь вам придется обходиться без меня.

Космо схватил Повторюшку за плечо.

— Что он имеет в виду?

Повторюшка уронил голову на ладони.

— Стефан умирает. Пуля прошла слишком близко к сердцу. Он хочет умереть не зря, хочет, чтобы его смерть что-то принесла в мир.

— О чем ты? — спросила Мона. — Что может принести его смерть?

Повторюшка осторожно выглянул из-за тележки.

— Конец боли.

Собрав буквально последние силы, Стефан опустился на колени, все еще прижимая к себе Фаустино.

Красная точка заплесала и остановилась в центре его лба.

— Я убью ее! — крикнул юноша снайперу. — Она виновна в смерти моей матери!

Фаустино попыталась что-то крикнуть, но ее лицо было прижато к груди Стефана.

— Я не шучу! Я убью ее!

Точка дрожала. Снайпер не знал, как ему поступить.

— Можешь считать, что она уже умерла.

Невидимый стрелок принял решение. В темноте сверкнула вспышка выстрела, дозвуковая пуля вылетела из ствола и полетела по лазерному лучу, вращаясь и теряя гелевое покрытие.

Стефан заметил вспышку. Он ждал ее. Только ее и ждал. Он рухнул на пол за миллисекунду до того, как пуля просвистела рядом с ухом и пробила двухслойное пластигласовое покрытие.

Фаустино заметила, как из отверстия начал вытекать гидрогель.

— Нет! — закричала она.

Пуля продолжила полет внутри реактора и задела лопасть одной из турбин. Осколок лопа-

сти, вращаясь, полетел вверх, и прошел сквозь пластиглас, как палец сквозь песок. Гидрогель потек вниз, разгоняя паразитов, у которых еще оставалась энергия двигаться. На дюжине пультов загорелись аварийные индикаторы, ядерные установки реактора автоматически отключились и заблокировались. Но защита зоны «НУ-ВИД 4» была безнадежно нарушена. Трещины наперегонки побежали по поверхности пластигласа. Каждая трещина приводила к возникновению миллионов других, пока на огромном кубе не осталось и квадратного фута уцелевшего покрытия. Гидрогель стекал вниз потоками. Паразиты пытались спастись от него, но для бегства им была нужна чистая энергия.

Фаустино прижалась щекой к пластигласу.

— Отпусти меня; — взмолилась она.

Стефан разжал руки.

— Слишком поздно, профессор, — сказал он. — Не волнуйся, ты ничего не почувствуешь.

Фаустино вскочила на ноги, но не успела сделать и полудюжины шагов, как прозрачная плита разрушилась окончательно, и оба — Стефан и его жертва — рухнули в чрево центральной части реактора. От сотрясения в помещении вылетели все стекла, гидрогель потоком потек по двойным стенам куба.

Стефан упал на спину, но боли не почувствовал: Боль исчезла, потому что на его груди сидел один-единственный паразит. Он избавлял своего заклятого врага супернатуралиста от мучений.

— Бери ее, — прошептал Стефан пересохшими губами. — И беги. Ты свободен.

Паразит высасывал из него боль сплошным серебристым потоком. Через несколько секунд его пересохшее сердце наполнилось силой. Круглые глаза паразита с сочувствием смотрели в глаза Стефана.

— Теперь я понимаю, — сказал Стефан. И произнес после этого еще одно слово, на последнем дыхании: — Мама.

Паразит вытянул четырехпалую лапку и положил ее на плечо страдающего собрата, чтобы поделиться с ним силой. Вскоре боль Стефана распространилась уже на тысячу паразитов, дав им силы спастись из реактора и найти энергию для освобождения своих собратьев. Они побежали по стенам, избегая сгустков гидрогеля, вихрем разлетелись по всей лаборатории, как листья, поднятые порывом ветра.

Сердце Стефана остановилось, но он успел увидеть, как они уходят. И в середине этого моря синевы заметил что-то еще. Иное место. Не похожее на этот мир.

Космо и Повторюшка смотрели на дно центральной части реактора. Сейчас Повторюшка выглядел настоящим ребенком, по его щекам текли слезы.

— Тебе обязательно было умирать, да? — сквозь рыдания говорил он. — Что, никак не мог упустить случай стать большим глупым героем? Конечно, другое тебя не устраивало...

Космо, как всегда, не понимал, что произошло.

— Ты имеешь в виду, что он вынудил снайпера выстрелить?

— Конечно. Только пуля могла пробить пластиглас. Он ждал вспышки выстрела. Пули летят медленно, понимаешь?

Паразиты в поисках энергии кружили вокруг них. Некоторые из них уже вернулись с улицы сквозь разбитые окна, принесли энергию для освобождения других. Один из паразитов завис над плечом Космо, выжидающе наклонив голову.

Космо сделал шаг назад.

— Он что-то почувствовал.

На его груди заплесала красная точка.

— О нет, — воскликнул Повторюшка. — Снайпер все еще там. Не двигайся. Я попытаюсь договориться.

Повторюшка поднял руки, повернувшись к источнику лазерного луча.

— Фаустино конец! — крикнул он в темноту. — Нет смысла делать это. У нас есть деньги.

Сначала не было никакой реакции, потом из темноты донеслись знакомые звуки выпущенных и попавших в цель целлофановых зарядов. Из темноты на потолочную балку вышла Мона.

— Я тут подобралась к этому парню и под шумок упаковала, — крикнула она, убирая «громобой» в кобуру. — Сказалась наука Стефана. — Она замолчала на секунду, собираясь с духом. — Его больше нет?

— Да, — ответил Космо. — Его больше нет.

Не было больше и паразита у него над плечом.

Мона помолчала несколько секунд. Космо показалось, что ее стройная фигурка затряслась. Потом она взяла себя в руки.

— Значит, пора сматываться отсюда. Аварийные сигналы звенят по всему зданию. Парарюисты могут появиться в любую секунду.

Она была права. Космо услышал вой приближавшихся сирен. Он в последний раз посмотрел вниз и поспешил к лестнице, на свободу.

НЕПРЕДВИДЕННЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

*Счастливые Угодья
в окрестностях Маичи-Сити,
две недели спустя*

Невероятно, но Эллен Фаустино выжила, чтобы предстать перед председателем корпорации «Маичи». Как только немного прижилась пересаженная ей кожа, Фаустино на вертолете доставили в поместье мэра Рэя Шайна в Счастливых Угодьях.

Мэр Рэй Шайн, по совместительству — председатель корпорации «Маичи» в Маичи-Сити, специально прервал игру в гольф, чтобы поговорить с ней. Рэй упрямо не признавал традицию одеваться соответственно случаю. Сейчас он был одет в желто-розовый клетчатый свитер, остроконечную шляпу такой же расцветки, твидовые бриджи и цветастые носки с узором «ромбиками».

Мэр уселся за письменный стол на ножках из слоновой кости, устроил поудобнее свой внушительный живот и налил себе стакан очищенной воды, не предложив Фаустино.

— Элли, Элли, Элли! Чем ты там занимаешься, в своем отделе исследований и разработок? — Голос его был ласковым, но Фаустино знала, что более безжалостного человека в мире не сыскать.

— Рэй, председатель Шайн, со всем уважением, вы отлично знали, чем я занимаюсь. Я вам говорила.

— Правда? — с невинным видом спросил Шайн. — Не припоминаю такого разговора. И никаких записей не существует. Нет, боюсь на этот раз тебе придется отвечать самой. Жаль, что видео попало в прессу. Разработка ядерного реактора. О чем ты только думала?

— Я думала, что смогу спасти эту компанию, — ошетибилась Фаустино. — Вы видели цифры, я могла бы это сделать...

— Я знаю, если бы не эти бегающие голышом натуралисты.

— Супернатуралисты, — прошипела Фаустино, скрипнув зубами. — И они гораздо опаснее, чем вы думаете, даже после смерти их лидера.

— Да, возможно, возможно. Я пригляжу за ними. Кстати, тебе не стоит о них беспокоиться, ведь ты же умерла.

НЕПРЕДВИДЕННЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Фаустино почувствовала, как сердце подпрыгнуло до горла.

— Умерла? Право, господин председатель, нет никакой необходимости...

Шайн взмахом руки заставил ее замолчать.

— Не умерла в смысле «мертвая», а умерла для прессы. Нам нужен был козел отпущения, и выбор пал на тебя. К счастью, мальчик был настолько сильно изуродован, что его оказалось невозможно опознать, да и тебя вряд ли кто узнает, особенно с новым лицом.

Фаустино покраснела, чего с ней не случилось уже много лет — кажется, еще со школьных времен.

— Что запланировала для меня корпорация «Маичи»?

Шайн откинулся на спинку кресла так, что послышался треск.

— Все дело в том, Элли, что мы много ставили на твой реактор. Не знаю, как у тебя это получилось, но расчеты были многообещающими. Эти твои твари «НУ-ВИД 4» очень полезны для бизнеса.

Фаустино мгновенно оживилась.

— Значит, вы не закрываете проект?

— Конечно нет, но мы должны будем действовать более скрытно.

— Насколько скрытно?

Шайн улыбнулся.

— На Южном полюсе.

Фаустино хотела было возразить, но быстро вспомнила, что бывает с людьми, посмеявшимися не согласиться с Рэем Шайном.

— Ты не против? — вежливо спросил председатель.

Эллен выдавила из себя улыбку.

— Южный полюс. Тишина, безлюдье. Никто не будет мешать. Отлично.

Мэр Рэй Шайн встал и разгладил свой клетчатый свитер.

— Хорошо. Вертолет, который доставит тебя в наш антарктический филиал, уже ждет. Счастливого пути.

— Превосходно. Спасибо, господин мэр. — Фаустино поднялась и, тяжело опираясь на трость, похромала к дверям кабинета.

— Кстати, Элли...

— Да, господин мэр?

— Это — твой последний шанс. Завалишь дело, тебе самой понадобятся эти твари НУ-ВИД 4». Я ясно выразился?

— Кристально ясно, господин мэр.

Абракадабра-стрит, 1405

От склада на Абракадабра-стрит остались лишь стены и окна. Причем из многих окон парасюристы вынули стекла. В течение двух недель супернатуралисты чистили, чинили и горевали,

НЕПРЕДВИДЕННЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

пытаясь восстановить то, что повредила «Мачи». А работа была еще далека от завершения.

— Койки, слава богу, на месте, — стараясь не унывать, сказала Мона в конце особенно утомительного дня.

Повторюшка со злостью ударил ногой по искореженным остаткам холодильника.

— Да уж. Койки, хвала небесам, целы. Правда, еды совсем нет.

Космо пытался подключить спасенный жесткий диск к разобранному на части компьютеру.

— Мона не так давно принесла немного паццы. Оставила на двигателе чушкамобиля. Хотя, может быть, после того, что произошло во ВНОКе, ты разлюбил паццу?

Ребенок Бартоли довольно потер руки.

— Шутишь? Да, у меня слабый желудок, но еда-то в чем виновата? Она вполне съедобная, — рассмеялся он и направился к лифту. — Пацца и койки. Что еще нужно молодому мужчине?

Внезапно Космо почувствовал страшную усталость. Он придвинул стул и опустился на него, но легче не стало. С того страшного дня, когда они потеряли Стефана, его мучила бессонница — ему никак не удавалось проспать

больше четырех часов подряд. Жизнь потеряла для него смысл.

— Что мы теперь будет делать? — спросил он Мону после нескольких минут молчания. — Без него?

Мона пожала плечами.

— Жить, день за днем, как жили раньше, как живут все остальные. В городе грядут большие перемены. Все больше людей живет вне зоны обзора. Может быть, через несколько лет не станет самого спутника. Мы должны самостоятельно строить наши жизни. По крайней мере, мы живы. По крайней мере, у нас есть друзья.

Но у Космо по-прежнему было тоскливо на душе.

— Но мы были вместе благодаря ему. Он направлял нас.

Мона откашлялась.

— Знаешь, Космо, строго говоря, я спасла тебе жизнь в лаборатории.

Космо по-прежнему смотрел в пол.

— Верно. Упаковала снайпера. Я хотел поблагодарить тебя, но все произошло так...

Он вдруг вспомнил о разговоре на крыше.

«Может быть, в следующий раз ты спасешь меня, — сказал он тогда, — и я отблагодарю тебя поцелуем».

НЕПРЕДВИДЕННЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Он поднял взгляд. В глазах Моны он увидел слезы, а на губах улыбку. Он медленно встал и некстати подумал, не слишком ли сильно торчит из-под кожи пластинка на лбу.

— Я должен тебе поцелуй.

Мона указала на щеку.

— Вот именно. Должен.

У Космо вдруг зачесалась коленка.

— Честно говоря, я никогда... Я имею в виду...

Мона озорно улыбнулась.

— Может быть, забудем обо всем?

И тогда он поцеловал ее.

Конечно же, именно в этот момент вернулся Повторюшка с охалкой паццы.

— Бедный я, бедный, — сказал он, бросая обертку в утилизатор. — Теперь придется терпеть ваши томные взгляды друг на друга всякий раз, когда мы пойдем охотиться на сверхъестественных тварей.

— Тварей? — переспросил Космо. — Каких тварей? Ты забыл, что паразиты — наши друзья?

Повторюшка стал возиться с задней платой своего любимого телевизора.

— Паразиты? Кто говорит о них? Позволь тебе сказать, что есть гораздо более вредные твари. Если вы двое их не видите, это не значит,

что их нет. У меня внечувственное восприятие. Я — дитя Бартоли. От меня никто не спрячется.

Повторюшка откусил огромный кусок от второй паццы.

— Верьте мне, — пробормотал он набитым ртом, — работа супернатуралистов далеко не завершена. Но нам нужно некоторое оборудование. Что у нас осталось?

Мона достала из кармана чип стартера.

— У нас есть чушкамобиль.

Повторюшка кивнул.

— Неплохо для начала.

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА 1. КОСМОНАВТ ХИЛЛ	7
ГЛАВА 2. НАВОДЧИК	51
ГЛАВА 3. КАК ПУСКАТЬ ПУЗЫРИ	87
ГЛАВА 4. БОЛЬШАЯ ЧУШКА	115
ГЛАВА 5. МИЛАШКИ И БУЛЬДОГИ	134
ГЛАВА 6. «НУ-ВИД 4»	183
ГЛАВА 7. ВНОК	217
ГЛАВА 8. ИМПУЛЬС	290
ГЛАВА 9. ЛАБОРАТОРНЫЕ КРЫСЫ	336
ГЛАВА 10. НЕПРЕДВИДЕННЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ..	375

Литературно-художественное издание

Йон Колфер

КОСМО ХИЛЛ.

СУПЕРНАТУРАЛИСТ

Ответственный редактор *Н. Аллунан*
Художественный редактор *А. Стариков*
Технический редактор *О. Шубик*
Корректор *В. Дроздова*

Оригинал-макет подготовлен издательством «Друмино»
197198, Санкт-Петербург, ул. Блохина, 20/7.
Тел./факс (812) 325-13-28

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, корп. 5. Тел.: 411-88-88, 856-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

*По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.*

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-кэнц»:
109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2.
Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Малкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-кэнц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (095) 745-89-15, 780-58-34.
www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

*Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве
в сети магазинов «Новый книжный»:*
Центральный магазин — Москва, Сухареvская пл., 12
(м. «Сухареvская», ТЦ «Садовая галерея»). Тел. 937-85-61.
Москва, ул. Ярцевская, 25 (м. «Молодежная», ТЦ «Трамплин»). Тел. 710-72-32.
Москва, ул. Декабристов, 12 (м. «Отрадное», ТЦ «Золотой Вавилон»). Тел. 745-85-94.

*ООО Дистрибуторский центр «ЭКСМО-УКРАИНА». Киев, ул. Луговая, д. 9.
Тел. (044) 531-42-54, факс 419-97-49; e-mail: sale@eksmo.com.ua*

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Санкт-Петербурге:
РДЦ СЗКО, Санкт-Петербург, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82/83.

Сеть книжных магазинов «Буквоед»:
«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34
и «Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Сеть магазинов «Книжный клуб «СНАРК» представляет самый широкий ассортимент книг издательства «Эксмо». Информация о магазинах и книгах в Санкт-Петербурге по тел. 050.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Новгороде:
РДЦ «Эксмо НН», г. Н. Новгород, ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-38-70.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 25.11.2004.
Формат 84x108 1/32. Печать офсетная. Бум. тип. Усл. печ. л. 20,16.
Тираж 50 100 экз. Заказ № 5428

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

Информационная поддержка

БАШНЯ
ЖУРНАЛ

ISBN 5-699-09015-0

9 785699 090150 >